



ДОЧЬ СТАРОГО ~ КРЫМА

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

Мальвина Гайворонская

Дочь старого Крыма

<https://litres.ru/74186559>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти матери Екатерина приезжает в Крым искать отца, с которым не было связи более двадцати лет. В ее распоряжении три недели отпуска, смутные воспоминания из детства, заточка и очаровательный местный таксист Ромаш, в любой непонятной ситуации предлагающий свернуть к морю и выбравший своим дао «потихоньку». Вот только чем ближе Екатерина к отцу, тем хуже помнит путь — и тем активнее проявляет к ней внимание сам Ромаш...

Примечание:

Эта история — часть большого цикла «Одаренная девочка и прочие неприятности» и существует по двум причинам: автору а) было по фану и б) хотелось рассказать об определенных механиках мира. Честно — мало представляю, кому и чем она может быть интересна вне вселенной ОД, но сразу уточню: для понимания происходящего полезно прочесть хотя бы первые две книги, а лучше — все четыре (и не важно, что третья только вышла).

Р. S. Действие происходит спустя несколько лет после четвертой книги, в начале которой Пандоре исполняется 16.

Содержание

Глава 1: Начало (второй недели)	4
Глава 2: Необъяснимо, но фак(т)	27
Глава 3: (По)беда	49
Глава 4: Беда (без всяких «по»)	78
Глава 5: (Ка)тень(ка)	110
Глава 6: (Пред)история	134
Глава 7: С(в)оло(чь)	168
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Мальвина Гайворонская

Дочь старого Крыма

Глава 1: Начало (второй недели)

Екатерина распахнула глаза, хмуро уставилась на опутанную паутиной люстру на деревянном потолке и, вспомнив, где и зачем находится, вздохнула. Добро пожаловать в очередной день твоего феерического отпуска, Катюха.

Будильник стоял на полвосьмого, но организм, судя по всему, не желал терпеть местные матрасы ни секундой дольше необходимого и в приступе оптимистичной бодрости проснулся на час раньше. Конечно, явный недосып еще аукнется вечером, когда она вырубится сразу после касания головой подушки, но чем меньше сил осознать, куда ложится, тем ей же и лучше. Привычным движением Екатерина смахнула с руки очередного муравья и села, собираясь с мыслями. Кафе открывается в восемь, но, как она еще в самом начале выяснила, это не значит, что к тому времени появится кто-то из персонала, — спасибо хоть столики с улицы не убирают, можно подождать с комфортом. Значит, где-то в восемь двадцать закажет завтрак, пока раскочегарятся-принесут, пока оплатит... Машину надо вызывать на девять.

Набрав номер местной службы такси — подружиться с

приложением у Екатерины так и не получилось, — она продиктовала адрес, а когда оператор повесила трубку, перезвонила еще девять раз и через горячие клавиши подняла цену со стартовой — две тысячи пятьдесят рублей — до двух с половиной. Здешние порядки, с которыми против воли пришлось знакомиться на четвертый день пребывания, до сих пор повергали в недоумение привыкшую к сервису большой земли Катюху: безликая администратор назначает цену, заявка падает в некий чатик таксистов и может висеть там сколько угодно, пока кто-нибудь не подхватит, никакого принудительного назначения на заказ. Еще и берут охотнее, если доплачиваешь, но сколько нужно накинуть — не скажут, повышай вслепую по пятьдесят рублей и надейся, что повезет. Ну, пару раз ей уже везло.

Вспомнив вчерашнего скандалиста, поклявшегося и самому не возить, и остальным о «придурочной» рассказать, Екатерина поморщилась и подняла цену до трех тысяч. Теперь точно должны клюнуть.

После достала адаптер и первым делом положила на зарядку часы: по неизвестной причине во всех розетках номера переходник очень быстро раскалялся, оставлять его на ночь или без присмотра Катюха не рисковала, совершенно не желая расширять свой и без того сомнительный курортный опыт еще и пожаром. Сделав пару упражнений и быстро умывшись — душ принимала по вечерам, ибо без этого не могла заставить себя лечь на неприятную коже простынь

с вырвиглазными цветочками, — нанесла крем для лица и вернулась в комнату оценивать масштаб трагедии. Ага, новая пара синяков на ногах — не зря брала длинные юбки, в них и на жаре полегче, и последствий приключений не видно — и стремный отекий укус чуть ниже плеча, потихоньку начинающий чесаться. Добавив к утренней порции витаминов антигистаминное, Екатерина стянула с себя корпоративную футболку, в которой спала, и принялась обильно вмазывать дорожное солнцезащитное средство, рекомендованное консультанткой в «Золотом Яблоке». Будем честны, цена оказалась единственным поводом для нареканий: крем свое дело делал, реально спасая кожу от безумного южного солнца, даже когда Катюха пропускала рекомендуемое время повторного нанесения. И если бы кое-кто — не будем показывать пальцем, она и так раскаивается — в первый день не забыл, что шея существует еще и сзади, то, скорее всего, вообще бы не обгорала. Слава богу, до ожога не дошло, но могло, могло...

Щедро нанеся защиту и убедившись, что часы наконец-то зарядились, Екатерина смахнула с них вездесущих муравьев, воткнула в розетку уже телефон и принялась проверять рабочие чаты и почту, оставив самое неприятное — прогноз погоды — на последние минуты перед выходом. Пара договоров — дождутся ее возвращения, просроченные отчеты — тем более, поздравления коллеги с рождением дочери, уведомления о созвонах, комментарий от начальницы, что на

встрече с партнером та будет присутствовать вместо Екатерины Тавровны...

Вообще Алла Эдуардовна была удивительно душевной и доброй бабулечкой, какую совершенно не ожидаешь обнаружить во главе рекламного агентства, и когда искала помощницу, говорила прямее некуда: «В клиентах недостатка нет, внучатые племянники старых подружек, царствие им небесное, всегда имеют в наследство бизнес-другой и мой телефончик помнят. А вот чтобы эти шалопаи из нас все соки не выпили и по миру не пустили, нужен уже кто-то помоложе и желательно с хваткой питбуля». Катюха, если честно, тогда не особо надеялась на успех: среди соискателей были и попредставительнее, и с дипломами заведений получше, и с опытом приличным, но из двадцати дошедших до финала девиц — мужчин в качестве помощников трижды разведенная Алла Эдуардовна не рассматривала принципиально — выбрали все-таки ее. Как позже поделилась начальница, ни диплом, ни опыт и вправду роли не сыграли: «Просто ты, Катеринушка, в перерыве мамушке позвонила, вот я вас чуть-чуть и послушала. Прости, конечно, старуху расчетливую, но из таких как раз настоящие питбули и вырастают: хоть по голове тебя лупи, челюсть не разожмешь».

Так и повелось: Катеринушка, известная за пределами кабинета Аллы Эдуардовны исключительно как Екатерина Тавровна, с жаром накинулась на переговоры и документацию, выступая в роли вежливой, но непреклонной правой

руки, которая постоянно мешает руководству понять и простить очередного крестника и стабильно напоминает о сроках платежей и невыполнении договоренностей, и за первые пару лет заработала вполне себе репутацию, а за последующий десяток — даже имя.

В полноценный отпуск на три недели, к тому же за пределами Москвы и большую часть времени без связи, она ушла впервые и скрепя сердце — как там ее добрая начальница, сдюжит ли? По итогам первой недели можно было выдохнуть: Алла Эдуардовна вполне справлялась, пусть и заканчивала каждое сообщение неизменным «я же все правильно сделала, да?». Отдельно Катюху повеселила быстро распространившаяся в конторе кулстори: на встрече с прессой у их делегации спросили, кто из них Екатерина Тавровна, и Алла Эдуардовна выдала: «Ой, я за нее».

Однако, не считая подобных очаровательных моментов, получалось, что без Катюхи мир не рухнул, руководительница вполне успешно подхватила процессы, и фирма работала как работала — ну и слава богу, пусть хоть и самую малость обидно. Зато о них можно было не вспоминать до следующего утра: планерку Екатерина все-таки собиралась послушать, мало ли чего, однако на второй неделе отпуска поняла, что уже в разы меньше переживает во время отключений мобильного интернета. В первые дни ей упорно казалось, что ровно в этот момент до нее непременно попытаются дописаться по какому-нибудь чрезвычайно страшному ЧП, но по-

ка что максимум проблем, выпавший на долю дорогих коллег, выглядел как лишняя бутылка воды для кулеров, мешавшаяся в проходе, поскольку не влезла в подсобку. Екатерина радовалась за них — и немного завидовала: на данный момент против нее словно ополчился весь Крым.

Взять, к примеру, заселение. Естественно, по первоначальному плану правая рука руководительницы крупной рекламной фирмы ехала не в деревянный домик к муравьям, а во вполне себе приличный четырехзвездочный отель на первой линии. Вот только на месте выяснилось, что за три ночи до нее туда добралась местная программа реновации: пляж и все вокруг перекопали и огородили, а благодаря меткому попаданию ковша экскаватора зажавший возврат предоплаты отель оказался одновременно и без электричества, и без воды.

В соседних ситуация по понятным причинам сложилась не лучше, на вопрос, когда все починят, ответом было «потихоньку», и устраивало это Катюху примерно никак. Мобильный интернет отключили, так что погуглить ближайшую замену Екатерина не могла и, добыв хотя бы телефон таксиста, вызвонила того и попросила отвезти на другую сторону города в надежде заночевать там: подсказать что-то путное ни мальчик на ресепшене, ни сам водитель не смогли.

В следующем отеле свет и вода были, но предсказуемо не нашлось мест, и Катюха двинулась вдоль улицы, просто заходя в каждый и раз за разом слыша: нет мест, нет мест, нет

мест... Логично, бывшие постояльцы пострадавших номеров явно подсустились раньше. Перспектива вслепую переться искать жилье в другой город настораживала, селиться к частникам казалось небезопасным, и тут, на ее счастье, мимо проезжала Юлия, то ли владелица, то ли просто сотрудница небольшого кемпинга, как ни странно, с той самой, обновляемой стороны набережной. Ее заведение находилось в дальнем углу соседней улицы, вторая линия, и каким-то чудом коммуникации под ковш экскаватора не попали. Да, комнатка с деревянной обшивкой стен, муравьями, вырвиглазным постельным бельем и полотенцами, плохой проводкой и полным отсутствием туалетных принадлежностей, кроме бумаги, не претендовала на вершину комфорта, но хотя бы наконец-то была — с водой, холодильником, чайником и, что немаловажно в плюс тридцать пять, кондиционером.

А еще сюда у нее раз за разом получалось вернуться — тоже хороший знак.

Закончив читать рабочую почту и убедившись, что солнцезащитный крем худо-бедно впитался, Екатерина смахнула с себя очередного зарвавшегося муравья и, накинув рубашку с коротким рукавом и легкую длинную юбку, прихватила наушники, телефон и заряженный с вечера пауэрбанк, затолкала все в маленькую сумочку через плечо и, не забыв солнечные очки, бесстрашно вышла из благословенных двадцати пяти градусов кондиционера в пока еще утренние, а потому терпимые двадцать семь улицы. Небольшой рюкзачок

грустно остался ждать в номере: пусть в него и помещались крем, вода и куча прочих полезных в дороге штук, зато спина потела как в бане, и повторять ошибку первого дня Катюха не собиралась. Заказав в кафешке напротив свежавыжатый апельсиновый сок, раф комфортной температуры и рапаны в кляре — не самый здоровый набор, но после всех приключений не хватало только на кухне экономить, — бухнулась за тот же столик, где завтракала и ужинала последнюю неделю, и снова уткнулась в телефон, на этот раз изучая карту соседнего города, в который предстояло ехать. Яндекс закладывал час на дорогу, значит, обратную машину вызвать лучше где-то в полдевятого...

За тщательным планированием сегодняшнего маршрута настало девять, однако с ней до сих пор не связался водитель. Девять пятнадцать — машина все еще не была назначена, и Катюха вновь набрала номер такси, дождалась ответа оператора, начала объяснять ситуацию и услышала гудки в трубке — ее просто сбросили. Сделав глубокий вдох и ме-е-едленно выдохнув, Екатерина набрала снова и через робота отменила заказ. Ладно, видимо, все-таки не клюнут даже на три тысячи. Оставалась последняя надежда — на спасительную Юлию.

Та нашлась, как обычно, в сторожке-по-совместительству-ресепшен, в компании спящего белого песика-облачка и сопровождающего кондиционер вентилятора: стройная и вполне себе бодрая женщина чуть за пятьдесят в алом сара-

фане, с ярко-оранжевыми волосами и настолько загорелой кожей, что могла бы дать фору даже мореному дубу. Оторвавшись от очередной заполняемой убористым почерком тетрадки, Юлия радостно поздоровалась:

— О, Катюша, утро доброе! Как спали?

— Как убитая, — тут даже душой кривить не пришлось, после дневных марш-бросков Катюха и вправду отключалась словно по кнопке. — Только наши старые друзья опять вернулись, хотя еды у меня в комнате по-прежнему как не было, так и нет.

— Муравьи-то? — оживилась Юлия. — Они у нас оптимистичные, нет-нет да и заглянут, вдруг чего. Не волнуйтесь, потравим, не впервой. Еще что-нибудь беспокоит?

— Да. У вас нет проверенных таксистов, которых могли бы посоветовать? Я пользовалась вот этими, — она показала номер на экране, — и, кажется, угодила там в ЧС.

— Тоже мне, трагедия, — хмыкнула собеседница. — Не вам в обиду, Катюша: им лишь бы за косарь до автовокзала пару раз в день подбросить и все, никакой клиентоориентированности. Есть у меня пара телефончиков... — Нырнув в нижний ящик стола, она выложила на стойку две многое и многих повидавшие визитки. — Светка — единственная девчонка-бомбила в округе, матершинница дай боже, но путная и ответственная. Минусы — машина без кондея. А, ну еще курит, но вам вроде не важно.

— Не важно, — кивнула Екатерина.

— Ну и хорошо. Вот, а второй — наш Ромаш: не курит, матом не ругается, водитель аккуратный, с кондеем. Из минусов — девки на него падки, и он этим пользуется, так что кошелек держите подальше от сердца: этот улыбаться — улыбается, бабло сосет, да в руки не дается.

— Еще и на мужчин у меня бюджета точно не хватит, максимум, что ему светит, — оплата по счетчику, — хмыкнула Катюха, но первой набрала Светлану: как ни крути, а когда ты одна-одинешенька в незнакомой глуши, с женщиной в машине спокойнее даже без кондиционера и под перемат.

Трубку та взяла, внимательно выслушала и бодро ответила в ключе «да, взяться могу, но часика через два — сейчас уже на заказе, в другом городе». Пообещав перезвонить, если что, Екатерина повесила трубку и задумчиво уставилась на вторую визитку. Терять время не хотелось, и без того первая неделя, считай, коту под хвост, но мужик, привыкший к дамскому вниманию, — вдруг полезет? Тоже на фиг не упало...

Аккуратно убедившись, что заточка все еще во вшитом внутреннем кармашке юбки, Екатерина решила и набрала второй номер. Ответивший мужской голос был приятен, не скроем, и обещал прибыть минут через двадцать. Дождаться Катюха осталась на ресепшен, во владениях кондиционера и вентилятора, и, пока Юлия что-то строчила в толстой тетради, еще пару раз проверила, что заточка легко достается и не менее быстро и удобно прячется. Вообще, вшивать по-

тайные уплотненные кармашки ее приучила мама, исповедовавшая парадигму, будто на отдыхе все только и делают, что обязательно пытаются приезжих ограбить, поэтому наличку необходимо хранить максимально близко к телу. Конечно, в современном мире необходимость в подобных ухищрениях давно отпала — Екатерина даже фейс айди не подключала во избежание несанкционированного доступа к финансам, но вот ее новой острой подруге вшитый по привычке карман оказался четко по размеру.

М-да, что отдых с людьми делает: еще неделю назад она была Екатерина Тавровна, а сейчас — Катюха с заточкой. Ну, отец, надеюсь, ты этого стоишь...

Однако двадцать минут спустя так никто и не появился, и минуло хорошо за десять, когда в сторожку наконец вошло новое и довольно неожиданное лицо: загорелый блондин с белозубой улыбкой смотрелся бы излишне кинематографично даже в обнимку с серфом в Калифорнии, не то что за баранкой крымского такси. Молоденький — Екатерина и тридцати б не дала, — стройный, но подкачанный, с трогательно лезущей в глаза челкой, хоть сейчас в поп-группу бери и в тур по России, любого Шамана за пояс заткнет. На ногах шлепки, чуть выше — то ли шорты, то ли плавки и белая рубашка из чего-то глубоко натурального. До образа максимально расслабленного покорителя пляжных сердец не хватало только какой-нибудь цепочки с кулоном, желательно в роли воспоминания о несчастной любви, чтоб ненавяз-

чиво болталась и притягивала взгляд к ключицам. Но, как было здесь принято, лишний раз заморачиваться, чтоб довести картинку до совершенства, никто не собирался. Бойкая Юлия на его появление только глаза закатила:

— Ну наконец-то, явился не запылелся. Екатерина, знакомьтесь, Ромаш. С другой планеты, что ли, ехал? Человек тебя сколько ждать должен?

Таксист улыбнулся шире, и Катюха моментально поняла, как исчезали деньги у его клиенток: имей она при себе наличку — сама б ему в карманы всю просувала, лишь бы сделал так еще.

— Теть Юль, я ж не виноват, что у вас тут очередная перестройка: два самосвала разъехаться не могут, мне их чего, перепрыгнуть прикажете? Пришлось машину на углу у заправки бросить и дальше пешочком. О, вы без сумок? До заправки дойдем?

Екатерина сухо кивнула, мысленно злясь на себя: сначала заточка, теперь готовность кинуться на шею первому же смазливому таксисту... Отпуск на море определенно не шел ей на пользу, и, попрощавшись с Юлией, Катюха первой ринулась наружу к уже вполне недружелюбным тридцати градусам. На выходе с территории они поравнялись — и тут же уткнулись в черную «шкоду» с подозрительно знакомыми номерами. Ах да, *вчерашний*. Высунувшийся из окна водитель смерил ее взглядом и, скривившись, крикнул спутнику:

— Ромаш, это ж та, про которую я в чате писал. Она по-

ходу... — тут он покрутил пальцем у виска.

Новый таксист только плечами пожал:

— Что теперь, не работать? Все лучше, чем пьяных возить.

И прошел мимо, чем заработал в глазах Екатерины пару дополнительных баллов. Правда, его поведение тоже напоминало: неужели в замкнутом сообществе на пару десятков коллег-соперников слухи до него не дошли? Или отмахнулся? Можно ли такому вообще доверять?

— Сколько в итоге поездка выйдет? — решила она на всякий случай прощупать почву.

— Две двести устроит? На две сотни меня как раз штрафнут за то, что заказ увел.

— В смысле? — не уловила логику Екатерина. — У кого увели? Меня ж за почти три часа так никто и не взял.

— Не взял, — кивнул парень, отходя к обочине и пропуская вчерашнего таксиста. — Ты там не выедешь, дурень! Ай, глухая тетеря, царя включил, не слышит. В общем, пусть и не взяли ваш заказ, но я-то его в общем чате видел. Да, потом вы его отменили, но раз нас вместе засекли, вопросы точно последуют: чего сразу не вызвался через агрегатор, почему напрямую работаем, процент отчислять не хотим, да? Начальству хрен че объяснишь, так что проще штраф оплатить и забить.

— А почему не взяли, если видели, а теперь везете, еще и за меньшие деньги? — оторопела Катюха.

— Сразу не взял, потому что, во-первых, Володька, подвозивший вас вчера, сразу верещать принялся, мол, человек в неадеквате, может, даже под веществами, связываться ни в коем случае нельзя; он, конечно, из тех, кто даже год спустя обиду помнит и на дороге всех проучить пытается, но, сами понимаете, времена беспокойные, мало ли чего... А во-вторых, там, куда мы едем, связь часто отрубает, обратку фиг найдешь. А везу в итоге, потому что раз вам тетя Юлия мой телефон напрямую дала, значит, помочь надо. Как-то так.

— Но почему дешевле? Я три ставила, — продолжала недоумевать Екатерина.

Тот глянул на нее как-то заговорщицки и вдруг рассмеялся:

— Ну блин, тут час езды! Не стоит оно трех тыщ, две за глаза даже с учетом обратного порожняка.

Что ж, либо Ромаш еще не смекнул, что она женщина и из нее можно, как выразилась Юлия, «сосать бабло», либо с утра оказался не на пике своей клещевой формы — и на том спасибо. Однако молчание было нарушено, и далее диалог продолжил уже он.

— На поворотах вас, кстати, не укачивает? — деловито поинтересовался, отступая с дороги, чтобы пропустить грустно ехавшего обратно коллегу: видимо, самосвалы так особо и не продвинулись.

— Когда не лихачат — нет, — пожала Катюха плечами.

— Отлично! Если уши закладывать начнет — это нор-

мально, перепады давления. Не стесняйтесь зевать, рот открывайте или чупа-чупс там пососите, они у меня в бардачке есть, бесплатно.

Видимо, идея, что она сядет не рядом, им даже не рассматривалась.

— Назад кондей не добывает, — правильно истолковав ее молчание, пояснил Ромаш. — Если хотите, можете, конечно, и там ехать, но, скорее всего, поплохее в разы быстрее, тут уж соси — не соси.

Последнюю фразу, по мнению Екатерины, стоило бы рассмотреть в качестве универсального слогана всего местного сервиса, но высказывать эту идею вслух не стала, тем более выпитые на жаре раф с соком резко попытались одновременно выйти через поры и явно столкнулись в дверях: с лица натурально начало капать, и в таком состоянии привлекать к себе лишнее внимание красавчика не хотелось. Блин, если б он до отеля доехал, обошлось бы без всего этого, но кто ж знал...

— Видите впереди «фольксваген» синенький? Это наш.

Екатерина, если честно, не опознала среди далеких точек даже цвета, не то что марки машин, но кивнула. Ромаш скосил на нее глаза и с заботой уточнил:

— Вам салфетки сухие дать?

Любое проявление собственной слабости Катюху бесило, поэтому, пробормотав нечто похожее на вежливый отказ, она попыталась украдкой утереть подбородок рукавом и чер-

тыхнулась: блин, солнцезащитный крем! Рукав светлой рубашки мгновенно радостно пожелтел. Ну и хрен с ним, все равно к вечеру вся одежда в таких разводах будет, никуда не деться.

Дойдя до машины, они наконец сели, завелись, и Ромаш, как и обещалось, аккуратно порулил в сторону соседнего города под тихий аккомпанемент магнитолы. Машина старенькая, но чистая, кондиционер и вправду что-то там пытается, никаких энергетиков под рукой, а в бардачке — обещанные чупа-чупсы, яблочные и кока-кольные. Пробовать Катюха не стала, но само наличие оценила и сразу призадумалась, в чем подвох такого сервиса: в везение не верилось совершенно. Скорее, Крым с ней не закончил и сейчас размахивается для очередного удара...

— Решили воздержаться? — с улыбкой уточнил Ромаш, кивнув на бардачок.

— Пока не закладывает.

— Если что, можно и просто так брать, для удовольствия.

— Спасибо, учту, — пробурчала Катюха и постаралась как можно мрачнее уставиться в окно: на улыбку парня так и тянуло ответить, а там и до разговоров по душам недалеко. Нафиг-нафиг, нельзя терять бдительность. Но молча поразглядывать пейзаж ей не дали — таксист словно невзначай снова завел волынку:

— Как вам у нас?

— Да как всегда: жара, трава вся высохла, сплошные ви-

ноградники да горы.

— Уже бывали тут?

— Да, очень давно.

— И, видимо, в восторге не остались?

Ага, в двенадцать-то лет с в ужасе крестьящейся матерью

— и почему-то без восторга...

— Скажем так, были причины.

— Но все-таки решили повторить? Интересный выбор.

— Сама в шоке.

Ромаш ободряюще улыбнулся, сердце радостно запело, и мозг тут же на него зашикал: сидеть! Не время паяться на смазливых парней, у нас вообще-то цель. Не без труда вернувшись к созерцанию незамысловатых пейзажей, Екатерина старательно принялась в них вглядываться, словно ища поддержку, но тщетно: однотипные кусты и виноградники пролетали друг за другом, изредка сменяясь однотипными же домиками или стадами умиротворенных коров да баранов, однотипные забегаловки по обочинам однотипно зазывали на устрицы, а самым неожиданным и ярким событием стал внезапный мужик, торговавший медом на обочине посреди абсолютного ничего. Горы тоже копировали одна другую, совершенно не внося определенности в пейзаж, и с каждой минутой Катюхе становилось все тоскливей и тоскливей: шанс спустя двадцать с гаком лет найти среди похожих дорожек нужную казался уже не просто призрачным, а абсолютно нереальным. Ничего, сдаваться без боя не в ее правилах.

Главное — четко идти по их с мамой следу, авось тогда и вспомнится. В конце концов, они ведь каждый год так путешествовали, да? Не могла же она забыть все окончательно, а горы — с землей сравняться, должны хоть какие-то зацепки остаться — или Крым и тут с ней играет?

— Не хотите искупнуться? Рядышком съезд прям к морюшку отличный, о нем только местные знают, весь пляж — наш, — внезапно вернул ее в реальность Ромаш.

Ну-ну — в безлюдное место с парнем, которого только встретила? Держи карман шире.

— Нет, спасибо, я купальник не взяла.

— Если что, мы недалеко отъехали, могу вернуться...

— Я вообще его с собой не взяла, — с нажимом ответила Екатерина.

Пожалуй, не предлагай Юлия до этого каждый божий день не кукситься, а прогуляться поплавать, Катюха завелась бы чуть меньше. Но и сдерживаться в такой ситуации смысла не видела — чем быстрее этот инкуб местечкового разлива поймет, что ловить нечего и дама не расположена к приключениям, тем лучше.

— Но тут же море, — продолжал не понимать ее Ромаш.

— А у меня дела, — отбрила Екатерина. — Времени на развлечения нет, и без того не ясно, на сколько еще все затянется.

— Ну хотя бы ножки помочить! — не сдавался таксист.

— Шлепок тоже нет, — отрезала она. — И нет, босиком

не пойду, а тратить лишние деньги не намерена: это сегодня повезло, но верю, завтра кто-нибудь из ваших коллег обязательно отобьет все сэкономленное.

— Вы и завтра планируете куда-то ехать?

— Да, — осеклась она, поняв, что проговорилась.

— Так давайте я и отвезу. Лишнего точно не возьму, обещаю!

— Ну вам же, как я понимаю, особо резона так кататься нет: обратно попутчика не найдете...

— Альтернатива — сидеть и сторожить заказы, авось первый ухватишь, а так хоть какая-то стабильность! Вас, кстати, обратно забрать надо или там заночевать планируете?

Екатерине очень не понравилось, что он прощупывает ее планы, но при этом она мысленно чертыхнулась: точно, еще же обратно, а в городе могут связь отключить. Хороша бы она была в попытке найти таксиста наобум...

— Да, обратно собираюсь, в районе полдевятого. Можете кого-нибудь посоветовать?

— Хотите, я и заберу? Если вас все устраивает, конечно.

Положа руку на сердце, не устраивало: в процессе разговора она начала на него пялиться, по привычке мысленно прикидывая, каким брендам зашел бы подобный типаж, и во время воображаемой поножовщины часов, виски и нижнего белья принимать адекватные решения было сложновато. С другой стороны — от него не разлило потом, машина — чистая и с кондиционером, плюс хотя бы один человек —

Юлия — в курсе, где сейчас Катюха и с кем. Не Светлана-матершинница, конечно, зато больше шансов, что дождется, — вон какой прилипчивый...

— Давайте попробуем. Полдевятого, там же, где высадите.

— А где, кстати, высадить?

— Прямо на въезде в город. У таблички.

— Оттуда ж до главной улицы пешком тащиться и тащиться, а уж до набережной...

— Да, я знаю, смотрела карту. Говорю же, дела, — решила не вдаваться в подробности Екатерина, пусть фантазирует что хочет.

Ответ, видимо, таксиста удовлетворил, поскольку Ромаш довольно кивнул и дальше не расспрашивал, изредка тихонько подпевая радио. К глубочайшему ужасу Катюхи, это не бесило, напротив — хотелось тупо достать мобильник и снимать, движения губ завораживали. Нет, серьезно, что такой красавчик забыл в подобном месте и на подобной работе? В нем вообще есть хоть что-то отталкивающее?

Катюха с грустью глянула на свои небритые ноги, радостно торчавшие из разреза юбки, и смирилась с личным несовершенством — а что делать? Она продуманно перестала ходить на эпиляцию за месяц до отпуска — наивно решила, будто это уменьшит количество подкатов. Как бы не так: горячие южные мужчины, судя по всему, не проявляли особой разборчивости, так что страдало не их либидо, а только ее самооценка. Да уж, это там, в Москве, ты питбуль Аллы Эду-

ардовны, а здесь — крейзи отдыхающая с минимальным набором выживальщика...

Так они и продолжили путь в относительном молчании, и за оставшиеся полчаса Екатерина только и делала, что раз за разом ловила себя за попытками на всю жизнь насмотреться на пушистые ресницы и белозубую улыбку, а вовсе не отслеживать пейзаж за окном. Опомнившись, отводила взгляд, чтобы буквально минут через пять понять, что снова рассматривает руки на руле или загорелый профиль, а то и как нагло светлые волосы лезут в глаза. Ромаш был красив, очень красив, без шуток. И это отвлекало.

«Ладно, Катюх, могло выйти и хуже, — попыталась она мысленно себя подбодрить. — Окажись он налоговиком — ободрал бы как липку, а ты б даже не пискнула. Но нам повезло, таксисты берут меньше ФНС».

Интересно, так и разгораются курортные романы: искра, буря, безумие, а через пару недель вам обоим стыдно, но фарш уже нельзя повернуть назад? Может, ее просто на солнышке напекло? На фоне муравьев в постели Ромаш показался приятной альтернативой или виновато вездесущее море, так и шепчущее как заведенное: «Люби-и-и-и...»? Но не первого же попавшегося таксиста, право слово!

Мозг охотно напомнил, что таксист в сумме пятый, так что не все так плохо.

Катюха напомнила мозгу: даже пятый таксист остается таксистом.

В очередной раз скосив взгляд на Ромаша, она вздохнула: черт, ну как же хорош. Ведет уверенно, не лихачит, смотрит на дорогу, не отвлекается... Может, хоть водителем сманить? Ага, так и видится картина: «Здравствуйте, Алла Эдуардовна, у нас новый сотрудник, чупа-чупсы в комплекте». Дуростью не занимайся, Катюх, лады? Куда он тебе? И вообще, ненормально это: реально ж роскошный типаж, что такой тут забыл? Ты явно не первая, кто его видит, и никуда он не делся с насиженного места. Подозрительно, очень подозрительно. Наверняка что-то нечисто...

Но вот виноградники поредели, извилистые повороты остались позади, коровы и бараны исчезли, сады сделались поменьше, а дома повыше — явные признаки приближающегося города. Доехав до таблички с названием, Ромаш осмотрелся и на всякий случай еще раз уточнил:

— Сюда?

— Да-да, именно. На обочине высадите?

— Ага, сейчас.

Морально готовая к проблемам, Катюха глянула на экран телефона и не поверила своей удаче: ого, сеть аж на три палки! Вот и чудесно, не придется в панике искать кафешки с вайфаем.

— Перевод по номеру?

— Да, на который звонили. Продиктовать?

— Спасибо, я сохранила. Две двести?

— Угумс. Забираю отсюда же, да?

Так, сейчас главное не выглядеть слишком странно.

— Да, пожалуйста. Единственное... можете мне в приложении место точкой поставить? Боюсь что-то не так сделать.

Отлично, тактика «притворись беспомощной, и пусть мужик разбирается» себя оправдала: таксист покивал, взял ее телефон, ткнул пальцем и сохранил координаты. Вернул обратно: теперь там красовалась сдобренная звездочками в начале и конце фраза «Ромаш тут». Позер.

Вслух она, конечно, такого не сказала. Попрощавшись и пожелав хорошего пути, вышла, поймала последнюю улыбку и, развернувшись, старательно вперила взгляд в телефон, время от времени переводя его на окружающие дома, словно что-то искала. И только когда машина скрылась за поворотом, Катюха наконец позволила себе пристально уставиться на свеженькую табличку с названием. Та была абсолютно типовой: черное на белом, шрифт, исполнение, каждая буква четко выверена по ГОСТу — ни одну из них Екатерина не смогла прочитывать.

«Ага, начинается, — мрачно подытожила она. — Клянусь, вернусь — половину премии в фонд поддержки детей с дислексией переведу», — и, поправив висевшую через плечо сумку, упрямо зашагала в город.

Глава 2: Необъяснимо, но фак(т)

Первые двенадцать лет жизни Катюхи стабильно шли по одному и тому же сценарию: на протяжении осени, зимы и весны мать клялась да божилась, что с Крымом покончено, местное побережье Черного моря того не стоит, и вообще, если уж все равно безудержно переплачивать, то Сочи пойдет ребенку на пользу ничуть не меньше.

Однако в начале лета всегда внезапно оказывалось, что каким-то необъяснимым образом билеты на отпуск куплены, и вот уже они вместе плавают в душном поезде ради чего-то большего, чем просто море и солнце. Каждый раз мама обещала, что они проживут вдвоем в свое удовольствие, но хватало ее всего на пару дней — и вот необъяснимым образом они спешно выезжают из арендованного на две недели домика и с рюкзаками да чемоданами трясутся в битком набитом стареньком автобусе в соседний город, где снова снимают комнату на пару дней, ну просто потому что «место получше». А сутки спустя необъяснимым же образом уезжают и из нее, на попутках добираясь до неприметной деревеньки, а в ней — до самого-самого дальнего дома у леса, где их необъяснимым образом снова ждет отец. Каждый год мать заверяла, что в этот раз все по-другому, они с папой поговорили и теперь будут жить вместе, даже обратные билеты сдавала. Но стоило пройти неделе с небольшим, как обязательно на-

ступала ночь, когда мать необъяснимым же образом чуть ли не бежала оттуда с Катюхой, бросив большую часть вещей и выбираясь на попутках, еще и возвращаясь домой за тройную цену — спасибо, перекупы, — и девочка понимала, что об отце пока лучше вопросов не задавать — хотя бы до следующего лета. В общем, в мире маленькой и наивной версии Екатерины Тавровны отношения родителей проходили под грифом «необъяснимо», однако со взрослой Катюхой нынче творилось необъяснимое совсем иного толка, и чем дальше, тем хуже.

Вчера, к примеру, она еще хотя бы вывески прочесть могла, а сегодня из чата вышли и они: сколько б Екатерина ни пялилась на крупное название над витриной явной кафешки, разобрать его не получалось, но заманчиво выставленное наружу меню запинок не вызвало, включая мелкий шрифт. Проблема определенно крылась не в способности складывать буквы в слова, это она поняла еще в первый час, на провал обрекались именно попытки соотнести их со своим местоположением. Отступив от меню, Екатерина выдохнула и обреченно зашлепала туда, откуда пришла, — к табличке на въезде.

Эту фишку вывертов сознания она смекнула примерно на втором таксисте: стоило Катюхе попасть на территорию города, как словно по мановению волшебной палочки она переставала осознавать окружающую обстановку, и водителей это предсказуемо злило: одно дело буднично доехать из точ-

ки А в точку Б и совсем другое — когда клиент уперся ро-гом и утверждает, будто вы не там, хотя прибыли четко по адресу. Так что нет, дальше таблички она больше ни с кем не рисковала въезжать, а забирать... Ну, тут уж как получится.

Хоть бы получилось.

Пока не получалось даже выйти к табличке.

Ладно, давай оглядимся. Ага, видим море. Видеть его мы не должны, потому что прошли буквально метров сто напра-во, а море в паре километров и слева, — но вот оно, пожалуй-ста. Значит, табличка отсюда очень и очень далеко, и шанс повторно пойти от нее, внимательно вглядываясь в окружа-ющие дома, упущен. Упущен сегодня, но будет завтра — в конце концов, даже если сольется Ромаш, останется Светла-на, а откажется и она... «Как жаль, что я не человек из Симс, — грустно вздохнула Катюха, — за ними хоть верто-лет прилетал». Ничего, будем решать проблемы по мере их поступления. До обратной поездки оставалось почти шесть часов — хм, интересно, ей казалось, будто провела тут мень-ше времени, — и неплохо бы попытаться найти хоть какие-то ориентиры из детства, в идеале — понять, в какую сторону они с мамой ловили машины, тогда и деревню отца проще будет вычислить. Селились-то каждый год в разных местах, это да, но общие точки все равно оставались: набережная, парк, автовокзал... Где искали попутки? Туда, кажется, надо было вверх тащиться? Значит, видим горочку — идем в го-рочку.

Да, план так себе, но, еще раз глянув на карту в приложении и поняв, что теперь даже север-юг различить не способна, Екатерина убрала телефон в сумку к наушникам и огляделась. Делать нечего, будем идти куда глаза глядят и надеяться на чудо.

И пошла.

В первые дни поисков Катюха еще пыталась спрашивать дорогу, но быстро бросила эту бессмысленную затею, поскольку даже если испуганные люди и решались объяснить ей, как пройти, понимала она из указаний только процентов двадцать, запоминала и того меньше. А испуганы люди были, ведь обширный словарный запас Екатерины Тавровны, грозы бюрократии и царицы переговоров, в процессе построения вопросов сокращался до «э-э-э, ну-у-у, в общем, понимаете?», «вы там точно были» и «блин, не помню, но большое такое место, зеленое». Большое место, зеленое, ага. Это она так слово «парк» вспомнить пыталась, позорище.

Косноязычие разбило ее не сразу: приехав в Крым и с грехом пополам заселившись к Юлии, Екатерина построила маршрут, села в автобус и через какое-то время с удивлением уставилась на переправу через Керченский пролив. Не поняла. Села в автобус до... досюда, короче, села. Вышла — о, опять переправа, хотя ехала в другую сторону. Села снова. Угадайте что? В итоге у Катюхи худо-бедно получилось вернуться на ночевку, списав неудачи на непредсказуемый местный транспорт, но на следующий день ситуация повто-

рилась: автобусы стабильно и неумолимо везли ее в противоположную нужной сторону, как бы она ни перепроверяла остановки следования и ни сверялась с маршрутами по карте. Плюнув, взяла такси — и наконец-то добралась до первого пункта плана, правда, высаживалась со скандалом, поскольку свято верила, будто ее привезли не туда. Вот вам и минус многолетнего профессионального роста: если уж в голову втемяшилась собственная правота, заткнуться и проглотить ее не получится, а в текущем Катюхином состоянии это точно была не самая обреченная на успех модель поведения. В любом случае попасть в город вышло, пусть и не сразу, — и все, финита ля комедия: Екатерина тут же перестала ориентироваться в пространстве. Подозрение на тепловой удар, поначалу казавшееся наиболее адекватным объяснением, не прошло проверку экспериментом: во время не самой безопасной ночной вылазки, несмотря на полное отсутствие солнца и приемлемую температуру, стоило только Катюхе оказаться на местной территории, как чувство направления моментально улетучилось, внимательность сделала лапкой, память отшибло, и она натурально почувствовала себя бараном, для которого все ворота — новые.

Черт, а ведь даже название не помнит. Стоит посреди города, в который приехала на такси, и не помнит его названия.

Похолодев, Катюха открыла карту и нашла отметку. Слава богу, «Ромаш тут» никуда не делась. Она с вечера продумала план возвращения — чуть получше, чем прошлый. Сколько

там, полтора часа потребовалось, чтобы найти с таксистом, и это при способности хотя бы частично читать? Хотя сегодня зрение и не на ее стороне, но способ выкрутиться все равно имелся. Пожалуй, блуждай она в любой другой точке России, даже без названий лучше бы понимала, где находится, ибо «Перекресток» или ту же «Пятерочку» можно опознать и без вывесок, но в Крыму привычные по Москве сети были заменены аналогами, которые пока что ей не примелькались. Самым обидным казалось, что проблема точно крылась не в физическом здоровье — у Юлии Катюха ничем подобным не страдала, спокойно гуляла себе и в ус не дула. Все ломалось именно здесь, за-табличкой, и после разоблачения версии теплового удара остался только один вариант: дело в мозгах. Возможно, что-то во взаимоотношениях матери и отца глубоко травмировало ее в детстве, пластичная психика постаралась запихнуть это куда подальше — и в результате теперь Катюха стоит посреди города-который-хрен-вспомнишь, не способная прочесть ни единой таблички? Дойдя до подобного вывода, большинство людей первым делом направились бы к профильным специалистам. Но, по мнению Екатерины Тавровны, те один черт велели бы копать в себе, так что она просто вычеркнула лишний, на ее взгляд, пункт и принялась с остервенением биться лбом о проблемы с твердым намерением найти все мешающие нормальной жизни реликты и вытащить их на свет божий. Правда, пока это выражалось только в том, что Катюха, стиснув

зубы, пыхтела, потела, пила, потела снова — но продолжала свой путь без начала и конца по жаре.

Положа руку на сердце, данный выбор шел вразрез даже с мнением автора, призывающего в подобных ситуациях не бегать в безумии по приморским городкам, а сразу обратиться к врачам. Но чем хуже становилось Екатерине, тем сильнее она убеждалась: чтобы начать жить настоящим, надо сперва разобраться с прошлым — как бы эта тварь ни отбивалась.

Так и блуждала Катюха по городу словно неупокоенный призрак, останавливаясь, только чтобы пополнить запасы воды и один раз плотно пообедать: ужинать перед серпантинами обратного пути не рисковала. Стоило присесть хоть на минуту — ноги тут же принимались гудеть и умолять утомиться, но получали дорогой пластырь на место новой мозоли максимум — и вперед, искать путь в горочку. Никаких пощад или отговорок, с детством покончено. Однако, сколько бы Екатерина ни ходила, как бы ни вглядывалась в пейзажи, улицы перетекали одна в другую абсолютно бессистемно и никаких признаков даже малейшего узнавания найти не удавалось. Она старалась держаться людей — чем их больше, тем более туристическое место, следовательно, выше шансы, что и они с матерью тут когда-то бывали, но, как и в прошлые разы, скорее складывалось стойкое впечатление, будто в этом городе Екатерина оказалась впервые.

Ага, впервые. Четвертый-то день подряд.

Запиликал будильник — до встречи с Ромашем оставал-

ся час, пришла пора искать путь обратно. Ну, была не была: вставив наушники-капли, Катюха нажала в приложении на точку, на иконку пешехода и услышала воистину волшебное: — Через двести метров поверните направо.

Вот они, блага двадцать первого века: иди себе под руководством робота, мозг не задействуй, ориентироваться самой не надо, вообще ничего не надо, даже читать — выкуси, психика. Преисполнившись решимости, Екатерина купила очередную бутылку воды и потопала строго по командам, нет-нет да и ловя на себе недоуменные взгляды: учитывая специфику ее прогулок, наверняка отдыхающим успела примелькаться вечно снующая туда-сюда странная дамочка. Блин, почему ж так жарко-то, хоть и вечер? Надо поменьше пить в последние полчаса, и без того с нее течет, в машину такое под кондей сажать страшно — и жалко не обивку сиденья или нежное обоняние Ромаша, а банально собственное здоровье. Ладно, в любом случае она нащупала лайфхак, завтра просто заранее натыкает несколько наиболее важных точек на карте и пойдет по ним...

Зазвонил телефон, и, недоуменно глядя на номер, Катюха жмякнула принять вызов — это еще кто?

— Алло, Екатерина? Я подъехал и жду уже минут пятнадцать, но вас нет. Все в силе? Если да, подскажите, успею в магазин заскочить?

— Да, конечно, скоро буду, — на автомате пробормотала она в трубку, скинула звонок и мрачно уставилась в карту:

хоть и не могла разобрать подробностей, но понимала — вот точка. Вот ее иконка — почти на точке. И вот время — почему-то в разы большее, чем показывалось изначально. Нажав на иконку пешехода, услышала до боли знакомое:

— Через двести метров поверните направо.

Вот тебе и двадцать первый век — выкуси, Екатерина Тавровна. Как теперь добираться? Где она?

Паника не стала даже пытаться захватить власть — так, робко помахала ручкой, типа если что, на место явилась, подожду в глубине сознания заодно с подавленными воспоминаниями, зови, не стесняйся, — и за дело взялась прагматичность. Возможно, свернула не туда, перепутав право и лево? По карте вроде близко, надо попробовать пройти еще...

Мрачно выкинув пустую бутылку в стоявшую неподалеку урну, Катюха снова пошла по подсказкам робота, стараясь не обращать внимания на улицы — опять абсолютно незнакомые. В конце концов, главный плюс ее прогулок — хотя бы к надоевшему Керченскому мосту пешком выйти не могла чисто физически. Значит, плутает в пределах города — и то хлеб.

Вновь раздался звонок, тот же номер.

— Екатерина, все хорошо? Может, мне навстречу выехать?

— Можно, — стараясь сохранить ровный голос, согласилась она. — Только я не могу понять, где оказалась.

Катюха практически слышала, как он судорожно сообра-

жает.

— Попробуйте описать место вокруг, я поищу. Если видите название улицы или номер дома — тоже скажите.

Ох, Ромаш, если бы все было так просто... Но она попыталась: повертела головой, нашла продолговатую синюю табличку и пристально на нее уставилась — ни фиги. Да, там определенно имелись буквы, возможно, даже цифры, но все они радостно ускользали от сознания, словно курящие старшеклассники-второгодники от трудовика.

— Название улицы и номер дома есть, но, к сожалению, разобрать не могу. Стою на остановке, за спиной какой-то парк, впереди столовая, а движение на улице одностороннее... Название остановки? — она честно попыталась прочесть и его, но буквы скакали перед глазами. К счастью, в этот момент заметила припарковавшихся неподалеку мотоциклистов. — О, секунду, сейчас попробую спросить.

Два парня примерно ее возраста — называть таких мужчинами Екатерина так и не привыкла, велика честь — заинтригованно на нее уставились, как по команде перевели взгляд на огромную табличку, хитро переглянулись и громко прочитали. Вежливо поблагодарив, она отошла поближе к парку и уточнила у Ромаша, все ли он расслышал. Тот отвечал задумчиво — ага, небось, вспомнил слухи о ней, — но обещал приехать минут через десять-пятнадцать. Хм, значит, все-таки недалеко от точки, да? Хотя бы частично план сработал?..

Однако спокойно дожидаться не получилось: мотоциклисты, видимо, решившие, что таким странным образом она с ними заигрывала, подошли и начали с совсем уж избитой тупости:

— Встречный вопрос — вашей маме зять не нужен?

— Нет, спасибо — сейчас ее скорее сорокоуст за упокой интересуется.

— Это что же, вы у нас потенциальная жена без тещи в комплекте? Золото!

Как об стену горох: ни явная недоброжелательность, ни тема смерти подошедших не смутили.

— Да. Много золота придется потратить, чтобы закрыть все кредиты, которые пришлось понабрать для ее лечения. От адской формы рака, кстати, и говорят, это наследственное.

— Ну матери грех не помочь, а молодой вдовец — перспектива не самая страшная, чего уж тут. Автобус ждете? Может, вас подбросить?

Они вообще ее слышат?

— Нет, спасибо. Я уже заказала такси и планирую его дожидаться.

— Так мы ж бесплатно, сэкономите!

Ага, так вдвоем и повезут: чисто одна нога здесь, другая — там.

— Я в юбке. Длинной, — напомнила она, казалось бы, очевидное, но товарищи не унимались.

— О, девушка знает что-то о езде на мотоцикле?

— «Девушке» вообще-то тридцать пять.

— Опытность мы только приветствуем, — заулыбались оба.

Твою богу душу...

— Никуда ехать с вами я не намерена, пожалуйста, больше меня не беспокойте, — повторила она снова и сделала пару шагов влево.

Мотоциклисты не просто не отстали — передвинулись вслед за ней, наоборот попытавшись чуть ли не зажать в углу остановки. Она завизжала — и окружающие лишь ускорились, проходя мимо, а прилипали и не думали отступать. Отлично, блин. Как тут дела с камерами? Екатерина снова попыталась уйти, но один из парней ухватил ее за плечо и завел очередную волынку про покататься по пляжному песочку.

— Убери руку, или я за себя не отвечаю, — прошипела Катюха, на всякий случай нащупав заточку в кармашке.

— Ребят, все понимаю, прекрасный вечер, новые знакомства, но нам пора, — неожиданно вплыл в зону видимости Ромаш и аккуратно снял с ее плеча пальцы мотоциклиста. — Даму ждут, машина подана.

— Ты ее хахаль, что ли?

— Водитель, — спокойно пояснил таксист и заговорщическим шепотом добавил: — Кстати, движение тут одностороннее, а на выезде я дпсников видел. Они перед байк-шоу

вашего брата шмонают только в путь, вы б поаккуратнее. Погуляйте там немного, развейтесь.

— Ой, да хлебало завали, а, — быканул один из парней, но оба несколько призадумались, и Катюха вместе с Ромашем спокойно дошли до стоявшего на аварийке и теперь казавшегося таким родным синего «фольксвагена». М-да, такси уровня «бизнес-класс по-крымски»: водитель, конечно, дверь перед вами не откроет, но если что — спасет из лап зарвавшихся гопников...

— Вы реально собирались им втащить? — странно глянув на нее, уточнил Ромаш, когда они наконец сели в машину.

— Ага, — не стала отрицать очевидное Екатерина. — Первое правило переговоров: не грозиться тем, на что не готова пойти.

— Не самое ожидаемое поведение от московской красавицы, — присвистнул тот, отъезжая.

Катюха окинула взглядом семьдесят отекавших килограмм отборной московской красавицы и решила оставить этот пассаж без комментариев, тем более что на повестке стояли вопросы гораздо актуальнее:

— Я сильно с точкой промахнулась?

По лицу Ромаша буквально читалось, как он старается сформулировать повежливее:

— У нас связь постоянно отключают, и вы, наверное, не привыкли...

— У нас тоже иногда отключают, ко всему я привыкла,

тем более скачала карту заранее и проложила маршрут. Вот точка, я шла по карте, но почему-то оказалась здесь. Это далеко?

Таксист мельком глянул в телефон, и лицо стало еще более озабоченным.

— Эм, да, точка верная. Но мы с вами вот тут, это километров семь вбок...

«Больше я его не увижу», — истолковала повисшее после этого молчание Екатерина. М-да, семь километров — нехилый такой крюк. Походу наушники все-таки не спасут, нужно искать другой лайфхак. Работай связь — было б в разы проще: отметил точку на карте по GPS и ждешь как боженька... Ага, если только та верно поставится — не стоит сбрасывать личную одаренность со счетов. Что ж Катюху так сильно в детстве долбануло, раз она настолько сопротивляется встрече с отцом?..

Погрузившись ненадолго в мысли, Екатерина на автомате почесала место, за которое ухватился мотоциклист, — утренний укус занял снова, и замерла. Показалось или действительно раздулось? Закатав рукав, уставилась на огромное красное пятно размером с банковскую карту, расплывшееся по плечу. Нормально так.

Ромаш тоже его заметил:

— Боже, что это?

— Укусил кто-то. Я уже съела антигистаминное, так что волноваться не о чем, — буркнула Катюха, поскорее при-

крывая укус рукавом.

— Что вы съели?

— Лекарство от аллергии.

— Ого, это из-за нее так раздуло? — впечатлился таксист.

— Понятия не имею, — честно ответила Екатерина. —

Но у меня с собой только таблетки от головы и антигистаминное, а голова еще не болит.

— Может, врачу показать? — обеспокоенно предложил Ромаш.

— От отпуска осталось две недели, — упрямо пробубнила она в ответ. — И я не хочу потратить их на поиски врача, которому не влом работать. Это вы тут живете в ритме «потихоньку», а у меня дела.

— Но вдруг что-то серьезное?

— Пока не похоже. Ну отекло и отекло, с учетом погоды и моих походов — ничего удивительного.

Таксист смолк, она тоже. За окном стремительно темнело, и Екатерина разрывалась между очередными попытками взглянуть в дорогу — вдруг все-таки узнает местность? — и налюбоваться Ромашем на всю оставшуюся жизнь. Встретятся они при других обстоятельствах, пожалуй, шансы затащить парня в модельный бизнес имелись бы, но здесь и сейчас она не представительная карьеристка, а странная курортница с топографическим кретинизмом, так что подтираем слюни и пытаемся взять от жизни то немного, что она еще может нам дать.

И завтра. Надо что-то придумать с завтра — okay, поедем со Светланой, а обратно... договориться, типа, наберите, скажу, где я, — и попросить кого-нибудь рядом назвать адрес? Наврать, будто в линзы песок попал, пришлось снять, ничего не вижу, выручайте? Обязательно женщину — внимание мужчин, пожалуй, даже невинными вопросами больше привлекать не будем. В целом сработать могло, и хоть врать Катюха категорически не любила, но ситуация с линзами звучала здраво: она и сама в такое бы поверила и помогла. Нехорошо, конечно, но что делать? Надо же как-то выбираться...

Стоило миновать пресловутую табличку, как Катюха открыла карту и хмыкнула. Ну да, вот весь город как на ладони; так, забрал Ромаш ее отсюда — ни хрена себе какой крюк, да тут все километров десять, какие семь! Ладно, а теперь лезем в приложение на часах и смотрим, как ходила... Маршрут выглядел сомнительно: опять спираль, как и в прошлые дни. Каждый раз, войдя в город, Екатерина начинала медленно нарезать в нем все сужающиеся и сужающиеся круги, пока не оказывалась в условном центре, где топталась уже почти на месте — и часа три кряду. Нормально так. Понятно, почему прохожие пялились, но непонятно, чего с этим делать. Когда-то давно она слышала байку, что люди бродят по лесу кругами, поскольку так заложено природой, одна нога короче другой, и с прищуром уставилась сейчас на свои: ну не настолько же? Не, тут точно мозги виноваты. Главные беды всегда в башке.

— Не хотите завтра испугнуться? — прервал затянувшееся молчание Ромаш, проезжая мимо того же съезда к морю, что и утром.

Ага, места за пределами проклятого города она узнает влет. А толку?

— Точно не хочу, — процедила Екатерина сквозь зубы, упорно не понимая, чего всех так и тянет окунуть ее в воду. — Говорю ж, купальник не взяла.

— А это не страшно, — парировал таксист с подозрительным воодушевлением. — Я неподалеку нудистский пляж знаю: тоже почти пустой и с песочком, купальник не нужен!

Представив себе на секунду эту картинку в красках, Катюха почему-то с жаром отказалась от щедрого предложения, после чего вновь погрузилась в задумчивость. Он сейчас серьезно? Ее, на нудистский пляж? Ну если только планировалось завезти, выпнуть и забрать позже, потому что в идею совместного посещения не верилось напрочь. Не хочет терять деньги, но и снова искать ее по всей округе не готов?

— Вы не волнуйтесь, — решила проявить сознательность Екатерина. В конце концов, не со всеми же таксистами ей в хлам ругаться, пусть хоть с одним отношения нейтральными останутся. — Я завтра со Светланой поеду, но как с делами разберусь, обязательно снова воспользуюсь вашими услугами. До вокзала, к примеру, когда обратно уезжать буду.

— Почему со Светланой? — чуть не подпрыгнул Ромаш. — Извините, что про пляж сморозил, но ничего дурного в

виду не имел. Вы не подумайте, я не пристаю, просто пытаюсь найти вариант, как вам хоть ненадолго расслабиться.

Вот уж что-что, а за это таксист мог быть спокоен: «пристаю» ей и в голову бы не пришло.

— Спасибо, но мне вправду совершенно комфортно и без моря, а расслабляться рано — сначала дела.

— Еще раз простите, если нос сую куда не просят, но можно начистоту?

Катюха только плечами пожала — раз уж предложение за рулить на нудистский пляж в его представлении ничем особым не являлось, становилось даже интересно, а что в принципе способно Ромаша смутить.

— Чего у вас за дела такие, которые выдохнуть ни на минуту не дают? Не обижайтесь, если слишком прямо ляпну, у меня с окольными формулировками никогда не получалось, но вижу ведь — вы прям на взводе, отовсюду беды ждете, живете по графику — да как в казарме. Специально не следил, конечно, но днем чатик наш водительский полистал — до десяти уезжаете, возвращаетесь к десяти, все время одна, никаких развлечений, вас даже с пивом не видели. В море не купаетесь, не загораете, укус на полруки, вон, игнорируете... Аж сердце болит, честно. Это ж не отпуск, а выживание какое-то!

— Потому что это и вправду не отпуск, — устало кивнула Екатерина. — От основной работы — да, но по факту я приехала сюда заниматься делами, и время не на моей стороне.

— Я и не предлагаю все бросать! Просто передохнуть ненадолго, ну чисто потихоньку...

— Ромаш, вашей вины в том нет, но клянусь, если я еще хоть раз услышу «потихоньку» — за себя не отвечаю, — перебила Катюха. — Вы не первый, кто талдычит: «К чему спешка?» К примеру, солнце палит — зачем ехать? Пережди пару часиков, а там авось и интернет вернут. А если не вернут, то и не поедем, темно уже, и вообще, завтра, может, лучше будет, а там опять по кругу — нет уж, спасибо, сыта по горло. Не знаю почему, но меня будто никто слышать не хочет, бьюсь как рыба об лед. Спешить не в вашем культурном коде, а у меня отпуск не бесконечный.

— Бойтесь, что пара кустов нехоженными останутся? — не уловил проблемы Ромаш.

— Я отца ищу, — буркнула она прямо, не думая. — И понятия не имею, успею ли, а в следующий раз три недели смогу взять только через год.

Водитель помолчал.

— Так это, людей вроде специальные ребята ищут...

— Ага, и работают так же, как и остальные ваши: а давайте не сегодня, а уже поздновато, ну, полежит заявление, не сквасится, да не хочет мужик алименты платить — и че его искать? Плавали, знаем.

— А вы реально алименты от него ждете? — удивленно покосился на нее таксист.

Екатерина хмыкнула:

— Посмотрите на меня: какие, к черту, алименты? Как бы самой его выхаживать не пришлось.

— Тогда зачем?

Помявшись немного, она решилась на правду:

— Потому что банально хочу знать, насколько одна теперь осталась.

Вновь повисла тишина, и Катюха ругала себя за излишнюю откровенность: молодец, разболтала первому (ладно, пятому) встречному таксисту о своем семейном статусе. Теперь все узнают, что ты — легкая жертва, пропадешь — и кроме как на работе никто не хватится. Пожалуй, если бы не опыт с автобусами, она б той же ночью поспешно сменила отель и более с местными водителями не контактировала, но сейчас готовности на подобные подвиги в себе не чувствовала. Кое в чем Ромаш был прав: уставала она даже больше, чем на работе, явно не высыпалась, и, по ощущениям, на пользу это точно не шло. Как и внезапные откровения с незнакомцами! Вот подозревала же, что милая мордашка заставит проболтаться, и нате, пожалуйста.

— Насчет завтра... Вы уже твердо решили, да? Ну, по поводу Светки?

«Конечно, — захотелось прокричать Екатерине. — Ты лезешь в мои дела, обращаешь внимание на то, что я пытаюсь скрыть, еще и выведал больше, чем остальные ваши. Да с тобой банально опасно!» Вот только сама не поняла, как попытка смягчить формулировки превратилась в:

— С вами, Ромаш, я начинаю отвлекаться.

Ага, а чего уж не «Я, ты, на этом капоте?» Но таксист и ухом не повел — видимо, привык к более прямолинейным подкатам:

— Простите, мне если человек интересен, сразу на поболтать пробивает, и получается... Ну, что получается. Вот как с пляжем этим сморозил. Я ж не со зла, просто способ приятное сделать искал... Хотите, завтра вас к другу свожу? У него палатка туристическая с рыбками, там садишься на скамеечку, ножки в воду окунаешь, и они тебя чуть-чуть кушают, ну вроде как педикюр-массаж получается. Вы не волнуйтесь, вам бесплатно будет, я договорюсь.

Из его уст даже перспектива пойти на корм рыбам звучала заманчиво, но Катюха держалась:

— Нет, спасибо. Говорю же, времени нет.

— А когда дела закончите — сходим?

— Закончу — сходим, — сдалась она, надеясь этим утихомирить Ромаша, но не вышло:

— Отлично! А насчет завтра — может, все-таки вместе поедем? Заберу в девять — в этот раз заранее буду, не опоздаю, найтись тоже найдемся, не проблема вообще, вы не волнуйтесь.

Поведение выглядело очень подозрительным, но они уже подъезжали, и Екатерина поймала себя на мысли, что расстаться с парнем совершенно не хотелось. Да и кроме Светланы запасных таксистов не осталось, может, потянуть резину,

раз та тянется?.. Сдавшись, кивнула:

— Хорошо, давайте завтра тоже с вами. В девять.

Ромаш просиял и залился радостной тирадой а-ля она не пожалеет и вообще, и Катюхе оставалось только любоваться им и гадать, насколько ж редки заказы, если он ради пары тысяч так заморачивается. Когда приехали, таксист остановился на обочине почти напротив входа в отель и внезапно заглянул ей прямо в глаза, словно чего-то ждал. Екатерина быстро сориентировалась:

— Ой, две двести перевести, да?

— Две. Сейчас-то без штрафа, — неожиданно смутился он, отведя взгляд.

Расплатившись, она вышла из машины и, стараясь не оборачиваться, пошла напрямую в номер, закрыла дверь и прислушалась: никаких шагов снаружи, а какое-то время спустя и машина отъехала. На часах за одиннадцать, на ужин опоздала, но не впервой: позавтракает плотно, и делов-то. Зайдя в ванную, сначала смыла струей воды пауков в душе, каждый раз успевавших менее чем за сутки восстановить свою власть, после ополоснулась сама и, смахнув с подушки муравьев (свет включился — очищаем помещение! Поучились бы у тараканов, что ли), наконец-то шлепнулась на кровать и моментально уснула.

Завтра ее ждал очередной день феерического отпуска.

Глава 3: (По)беда

Екатерина открыла глаза и поднесла к ним часы — семь. Что ж, могло быть хуже. Отработанным движением скинула с руки муравья, села. Планерка начнется в восемь, кафе откроется в восемь с копейками — значит, опять займет столик заранее, а с заказом проблем не возникнет, все равно только слушать будет, без микрофона. Пока суд да дело нужные точки на карте понаставит, вдруг в этот раз сработает, а как закончит — в путь с Ромашем. Главное — Юлии о планах заранее рассказать, чисто на всякий случай, мало ли чего тот удумал.

Смахнув с тумбочки муравьев, Катюха поставила на зарядку часы, размялась, умылась, стряхнула муравья с ноги, наклеила на мозоли новую порцию гидрогелевых пластырей и обновила парочку старых, оценила укус на плече — отек потихоньку начал спадать, но кожа, наоборот, покраснела сильнее; ладно, попробуем сегодня без антигистаминного, — приняла положенный набор витаминов, скинула муравья со смартфона, нанесла защитное средство, сменила на зарядке часы на телефон и уставилась в рабочие почту и чаты, периодически отправляя особо зарвавшихся муравьиных в свободный полет — ставший привычным ритм утра, Катюха уже и не помнила, как проводила их раньше. Без десяти бегло пробежалась по вопросам планерки, оделась-собра-

лась, в восемь — подключилась к созвону без камеры и звука и пошла в кафешку, сев на обычное место. Минут через пять — ничего себе, сегодня персонал пораньше пришел — ей вынесли меню, и, уверенно ткнув пальцем в блинчики с ветчиной и сыром, раф и свежавыжатый апельсиновый сок, Екатерина продолжила слушать такие родные и казавшиеся сейчас такими далекими голоса. В начале Алла Эдуардовна немного пожурила ее за присутствие во время отпуска, а после строго отчитывала каждого, кто пытался задавать Екатерине Тавровне рабочие вопросы, и это выглядело даже в своем роде мило: берегла ее отдых. Жаль только, что как раз на отдых-то отпуск и мало походил...

Внезапно утреннее солнышко заслонила тень, и, подняв глаза — тучи набежали, что ли? Тогда за дождевиком надо метнуться, — Катюха как была, с раскрытым ртом и полупрожеванным блинчиком, встретила взглядом с Ромашем. Закрыла рот. Проглотила. Напекающе постучала по наушникам-каплям и шепотом добавила:

— Еще минут десять-пятнадцать. Простите, задержусь.

Тот кивнул и ушел прочь, а она не без удивления поняла, что на часах без пятнадцати девять, а планерка идет четко по графику. Ничего себе, обещал — и реально заранее приехал? Сосредоточиться на словах коллег стало сложнее: Екатерина очень не любила, когда ее ждут, и буквально усилием воли заставляла себя смотреть в экран телефона, а не искать глазами фигуру симпатичного таксиста. Ладно, точки она по

пути проставит, а как доедут до указателя... Блин, планерка! Не отвлекаться!

После окончания — коллеги по-прежнему справлялись с тем, чтобы фирму не сломать и не потерять — Катюха расплатилась переводом (мобильный интернет на этот раз отрубили и здесь, но благослови бог Юлию и добывающий до верранды кафешки вайфай) и пошла в сторону домика-ресепшен, активно вертя головой: около курилки Ромаша не оказалось — логично, ведь не курит, — на скамеечках в теничке тоже, как и в стоявшей у ворот машине. Почти дойдя до царства кондиционера и вентилятора, Катюха уловила знакомый голос и чуть замедлилась у открытого окна, на всякий случай сперва заглянув в него и прислушавшись. Предчувствие не подвело, говорили о ней.

— Все с Катюшей нормально, и нечего тут выдумывать, — Юлия обличающе ткнула в экран ноутбука. — Будь в розыске или еще чего учуди, нам бы давно маски-шоу устроили, я ж как белый человек все данные в базу МВД передаю.

— Может, у нее там, не знаю, обострение какое... — мялся Ромаш, и Екатерине многого стоило расслабить мгновенно сжавшиеся кулаки.

— Это у вас походу обострение, причем фиг поймет чего: наглости или хитрости, — закатила глаза Юлия. — Не хочешь возить — так и скажи, я Светку вызвоню.

— Да не в этом дело!

— Ну так и не пудри мозги тогда!

— А вдруг у нее проблемы?

— И что? Думаешь, без тебя не разберется? — оценивающе уставилась на него собеседница.

Ромаш пристыженно смолк. Побарабанив пальцами по стопке тетрадок на столе, Юлия сменила гнев на милость:

— Слушай, я ни тебе, ни тем более себе не враг, но вправду понятия не имею, с чего вы на Катюшу ропщете. Неделю, считай, тут живет — нормальный, вменяемый, не скандальный человек, многим есть чему поучиться. Не нравится ее возить — так и скажи, Светка еще со вчера на низком старте — за три-то тыщи!

— Говорю ж, не в этом дело...

— А в чем?

Тут таксист снова ненадолго замолчал и тихим голосом попытался объяснить:

— Теть Юль, человек она нормальнее некуда, кто ж спорит, но словно... боится и теряется, что ли?

— Если это тебя так волнует — просто успокой и помоги найтись, делов-то, — хмыкнула та.

В приступе горячего желания остановить Ромаша от переказа подробностей Екатерина шумно ввалилась в сторожку и, сделав вид, будто ничего не слышала, сухо поинтересовалась:

— О, вы здесь? Мы как, едем или сегодня лучше обратиться к Светлане?

Парень моментально расплылся в улыбке, будто и не об-

суждал ее минуту назад, и, заверив, что все в силе, жестом указал в направлении машины. Катюха немного помедлила — не хватало только вперед убежать и дать слухам упасть на благодатную почву — и к «фольксвагену» пошла в компании его хозяина. Из плюсов — на этот раз никакие самосвалы проезду не мешали и идти пришлось недалеко. Из минусов — припарковался Ромаш на солнце, и атмосфера внутри салона немногим отличалась от бани. Кондиционер, кряхтя, пытался обдувать и освежать, но хорошенько взмокнуть Екатерина все равно успела. Ну и фиг с ним, в конце концов, чем хуже выглядит, тем безопасней...

Скосив взгляд на Ромаша, насупилась: свеж, бодр, ни капли испарины — он вообще потеет, нет или это какая-то местная суперспособность живущего в вечной жаре организма? По сторонам поглядывает и везет не вызывающую доверия мокрую курицу куда надо — молодец, конечно, но все же, какой у него интерес? Деньги? Но просит-то две тысячи, а не три, да и явно напрягают его эти поездки. Ладно, хватит парня мучить, завтра же со Светланой свяжется и вся недолга, а то мало ли до чего он с Юлией дооткровенничается: Катюхе сейчас только чужого носа в своих делах не хватало. Нет уж, спасибо — никакая милая мордашка подобное увеличение энтропии не компенсирует.

Однако стоило ей принять решение, как мозг немедленно начал оное саботировать. Смотри, какой красивый профиль — а все, завтра не увидишь. Руки какие гипнотизирующие

— тоже лимитированное развлечение, нигде таких не встретишь. Не улыбнется больше, в глаза не уставится — старайся налюбоваться, пока сама себя единственной крымской приятности не лишила. Больше никаких красавчиков за рулем, меняем краша всей жизни на Светку-матерщинницу.

«Оно и к лучшему», — злобно буркнула себе Катюха, но не пойти на поводу у малодушия не сумела, нет-нет да и заглядываясь на таксиста. В принципе, можно в тот же Avant Models сторговать — не пропадать же фактуре только потому, что ей с ним некомфортно? Нащелкать простенькие снэпы, скинуть с контактами — с руками оторвут, в модельном бизнесе подобные типажи на вес золота. К примеру, для рекламы нижнего белья. Нет, конечно, пойдет любой концепт, особенно романтика или премиум-сегмент, но нижнее белье упрямо требовало со всей тщательностью рассмотреть свою кандидатуру. Екатерина попыталась напомнить себе, что вообще-то в первую очередь Ромаш живой человек, а не манекен для удачных ракурсов плавок, но перспектива увидеть растяжку с ним в каком-нибудь ТЦ делала свое дело и упрямо свербила: хотя бы предложи, все девки мира еще спасибо скажут. Минут через десять она сдалась:

— Вы никогда не рассматривали карьеру модели?

— Ну, пару передач видел и все еще в шоке, что кому-то может прийти в голову налить в тушь для глаз ацетон, — охотно включился в беседу таксист, но, кажется, не уловил сути вопроса.

— Нет, я в смысле... Сами не думали?

— Зачем? — недоуменно покосился на нее Ромаш. — Если девица глупая, только зазря обижу — и без того наказана. Да и не по-мужски как-то втихаря пакостить...

Екатерина почти физически ощутила, как ее репутация не просто грациозно лавирует, а буквально пикирует в Марианскую впадину, и поспешила пояснить:

— Я о другом, о самой работе моделью. Без ток-шоу, по-настоящему: пришел, переделся, снялся — такого плана.

Таксист только рассмеялся:

— Да кому я нужен, скажете тоже!

Что ж, видимо, в случае успеха все девки мира и вправду будут ей обязаны.

— Я, конечно, из смежной сферы — реклама, но по опыту могу сказать, у вас многообещающая внешность. Может быть, слышали о Наташе Водяновой, Ирине Шейк или Вике Боне?

Теперь тот покосился настороженно:

— Это которая антиваксер?

— Если правильно помню, она поменяла свое мнение, — мысленно чертыхнувшись, быстро протараторила Екатерина и вновь попыталась направить разговор в нужное русло. — Суть в том, что все они были обычными девушками, а стали звездами. Среди мужчин такое тоже не редкость, просто их имена меньше знакомы широкому кругу. Я, конечно, не могу ничего обещать, но, на мой взгляд, понять, «любит» ли

ваша камера, дело пары часов, потом отправим фото агентам, и самое ужасное, что может случиться, — вам просто не ответят.

Ромаш мельком стрельнул на нее глазами, встретился взглядом и старательно притворился, будто сверяется с зеркалами заднего вида — на пустой-то дороге.

— Ну, возможность с вами щелкнуться я упускать не хочу...

— Не со мной, — моментально поправила Катюха, неистово молясь, чтобы никто из коллег никогда не увидел ее в подобном виде — уставшей, взмыленной, покусанной и без укладки. — Нужны только ваши фотографии.

— Если на память — то и так дам, вон, в бардачке в конверте есть, на пропуска всякие делал. А если вы насчет всей этой модельной штуки серьезно...

— Серьезнее некуда. Обещаю, отправлю реальному скауту, а не самотеком.

— ...то в случае удачи — что?

Она постаралась ответить предельно честно:

— Первые годы, скорее всего, работа на износ, постоянные перелеты и необходимость следить, чтоб в Китае вам под шумок брови не сбрили, прецеденты бывали. Но пара лет — и при удачном стечении обстоятельств попадете в крупные рекламные компании, возможно, кутюрные показы. Как минимум посмотрите мир и сможете получать за пару месяцев больше, чем здесь за год. Как максимум... тут уже зависит

от вас.

— А вы с этим как-то связаны будете?

— По большей части нет, я из рекламы. Но пару контрактов с вами надеюсь ухватить.

Ромаш чуть побарабанил по рулю и вздохнул:

— Слушайте, не сомневаюсь, это все очень круто и здорово, что вы рассказываете, и наверняка я пожалею — но ведь для этого уехать придется, так? Такое не для меня, вот совсем. Я тутошний — или тутовый, как правильно? — где родился, там и пригодиться хочу.

— У вас здесь семья? — догадалась Катюха.

Это многое бы объясняло — и, чего греха таить, поумерило бы кое-чей пыл.

— Ну, кто ж без семьи-то сейчас, это да, но не в том смысле, как вы могли подумать, — с ноткой грусти отозвался водитель. — С родными у меня... сложно, в общем. Я для них слишком шепутной да мутный вышел, моего образа жизни они не понимают и сверх необходимого общаться желанием не горят — да не о них сейчас и речь. Я сам уезжать не хочу, такие дела. Семья не держит, а вот земля... Землю люблю.

Екатерина покосилась на выжженную траву за окном. Бесконечные виноградники и горы, которые, не скроем, имели некоторое очарование, но в ее представлении вряд ли могли соперничать с многомиллионными контрактами. Да и во фразе про семью было что-то ну очень подозрительное: пусть Ромаш и слышал об антиваксерах, но лично она антитакси-

стов не встречала ни разу.

— А что с образом жизни? Вы же людей возите? Многие так подрабатывают.

Ромаш, кажется, погрустнел еще больше:

— Да нет, вы правы — именно что людей возжу, а моим это как кость в горле. Сомнительно, видите ли. Несolidно. В их представлении нормальный мужик — он, ну... С хозяйством, у бани с кумовьями перетирает, банку с гвоздями завел и все такое. Ну где я и где баня? — тут, предположим, женщины всего мира могли бы поспорить. — Мне вон водить нравится, с пассажирами общаться — помру я в обществе одних и тех же рож.

— Кажется, понимаю, — осознала старую как мир проблему Екатерина. — Не одобряют ваш выбор и хотят профессию понадежнее?

— Вроде того, — кивнул Ромаш. — Хотя иногда кажется, что они не одобряют меня всего и сразу — и дело с концом. Но, повторюсь, тут я не на них оглядываюсь, а сам. Посмотреть мир, конечно, звучит здорово, но я из тех, кто ради этого уезжать с насиженных мест не готов, простите. Совсем не мое. А фото возьмите просто так, на память — только рад буду, — с этими словами он ободряюще кивнул на бардачок.

Ощущая себя максимально глупо, Катюха его открыла, покопавшись, нашла конверт и извлекла две полоски одинаковых фотографий на документы. Что ж, ожидаемо: природный шарм Ромаша не смог убить даже формат «как на

паспорт» — мягкая улыбка и лезущая в глаза челка никуда не делись, чуть обработать — и хоть сейчас на обложку. «Ладно, камера его любит, — констатировала Екатерина. — Жаль, это не взаимно». Спрятав один из двух наборов фото в сумочку — все равно уже считает поехавшей, хуже не будет, — она уставилась в окно, мрачно осознав две вещи. Во-первых, против воли парня отправить фото скауту рука не поднимется — ощущалось что-то до боли безысходное в этом «совсем не мое», четко дававшее понять: Ромаш не набивает цену, а и вправду не готов уехать. И второе, более обидное — они почти на месте: участвовавшие домики так и шептали — ты близко. Дорога была все та же, вчерашняя, Катюха могла поспорить, но не узнавалась, как и во все предыдущие разы.

Предварительно убедившись, что поставленная Ромашем точка из приложения не исчезла — с учетом прошлых событий Екатерина не исключала и такое, — она распрощалась с таксистом и, поправив на переносице солнцезащитные очки, уставилась на табличку: определено буквы, неопределенно какие. Вдохнув, медленно побрела в сторону центра, на этот раз стараясь после каждой пары шагов останавливаться и тщательно изучать окрестности. Не сработало: стоило единожды задуматься, и хоп, неизвестный район, в котором, она могла поклясться, оказалась впервые, — и при этом Катюха отчетливо понимала, что деньги на вероятность подобного исхода ставить точно не стоит. Вывески вновь нечитаемы, но явный плюс налицо — ситуация по крайней мере не ухудши-

лась, а если нащупал дно, сможешь от него оттолкнуться — а значит, привыкнуть и понять, справиться, а там авось и найти источник проблем. Эта мысль несколько приободрила, и, преисполнившись решимости, Екатерина продолжила ставшее уже традиционным развлечение «пойди туда, не знаю куда», как вдруг ощутила странную вибрацию в районе запястья и с непониманием уставилась на часы, не сразу сообразив, что та значит. Будильник? До встречи с Ромашем остался час? Но как, они же буквально только что расстались...

Ноги моментально налились тяжестью и заняли так, словно весь день провели в свинцовых валенках, живот скрутило в мольбе о еде, желательно срочно, а казавшееся близким дно помахало лапкой — ага, супер, теперь и ощущение времени против Катюхи, что дальше?

А, к черту, так легко она не сдастся. Повертев головой, Екатерина заметила неподалеку девушку вполне себе располагающего вида: светленькую, в яркой юбке и льняной рубашке — и двинулась к ней с неотвратимостью ледокола, попутно набирая Ромаша. Завидев приближение Катюхи, девушка изменилась в лице — видимо, имела несчастье какое-то время наблюдать за ее перемещениями, — но осталась на месте, игнорируя заголосивший из кармана Киркоровым телефон. Оценив ситуацию, Екатерина поспешила выпалить:

— Простите, мне в линзы песок попал, пришлось снять, а сама я приезжая. Сможете продиктовать адрес этого места,

чтобы меня забрали?

— И давно вы линзы носите? — совсем не женским голосом ответила девушка, и, хлопнув несколько раз глазами, Катюха обомлела: на нее с подозрением смотрел Ромаш собственной персоной. Не получив ответа, сбросил звонок и вновь выжидательно уставился. Екатерина сглотнула. Она готова была поклясться, что минуту назад перед ней стояла миловидная девица, которую абсолютно невозможно перепутать с таксистом. Кажется, взбунтовалось не только время.

Кажется, Катюхе вообще ни на что здесь не стоит полагаться.

— Екатерина? — снова позвал Ромаш. — Вы меня слышите?

— Да, — словно из параллельной реальности отозвалась она, но быстро очнулась. — Что вы здесь делаете? Следили за мной?

— В том числе, — не стал отрицать очевидное тот. — И, если честно, хотел бы с вами об этом поговорить.

В мозгах немедленно завопило «Беги!», тело сжалось, готовое броситься прочь, но Катюха понимала: в таком состоянии шансов выбраться из проклятого города своими силами у нее просто-напросто ноль: не видит вывесок, не чувствует времени и путает людей, даст деру сейчас — и может действительно потеряться. Внутри похолодело — пропасть. Наверное, бежать еще опаснее, чем довериться практически незнакомому мужчине? Или все-таки...

Почувствовав, как инстинктивно начала пятиться, Екатерина взяла себя в руки и остановилась. Вдохнула. Выдохнула. И, собрав в кулак остатки сил, категорично заявила:

— Тогда поговорим. Но только и исключительно в людном месте, при свидетелях — и добираться туда тоже будем не окольными путями.

Ромаш кивнул, будто и не ждал иного, но на всякий случай уточнил:

— Это все условия?

Катюха проанализировала ситуацию и как ни в чем не бывало добавила:

— Еще там должна иметься еда и вести меня придется за руку.

А руки у него оказались большие. Ну то есть ничего из ряда вон — не новость, что мужчины зачастую крупнее женщин, — но почему-то именно эти руки никак из головы не шли. Мягкие, теплые, сильные, с простым металлическим кольцом на среднем пальце, ставшие внезапным символом опоры, последней связью с реальностью, которая старательно от нее ускользала. По пути Екатерина всей душой ненавидела гребаную жару и свои потеющие ладони, но отпускать убаюкивающе-теплую руку Ромаша не собиралась ни под ка-

ким предложом. К чести парня, требования он исполнил — если, конечно, глаза не ввали снова: путь пролегал по многолюдной, явно туристической улочке. Выйдя к набережной, Ромаш покрутил немного головой и, кивнув на второй этаж одной из построек неподалеку, предложил:

— Может, туда?

Она взгляделась. Вывеска по-прежнему не поддавалась дешифровке, по виду — типичный ресторанчик с открытой верандой, посетители в наличии, но не битком. Ноги гудели, желудок завывал, и мозгу оставалось только рукой махнуть — пойдет. Что б там ни было, она по крайней мере сядет и хоть что-то сожрет. Судя по ощущениям, сгодится даже стол.

Поднявшись и расположившись на балкончике — просматривается с улицы и из помещения, но все-таки чуть вдали от остальных, — Екатерина приготовилась к допросу, но Ромаш с места в карьер не спешил. Окинув ее задумчивым взглядом, мягко уточнил:

— Бывали здесь?

— Не-а, ни разу.

— Бургеры не рекомендую, устрицы тоже дорогие, но остальное чаще всего вкусно и порции вменяемые.

— Спасибо, учту, — буркнула она, изучая выданное хостес меню.

Ну вот почему даже самые безумные ингредиенты в составе она прочесть может, а крупный шрифт названия заведения на первой странице — нет?.. Остановившись на ризотто

и лимонаде, дождалась улыбку и официантку и похолодела от первой же фразы:

— О, Екатерина, рада видеть. Вам как обычно?

Таксист с некоторым недоумением уставился на нее, и Катюха не придумала ничего лучше, чем выдать:

— А напомните, пожалуйста, как обычно — это?..

— Ризотто с морепродуктами и классический лимонад,
— и глазом не моргнув отчеканила та.

Мысленно выругавшись, Катюха кивнула:

— Да, супер. Спасибо большое, их и буду.

Дождавшись, пока официантка примет заказ и удалится, Ромаш, приподняв брови, уточнил:

— Вы здесь постоянная клиентка, но сами об этом не знаете?

— Похоже на то.

Немного помолчав, продолжил:

— Понимаю, не мое дело, но еще вчера показалось странным, ну...

Да уж, задачка «вежливо объясни поезавшему человеку, как он выглядит со стороны» шла со звездочкой не только для ребят вроде Ромаша.

— Что я стояла на остановке с огромной вывеской и не смогла ее прочесть?

— Да, — кивнул он. — Подумал, может, и вправду что-то со зрением — но тогда вас одну отпускать просто-напросто опасно. Поэтому сегодня решил на всякий случай присмотр-

реть и понял... — он снова замялся, явно ища формулировки помягче.

Спасибо за деликатность, конечно, но этак они тут до второго пришествия просидят.

— Поняли правильно: проблема далеко не с глазами. Скорее даже вообще не с ними, ага.

— Вы носите линзы? — внезапно вернулся к почти забытой теме Ромаш.

С учетом ситуации смысла врать Екатерина не видела:

— Нет, зрение идеальное. Но вас, да, впритык не узнала, пока не заговорили.

— Но почему тогда...

— Я придумала небольшую ложь, чтобы мне помогли. Поскольку, как вы верно заметили, не способна читать вывески — и не только ту, а вообще ни единой. С идеальным зрением.

Тут они ненадолго прервались — официантка принесла заказ. После ее ухода Ромаш бросил на Катюху очередной обеспокоенный взгляд.

— Расскажите?

А какой у нее был выбор без мобильного интернета и возможности доверять самой себе? Отрицать очевидное и абсолютно самостоятельно, с полным сохранением статус-кво пополнить список пропавших без вести? Нет, понятно, рано или поздно ее сердобольно забрали бы в полицию, а вот оттуда, скорее всего, переправили бы в больничку, и перспектива вырисовывалась так себе. Если, конечно, психика вне-

запно не одумается и не перестанет чудить, но в данный момент Екатерина на это особо не уповала. Ромаш может вывезти ее из личного Крымско-бермудского треугольника, у Юлии она снова пораскинет мозгами, а возможные слухи... Да пусть судачат сколько влезет, в конце-то концов. Собака лает — караван идет.

— Расскажу, — кивнула Екатерина, отпив лимонад, — но понятнее не станет.

И она рассказала. Как в детстве каталась сюда к отцу, потом более чем на двадцать лет перестала, а теперь пытается разыскать его, опираясь только на смутные воспоминания. Что за пределами чертового города с ней все отлично, но стоит ступить на местную землю — и начинается. И, конечно, свою версию причин этой катавасии — чтобы по пути обратно в дурку не подбросил уже сам Ромаш.

— В общем, думаю, тут срабатывает психологическая защита: мой мозг старательно бежит от любых воспоминаний об отце и, так уж вышло, заодно прихватывает с собой и меня. В результате ощущение, что это не у вас джипиэс отключают, а в моей голове что-то с концами вырубается, и хожу как потерянная. Повторюсь, ничего подобного в Москве не было, и иных сфер проблема не коснулась.

Ромаш слушал молча, изредка потягивая американо и задумчиво глядя на набегавшие на пляж волны. Да уж, ситуация, но ничего не поделаешь — хотя бы обратно ее довезти придется, цена любопытства нынче две тыщи и час-полто-

ра в обществе отъезжающей кукухой дамочки. Когда Катюха закончила и выжидающе уставилась на таксиста — ну, доволен? — тот предсказуемо не сдался:

— Понял, вы сюда аж настолько не отдыхать приехали. Но почему ищите буквально вслепую? Разве ваша мать не может подсказать адрес? Или она против общения с отцом?

— С подсказать адрес две проблемы. Первая — мама уже умерла. — Ромаш моментально изменился в лице, и Екатерина вскинула руку, тормозя поток соболезнований: — Все хорошо, это случилось не за день, у меня было время подготовиться. Так вот, а вторая — она и при жизни не горела желанием вспоминать подробности, как бы я ни упрашивала. Поэтому имеем что имеем: детские воспоминания, нестабильная психика, все. Других зацепок нет.

— А ваш отец... он вообще в курсе, что у него есть дочь? — еще задумчивее спросил таксист.

— По крайней мере, когда с мамой к нему приезжали — был, — поджала губы Катюха. — Сейчас — не знаю. Вот и посмотрим, главное — найти.

— Учитывая, сколько лет вы не общались... он вам точно нужен? — бросил Ромаш на нее осторожный взгляд.

— Пока не знаю, — спокойно кивнула Екатерина. — Но считаю, обрубать отношения нужно по собственному решению, а не из-за лени или по глупости. Возможно, ему реально плевать и на меня, и на мать, и это именно она в одностороннем порядке пыталась что-то там наладить, а в итоге сда-

лась. Но могло выйти и наоборот; к примеру, что он, как и вы, не готов был уехать, а с тех пор, как перестали навещать каждый год, ходит встречать к началу дороги — и все без толку. Я хочу знать, понимаете? Чтобы случайно не бросить человека, которому не все равно.

— Думаете, окажись ему не все равно, сам бы не ринулся вас искать? — снова задумчиво глянул на нее Ромаш.

— В Москве в разы проще найти проблемы на голову, чем малолетнюю дочь, — мрачно отчеканила Екатерина. — Вы меня не понимаете, да?

— Не понимаю, — не стал спорить с очевидным таксист. — Но помочь с самого начала хотел, а теперь хочу в разы сильнее. Слушайте, давайте буду ходить с вами? Заплатите только за бензин, а при самом плохом раскладе хоть обратно к своей машине выведу. Не дело ведь вот так бродить почти без помощи...

Катюха прищурилась:

— Нет уж, спасибо. Как вы могли понять, в таком состоянии я очень уязвима, и воспользоваться слабостью — раз плюнуть.

— Так ведь об этом и речь! — горячо поддержал Ромаш. — Как представляю, что вы тут буквально на ощупь ходите, внутри все холодеет. Сначала думал, мол, сама по себе такая злобненькая, а получается, вам страшно аж до одури — вот и пытаетесь первой ударить, пока вас не обидели. Простите за прямоту, — под ее возмущенным взглядом к концу своей

речи таксист стушевался.

Это она-то злобненькая? Подсознательно потянувшись к заточке, Екатерина замерла. Возможно, Ромаш и вправду не до конца понимал ситуацию, но полностью сбрасывать со счетов его наблюдения не получалось. Да, взять в союзники человека с более стабильной менталкой звучало разумно, но доверять первому встречному таксисту, к тому же слывшему сердцеедом?..

Мозг вновь охотно напомнил, что в общем зачете таксист скорее пятый, а Ромаш, видя ее колебания, пошел ва-банк:

— Понимаю, вы меня плохо знаете и верить причин особых нет, но можно же, наверное, какие-то правила безопасности продумать, которые вас устроят? Хотите, тетя Юлю с нами позову, она точно не обидит.

Пожалуй, это уже было перебором, и Екатерина замотала головой:

— Поймите, вы первый не выдержите — я знаю, о чем говорю. Ваши коллеги потому на меня и в обиде: в трех соснах блуждаю, не могу нормально объяснить, куда мне, и даже если кучу раз по одному и тому же месту пройду — не замечу. Развлечение на троечку, к тому же под палящим солнцем.

— И что теперь, одну тебя бросить и выбирать как знаешь? — возмутился он и моментально спохватился. — Ой, простите, оговорился. Может, заодно на «ты» перейдем? А то я выкаю, выкаю и все сбиться боюсь.

«Ох, парень, ты рискуешь», — так и хотелось брякнуть

Катюхе, но в ответ она лишь кивнула, смиряясь: протестовать еще и по этому поводу сил просто не оставалось.

— В общем, не списывай меня со счетов сразу, давай хотя бы попробуем? Если мешать начну — так прямо и скажи, я свои косяки умею признавать, — продолжил настаивать Ромаш.

— А работа как же?.. — напомнила Екатерина о, казалось бы, очевидных вещах.

Тот лишь отмахнулся:

— Заказов сейчас не много — пусть парни порадуются, а мне в разы спокойнее будет, честно.

«Зато мне спокойнее не будет точно», — так и тянуло ответить Катюху, но логика в словах таксиста имелась: и вправду, если все обговорить на берегу... В конце концов, сбежит завтра — и что? Позвать на его место Светлану это не мешает.

— Хорошо, можно попробовать. Но сразу проговорю: не ем и не пью ничего, что приготовлено не при мне или во вскрытой упаковке. Если отошла от блюда — беру новое. Никакого алкоголя, малейший намек на преследование, подозрительные действия и прочее подобное — тут же обращаюсь в правоохранительные органы. С собой — никаких других компаньонов, даже девушек. Начинаю чувствовать дискомфорт — мы расстаемся без объяснения причин. Любые попытки продавить свое мнение или сбить с пути — то же самое. И это только базовые правила, а не исчерпывающие.

Ромаш выслушал с нескрываемым удивлением и внезапно накрыл ее вцепившуюся в приборы руку своей, большой и теплой.

— Понял, постараюсь следовать, но, если честно, звучит тяжело — нельзя ж прям совсем никому не доверять и ни на кого не полагаться.

— Потому я и ищу отца, — кивнула Катюха. — На случай, если он оказался в подобной ситуации.

— А на самом деле отчаянно хочешь, чтобы, наоборот, кто-нибудь нашел тебя?

За столиком повисло молчание.

— Прости, я...

— Прямо говоришь, что думаешь, я помню. Не самый полезный навык в общении, — кивнула Екатерина, а утонув в его извиняющемся взгляде, добавила, — но и исключительно плохим назвать не могу. Может, ты и прав. Но меня не ищут. Ищу я.

Ходить за руку оказалось удобно, но немного смущало. Екатерина не могла не замечать недоумение на лицах провожавших их взглядами девиц: с чего это *такой* парень — и с *такой* спутницей? Если честно, к моменту, когда они таки сели в машину, ее уже на полном серьезе тянуло показать

подобным зевакам язык, и останавливало только смиренное понимание: с учетом везения стоит сделать хотя бы раз — и Ромаш обязательно именно в этот момент обернется. Так что Катюха молча переваливалась с одной отекавшей ноги на другую, симулируя ходьбу, и страстно ждала, когда же эта попытка кончится и обувь получится снять. Часть пути до машины и начало поездки прошли в тишине, не считая дежурных фраз вроде спасибо-пожалуйста, и по таксисту прям читалось, в насколько глубоком он шоке. Жалеем о предложении? Раньше думать надо было. Ладно, как до отеля доедут, она еще раз уточнит, все ли в силе, а то жди его напрасно утром...

Но Ромаш нарушил молчание задолго до отеля — и довольно неожиданным образом:

— Я понимаю, ты ненавидишь отклоняться от маршрута и все такое — но давай буквально минут на десять к морюшку заскочим? Теть Юле я позвоню и предупрежу, где ты и с кем.

— Выглядит как та самая попытка сбить меня с пути, о которых я говорила, — неодобрительно покосилась Екатерина.

— Понимаю, — не стал спорить таксист. — Но я реально с утра как проснулся — сразу к тебе двинул, потом весь день хвостиком проходил, сейчас довезу — и домой, а завтра все с начала. Поэтому прошу на море хоть ненадолго заскочить.

— Высадишь меня, и езжай себе спокойно, при чем тут я?

— От вас далеко, тут ближе.

Помявшись немного, Катюха сдалась:

— Хорошо. Но только если и вправду минут на десять — и сначала ты наберешь Юлию.

Что та на самом деле подумала, получив от Ромаша в полдвенадцатого звонок, история умалчивает, но в трубку пробормотала нейтральное: «Ну и слава богу», после чего отключилась. Сочтя это приемлемым уровнем информирования, Екатерина кивнула и оглянуться не успела, как машина затормозила перед тонкой песчаной полоской посреди скал. Никого больше не наблюдалось, и это настораживало: оставалось только надеяться, что Ромаш с Юлией не в сговоре, а то бывали случаи...

Припарковавшись, таксист вышел, обогнул машину и распахнул дверцу:

— Снимай обувь. Я помню, ты без шлепок и все такое, если что, добраться до номера помогу, — и, перехватив ее недоуменный взгляд, пояснил: — Я твои ноги вижу, и это не дело — нам еще час ехать.

Спорить стало сложнее: час пути звучал как пытка, и Катюха — ай, да и черт с ним! — с трудом стащила кроссовки и носки. О боже, хорошо-то как...

— Окей, щас будет странно. Если хочешь — визжи, — внезапно выдал Ромаш и, легко перекинув ее через плечо, бодро прошагал к морю и практически воткнул ногами в песочек у кромки воды.

— Ходи.

— Да нет у меня времени...

— Ты мучаешься, я же вижу. Нет времени — или вправду не хочешь?

Екатерина смолкла и, насупившись, уставилась на воду.

— Дело, конечно, опять не мое, но одно, если и вправду «нет времени», а другое — «не хочешь». И вот если все-таки хочешь, Катенька, то ходи себе на здоровье.

От внезапной «Катеньки» бросило в жар, и, спасаясь, Екатерина отступила в воду, намочив подол юбки. Было прохладно, но в основном успокаивающе-приятно — а Ромаш и вовсе расцвел в счастливой улыбке. Правда, продлилась идиллия недолго — мгновенно скинув рубашку, он остался в одних шортах и с разбегу ломанулся в ночное море.

— Водичка красота, да?

Следя, как капли дружно катятся по роскошным грудным мышцам, подобрать контраргументы оказалось сложновато.

— Подождешь чутка тогда? Я мигом ополоснусь и обратно тебя отнесу, обещаю!

Она и не чутка могла, лишь бы этот разврат ходячий поскорее скрылся с глаз: в свете луны и фар фигура вырисовывалась похлеще, чем на этих ваших онлифансах. Неопределенно махнув рукой, она проследила, как Ромаш радостно уплыл куда подальше, и осторожно пошла по бережку, мысленно молясь не наткнуться по пути на разбитое стекло, торчащие гвозди и прочих героев страшилок о столбняке. Но то ли у них случился нерабочий день, то ли за пляжем следили, но к моменту возвращения таксиста ни одной травмы Катю-

ха не заработала, напротив — ноги гудели в разы меньше. Конечно, обратно в кроссовки она их все равно не запихнет, но Ромаш вроде обещал помочь дойти?..

Радостно отфыркивающийся таксист ждал ее в том же месте, где забежал в воду, а когда подошла, со свойственным ему оптимизмом поинтересовался:

— В машину отнести или сама?

Честно? Вообще не хотелось. Ни в машину, ни к Юлии, ни таскаться по жаре, наворачивая круги под осуждающими взглядами зевак. Вода и песок приятно успокаивали не только ступни, но и душу, легкий ветерок освежал, а не иссушал, полуголый Ромаш рядом — ха! так она и знала, шорты-то пляжные! — картинку точно не портил, и вопреки всем разумным доводам захотелось остаться здесь еще хоть ненадолго.

Вот в такие моменты слабости и просираются сроки и шансы, Катюх.

Мгновенно разозлившись, она пошлепала на песочек, но переоценила силы и чуть не шмякнулась в воду — слава богу, таксист успел среагировать и подхватил. Снова выжидающе заглянул в глаза:

— Точно сама? Может, помочь?

— Так ты чаевых не добьешься, — буркнула первое пришедшее в голову Екатерина.

— Да при чем тут они? — уставился на нее Ромаш. — Не обязательно же все время преодолевать, должно ведь хоть

что-то легко даваться?

Видимо, сказалась усталость, потому что Катюха, сама того не ожидая, рассмеялась:

— Пф, ага, скажешь тоже. Чисто будь царицей куриных богов и ни в чем себе не отказывай?

Он заинтересованно на нее покосился.

— Куриные боги? Это динозавры, что ли?

Хмыкнув, она придержала юбку, наклонилась, не глядя сунула руку в воду буквально на миг и протянула ему подарочек со дна:

— Держи. Спорим, камень с дыркой в центре? Легко могу набрать такие где угодно и сколько угодно, буквально сами в руки идут.

Ромаш осторожно взял камень и глянул на просвет — и вправду, с дыркой, хотя с единственного Катюхиного таланта вполне случилось бы и подвести в самый ответственный момент. Убедившись, что не ошиблась, она двинулась к машине уже медленнее, и пока добралась и села, таксист успел и рубашку от песка отряхнуть, и полотенцем из багажника утереться, и ей чистое протянуть. Промокнув ноги, Екатерина не стала и пытаться запихнуть их обратно в кроссовки, только носки натянула и под довольные разглагольствования Ромаша — а давай завтра еще заедем? А хочешь, потом еще одну бухту покажу? Помнишь же, что друг с рыбками нас ждет? — уже без приключений доехала до своего отеля. Довести и уж тем более донести себя до номера не дала, медлен-

но доковыляв самостоятельно с кроссовками в руках. Войдя и закрыв дверь, прислушалась — машина Ромаша отъехала только пару минут спустя. Ждал на случай, если ей все-таки понадобится помощь, — или тут что-то другое, более злое? Как бы там ни было, на ватных ногах ночная рутина далась с трудом, и Екатерине многого стоило не упасть в кровать сразу, а сначала хотя бы ополоснуться, и пофиг, с пауками или без. Заснула снова мгновенно, но в этот раз, прежде чем сознание перенеслось в следующий день, в нем успела ненадолго мелькнуть мысль, будто сегодня все прошло не так уж и плохо, а морюшко, кажется, не столь бесполезно, как Катюха изначально считала. Возможно, в окружавшей ее тьме, как в курином боге, появилась небольшая дырочка?

Ага, держи карман шире.

Глава 4: Беда (без всяких «по»)

— Теть Юль, я с сегодняшнего дня буду Катеньку в ее путешествиях сопровождать.

— Будешь и будешь, мне-то нафига на уши присел? — пробурчала женщина, скрупулезно перебивая что-то из тетрадки в ноутбук.

— Катенька сказала, вам надо знать.

— И что? Будешь теперь все делать, что она скажет?

— Ну если ей так спокойнее, — развел руками Ромаш.

Пять баллов за старательность, минус два за подачу. Вздохнув, Екатерина решила завязать с подглядыванием и вошла в сторожку, с сомнением уточнив:

— А почему здесь ждешь?

— Мешать не хотел: вдруг опять дела...

— Ты про планерку, что ли? Она раз в неделю, можешь не волноваться, — и, поймав на себе заинтересованный взгляд Юлии, обратившей внимание на их внезапный переход на «ты», Катюха буркнула: — В общем, я готова. Едем?

— Едем, — расплылся в улыбке Ромаш.

Вот как он это делает? Гадское утро с недосыпом, тонной липкого солнцезащитного крема и так и норовящей сжечь ее зарядник проводкой, но стоит его увидеть — и вуаля, даже сожительство с муравьями уже не кажется чем-то из ряда вон. Ромашу точно надо если не в рекламу, то в какой-ни-

будь пятизвездочный отель податься — с их-то концепцией «покупают не сервис, покупают впечатления»...

Однако стоило Екатерине сесть в машину и открыть карту на телефоне, как настроение резко спикировало обратно на уровень «сойдет для поножовщины»:

— Твою богу душу. Класс.

— Что-то случилось? — опасливо покосился на нее таксист.

— Теперь я даже здесь название нужного места вспомнить не могу. И прочитать. Похоже, проблема начинает расплываться за пределы города.

— Ну вот. А еще от помощи отказывалась, — Ромаш красноречиво посмотрел, но, не добившись эффекта, вернулся к дороге и словно между прочим спросил: — В итоге на чем остановилась: дашь себя за руку водить, как вчера, или придумала другой способ, чтоб мы не потерялись?

— По-моему, за руку немного перебор, — насколько смогла вежливо сформулировала свою позицию Екатерина, в режиме реального времени ощущая, как лицо медленно заливается краской.

К счастью, водитель был слишком увлечен своими мыслями и на ее смущение внимания не обратил:

— А какие варианты? Купить веревку или поводок там какой и ими обвязаться? В идею просто держаться за концы я, если честно, не шибко верю: сам-то буду, не вопрос, но что, если твоя психика и это вывернет наизнанку и, к при-

меру, наврет, будто не шнурком тычу, а змеей?

Звучало довольно бредово, но в последнее время происходили вещи и побредовее, поэтому отмахиваться от тревог Ромаша Катюха не спешила.

— Обвязаться выглядит еще страннее, чем за руки... А просто рядом идти не вариант?

— Ну, за вчера я четко уяснил, что ты порой по тапкам так втопить можешь — фиг угонишься, — покачал головой таксист и, мельком глянув на ее вытянувшееся лицо, пояснил: — Катенька, я на полном серьезе. Уж не знаю, из какого олимпийского резерва ты сбежала, но не умею я, где надо, срезать по-хитрому, отвалился б еще в первый час своей доморощенной слежки.

Екатерина, чья близость с олимпиадами ограничивалась астрономией, а со спортом — и того меньше, крайне удивилась:

— Но если верить трекеру, я большую часть времени на одном месте топчусь...

— Большую — может быть. Но вот в оставшуюся определенно шпаришь похлеще Шумахера.

С Ромашем за руки, да? То ли он решил наконец включить свою деньгососущую опцию, то ли и вправду переживал за нее — кто ж разберет. Сочтя, что попытка не пытка, Катюха показала ок, а поняв, с насколько угрюмым лицом это сделала, взялась пояснить:

— Ладно, за руки так за руки. И если что, это «окей», а

не «очко».

Ромаш издал странный звук, потом еще раз, а после уже не смог сдержаться и откровенно заржал. Екатерина пристально на него посмотрела, и он стушевался:

— Извини. Просто... ну, очень неожиданно было. Вся такая мадам из столицы — и вдруг «очко». Не думал, что и слова-то такие знаешь.

Катюха хмыкнула:

— Это ты еще не видел, как программистов из курилки за уши к рабочим местам тащу — там и похлеще бывает.

Улыбнувшись чему-то ей неведомому, Ромаш внезапно выдал:

— И все-таки ты великолепна.

— Напоминаю: так чаевых ты не добьешься.

Очередной странный быстрый взгляд на нее — и обратно на дорогу.

— Вперлись тебе эти чаевые... Что, уже и похвалить нельзя?

— Можно, — и бровью не повела Екатерина. — Но это если взаправду, а не на пустом месте. Лесть ненавижу ни под каким соусом.

— Да тебе попробуй польсти — зубов потом не соберешь, — покачал головой таксист и почему-то грустно подытожил: — И все-таки ты необычная. Упорная, всегда помнишь о цели — я таких мало встречал.

Тоже мне, нашел уникама.

— Мне кажется, все москвичи такие. Другой ритм жизни и прочие столичные приколы, — пожалала Катюха плечами.

— Не, на москвичей я насмотрелся, и почти никто на тебя не похож. Ты особенная.

— Спасибо, но правда — нет.

— Не привыкла к комплиментам?

Вроде простой вопрос, но в ступор поставил. Получала ли Екатерина комплименты? Да постоянно — от заказчиков, коллег, та же Алла Эдуардовна без доброго слова и ручки не попросит, но вот «привыкла» точно было не о Катюхе: они с похвалой словно существовали в двух абсолютно параллельных плоскостях, изредка косясь друг на друга и стараясь не соприкасаться, чтоб случайно не аннигилировать. Точнее было сказать, что комплименты всю жизнь отскакивали от Екатерины Тавровны как о стенку горох и еще ни один не удостоился чести пройти фейсконтроль и быть впущенным в сердце.

— Скорее не знаю, что с ними делать, — честно ответила она. — Как и с прямолинейными людьми.

— Насколько могу судить, ты большая шишка, а такие если и не врут, то только кусочек правды говорят, иначе никак — ну и от других, видимо, подобного ждут. Понимаю. Я попроще. А если надо, могу и помолчать.

— Такое уже чересчур, сойдемся на спасибо, — задумчиво пробормотала Катюха, все еще переваривая свое комплиментарное открытие.

— Больше не хвалить? — обеспокоенно глянул на нее Ромаш.

— А ты и вправду остановишься?

— Ну это навряд ли.

— Тогда не будем врать друг другу.

Удовлетворенно кивнув, таксист включил магнитолау, и на какое-то время Екатерина погрузилась в мысли, анализируя и рационализируя. Чертовы комплименты никак не могли помочь в поисках отца, но отказывались уходить из сознания, настаивая, будто и они имеют в жизни смысл, что не соответствовало действительности. Какая от них польза? Сплошной самообман и только: в уши лить много ума не надо, а бдительность усыпляют. Вот и сейчас мерзкое «он считает тебя великолепной» саботировало сознание подобно агрессивной рекламе в браузере, выскакивающей на малейшее движение мышкой и норовящей раскрыться во весь экран, — и как ее свернуть или вовсе убрать, Катюха не понимала. Знала же, Ромаш только помешает, зря согласилась. Этак он вообще все карты спутает, нужно бежать, бежать, пока...

«Так, я сейчас всерьез собралась на полном ходу прыгать из машины из-за одного единственного комплимента?» — внезапно осознала она, заметив, что вцепилась в ручку двери и пытается оценить скорость движения. Ме-е-е-едленно разжав пальцы, Екатерина уставилась строго перед собой. Во рту пересохло, ладони одновременно покрылись испариной

и похолодели — перегрелась, паническая атака или и вправду лучше прислушаться к чутью? Словно издалека до нее донеслось:

— Катенька? Все в порядке?

— Нет, — боги видят, каких усилий стоило промычать это через плотно сжатые зубы. — Мне безумно страшно.

Ромаш взволнованно на нее глянул, быстро свернул на обочину и, затормозив, под ее полубессознательное возмущение схватил обе ладони в свои и принялся растирать.

— Я не врач вот вообще, но постарайся сосредоточиться на том, где ты сейчас и что с тобой происходит. Все, что чувствуешь, видишь, чего касаешься, — максимально думай про это и только про это, хорошо?

— Ага, — проямлила она и внезапно для самой себя добавила: — В городе — точно за руки. И даже если буду вырываться — не отпускай. Ни в коем случае. Я потом спасибо скажу. В моменте — нет, а вот потом — обязательно.

— Да-да, понял-принял, — покивал таксист, немного щекотно и, чего уж скрывать, приятно массируя ее пальцы. — Заодно и с ментами местными познакомлюсь, кругозор расширю, так сказать...

Она попыталась вырваться, и он успокаивающе погладил ее руки:

— Шучу я так по-дурацки, извини. Просто плохо пока понимаю, чего ждать и к чему готовиться.

— Угу. Спасибо, — все так же скованно кивнула она. —

Я, к сожалению, тоже. Далеко нам еще?

Он назвал. Катюха нахмурилась. Назвал снова — и она чертыхнулась. Ромаш замер и очень осторожно спросил:

— Теперь еще и не слышишь?

Оставалось только кивнуть. Таксист присвистнул.

— Вот уж не знаю, чего за фрукт твой папаша, но серьезно, с учетом всех приколов одной тебе к нему соваться точно не стоит. Это ж надо настолько...

— Не факт, что причина именно в нем, — поспешила пояснить она. — Чувства не всегда рациональны. Судя по ситуации, полагаю, что мои — скорее нет.

Ромаш уставился на нее во все глаза:

— Тебя нереально трясет, руки холодняющие, словно только из морозилки, а ты мне еще и объясняешь, что эти страхи беспочвенны?

— Я склонна так считать.

Помолчав немного, парень вздохнул:

— А я склонен считать, что когда боги выбирали, кто будет небесную твердь держать, тебя не взяли только потому, что была слишком занята каким-то другим делом и решила не отвлекаться, вот серьезно. И это не комплимент, это я не знаю что.

Она хихикнула. Звучало глупо, но насмешило — и накативший ужас потихоньку отступил, ворча и предрекая кары и муки. Доверять нельзя, идти вперед нельзя, нужно бежать, бежать, пока не стало хуже. Екатерина отпускала страх без

сожалений, замороженно следя, как пальцы Ромаша мнут и трут ее собственные. Шрамов нет, даже мелких — неожиданно, а у нее вон, на указательном и мизинце. «Мозоли отличника», как мама называла шишку на среднем пальце от ручки, тоже не нашлось — ну так и у нее за столько лет работы за ноутбуком рассосалась, а раньше пугали, что только удалять хирургическим путем... Ресницы у Ромаша длинные, линии бровей четкие, будто в салон ходит, да и вчера, когда купался, лишней растительности на теле она не заметила — может, и вправду уходом не брезгует? А что, места курортные, вон, в Бразилии все повально на красоте помещаны... Глупенькие и странные мысли сахарным сиропом заполняли освободившееся после ужаса пространство, и Катюха впервые за многие годы не гнала их, а впускала как родных: теперь, зная, кто может поселиться на их месте, воротить нос не особо хотелось. Постепенно успокоившись, она кивнула и не без сожаления высвободилась из ладоней Ромаша.

— Кажется, прошло. Можем ехать. И давай сразу договоримся: держишь за руку, если сама не пью более двух часов — выпаивай, главное — купи и открой при мне, на еду — пофиг, а в полдевятого ты меня оттуда увозишь, что бы ни происходило, хорошо?

— Ладно, — кивнул он озадаченно и снова покосился на нее. — Но насчет еды — уверена?..

— Пока я невменяема — все равно не накормишь, — по-

жала та плечами. — Но, конечно, посмотрим, как пойдет.

Ромаш снова сосредоточенно кивнул, вырулил обратно на трассу — а дальше Екатерина помнила урывками, словно сон во время высокой температуры. Они точно приехали в... туда; она пыталась куда-то идти — не глядя и уж тем более не дожидаясь Ромаша, а он спешил за ней как угорелый, хватал за руку, с кем-то ругался, перед кем-то извинялся — все шло как в тумане. В какой-то момент, казалось, сознание вернулось — когда вышла на набережную, ту самую, вчерашнюю. Она еще глянула на Ромаша — и он, естественно, тоже узнал место, но молчал, безропотно выполняя ее указания: если надо — пойдет рядом, и не важно, в который раз. Это было что-то новенькое — но картинка быстро стерлась, стала зыбкой, и вот они плетутся по какой-то ну очень крутой улице, а в голове всплывает внезапное понимание: уже несколько дней как ее никто из насекомых не кусал — сочли за местную? Гадский пот заливает глаза, по одежде расползаются желтые пятна от солнцезащитного крема, она пыхтит, но тащится, а рядом Ромаш: рука в руке, хоть с тех и буквально капает. Мерзость, но держит. Вот снова несчастная набережная — медом намазано, что ли? — он пытается сунуть трубочку ей в рот и убедить попить, она в ответ злобно шипит, а мужичок-продавец ухохатывается. Потом Екатерина буквально моргнула — и опять в салоне «фольксвагена», босая, но пристегнутая, с пакетом винограда на коленях и нескрытой бутылкой местного лимонада в правой ру-

ке — левая вцепилась в плечо Ромаша. Стоило чуть ослабить хватку, как таксист обеспокоенно на нее посмотрел и, встретившись взглядом, осторожно спросил:

— С возвращением?

— Наверное?.. — пробормотала Катюха.

Глаза пересохли и разве что не скрипели, ноги гудели так, как вчера и не снилось, безумно хотелось есть, и самое пугающее — за окном стремительно темнело. Минус еще один день ее жизни.

— Как прошло? — спросила она, примерно представляя, что услышит.

Отпустив плечо таксиста, Екатерина вскрыла и отпила лимонад, параллельно поражаясь, что мышцы пальцев тоже могут болеть. Заметив, как залпом опустошила почти половину бутылки, не без труда остановилась и закрыла обратно. Тут же мощно и предсказуемо пропотела — а Ромаш так и молчал.

— Говори как есть. Мне надо понимать, насколько все плохо.

Вздохнув, таксист сдался:

— Честно? С тобой даже бывалые СДВГ-мамаши прикурили бы. Вообще не представляю, как сама собиралась справляться, я и то чудом поспевал: ты и пару раз потеряться умудрилась, и драпала от меня только в путь, ладно хоть разобрался, как чуть притормозить прыть...

— И как?

Ромаш смутился:

— Ну, если тебя за руку взять, ты будто чуть вменяемое становишься и меньше паникуешь. Может, за счет физического контакта? Ну как утром. Из минусов — вцепляешься при этом намертво: плечо мне чуть не вывихнула даже тут, в машине, а пальцам за день вообще полный люля-кебаб, откуда только силы берутся. Не в обиду — сам знал, на что иду, просто делюсь. Сама-то как? Нашла зацепки?

— Не похоже, — честно призналась Катюха, задумчиво глядя на свои руки. — Но вроде было лучше. Пару раз даже почти в сознание пришла — до этого везло меньше. Может, дело в том, что с мамой я там тоже всегда за руку ходила?

— Ну я-то не мама, — скосил на нее взгляд таксист.

— О, я более чем в курсе, — закатила было Екатерина глаза, но нахмурилась. — А будильник мой что, не сработал?

— Сработал как родненький — и ты моментально его вырубила и потопала себе дальше, — вздохнул Ромаш. — Замечу, после этого поймать и затащить в машину тоже оказалось довольно непросто. А виноград, кстати, ешь: днем покормить тебя не вышло, и секундочки стоять на одном месте отказывалась, в дорогу получилось прихватить только его. Если что, мытый.

Снова посмотрев на пакет на своих коленях, Катюха нахмурилась:

— А сам перекусил?

— Ага, с тобой успеешь десять раз, — хмыкнул таксист,

но поспешно добавил: — Повторюсь, без претензий. Ешь спокойно, я мальчик большой, до дома дотерплю.

— Как-то нечестно получается...

— Ну уж как есть. Или с рук кормить собралась? — хитро глянул на нее Ромаш.

Хм, логично, он ж за рулем. Хотя на ее памяти даже в Москве не всех водителей такое останавливало...

— Далеко мы от того места, куда вчера заезжали? Может, встанем ненадолго поесть?

— М-м-м, романтический пикник на пляже? — многозначительно пошевелил бровями водитель, но в ответ получил только усталый взгляд:

— Ромаш, еще немного, и я твой бардачок сгрызу. Так как, далеко дотуда?

— Минут пять, — мгновенно посерьезнел таксист. — Ты это... начинай, не жди. Его все равно немного, я чисто компанию составлю.

— Нет уж, потерплю: считай уважением к твоим страданиям. И не забудь сказать, сколько с меня.

Парень в ответ только рукой махнул, и тут Екатерина сообразила:

— Так, стоп, а вода? Кроме лимонада ты ничего?..

— Спокойно, я с собой заранее взял, что осталось — сзади лежит. А вот лимонад твой и только твой, не претендую.

Голос, которым это произнесли, ее насторожил.

— Почему ты боишься пить из моей бутылки? — прямо

спросила она, вперив взгляд в Ромаша.

— Катенька, ничего я не боюсь. Но когда ты его увидела в палатке, встала как вкопанная, дернула меня за руку и аж пальцем ткнула: «Хочу». Учитывая, что это оказался самый осознанный поступок за день, вставать между тобой и «Крымским» не рискну, вот честно.

Оу. История, конечно, звучала на троечку, но бутылка была стеклянной, а крышка — запаянной, чтобы в такую подсыпать, нужно серьезно постараться. Сдавшись, глотнула еще. Блин, вкусный — и отдает чем-то глубоко из детства. Наверное, мама покупала? Но вот превращать в нее Ромаша точно не стоит.

Таксист не обманул: менее чем через десять минут они припарковались на том же пляже, но на этот раз вдалеке виднелась палатка. Ну, не страшно, места полно. Ромаш и вправду достал с заднего сиденья бутылку с водой, обошел машину и, открыв дверь, сел прямо на песок около ног Катюхи.

— А с рук точно-точно не покормишь? Даже за все мучения?

— Да. Потому что виноград мытый, а руки — нет, — быстро нашлась Екатерина, но не сработало:

— Так это минутное дело, шас!

Таксист вскочил, вновь метнулся к машине, на этот раз в багажник, и вернулся с пятилитровкой и очередным полотенцем, к счастью, не одним из тех, которыми они вытирались вчера. Хранит целую стопку, что ли? Зачем? Или меня-

ет постоянно? Настолько привык на море заезжать?..

Ополоснув руки, Екатерина сдалась и быстро сунула ему в рот пару ягод — Ромаш расплылся в улыбке и принялся чрезмерно довольнo их жевать, будто проходил кастинг на самого счастливого Чеширского кота. Станный все-таки тип. Или у него подкаты к женщинам настолько в подкорку въелись, что уже на автомате идут, а он потом жалеет? Иначе с чего от добавки отказался? Тренируется, чтоб хватку не терять, когда более перспективную жертву встретит?..

Как бы там ни было, но виноград оказался вкусным, и смолола Катюха почти весь пакет быстро, так и не сумев скормить таксисту больше ни единой ягодки — но тому словно и вправду не надо было. Сидел себе на песочке рядом, не сводил с нее глаз, изредка отпивал воду из бутылки и думал о чем-то своем. Наверняка мечтал, как высадит вечером — и заблочит на фиг, от греха подальше, а ей снова придется метаться по улицам в одиночестве, пока не затеряется и пропадет окончательно... Заметив подкрадывающийся ужас на подходе, Екатерина не придумала ничего лучше, чем ударить по нему прямым вопросом:

— О чем думаешь?

— Да ни о чем особенном. Просто тобой люблюсь.

Там, в Москве — с макияжем, укладкой, подогнанным по фигуре костюмом и прочими благами цивилизации — она такое еще проглотила бы, но здесь и сейчас — отекая, потная, взъерошенная, с небритыми ногами — просто устави-

лась на Ромаша во все глаза:

— С ума сошел или на солнце перегрелся?

Таксист хмыкнул:

— М-да, задачка. Доверять у тебя не принято, сдаваться не принято, красивой считаться — тоже не принято... Удивительная ты личность, Катенька! Сильная, но не в обиду будет сказано, какая же дурная.

— Кто бы говорил, — буркнула та на автомате.

Замолчали, но Ромаш вел себя по-прежнему — разглядывал ее почти вплотную и черт пойми зачем. Екатерине хватало мозгов не воспринимать его заявление всерьез, но вот утонуть в бездонном взгляде светлых глаз так и тянуло, и, всячески этого избегая, она посмотрела вверх. Как же все-таки красиво ночное небо без чертовой городской иллюминации, созвездия как на ладони, — а в Москве хрен что увидишь. Может, купить наконец телескоп, как в детстве мечтала? Ага, и куда его — на балкон? Чтобы что? И вообще, хватит о глупостях думать, пора обратно ехать. Только еще немного посидит, даст винограду несчастному хоть чуть-чуть провалиться, чтоб по пути не укачало...

— Звезды нравятся, да? — прервал затянувшуюся тишину таксист, проследив за ее взглядом.

— Да, в школе любила, — не отрываясь пробормотала Катюха, все еще стараясь не смотреть на него. — Но даже сейчас на них кроме закла ВсОШа денег не заработаешь, а уж во времена моей юности и давно — так астрономия и оста-

лась полузабытым хобби.

— А для тебя главное деньги?

— Когда родная мать с утра до ночи от боли погибает, волей-неволей начнешь о них задумываться, есть такое.

Помолчали.

— Прости. Я не знал.

— Теперь знаешь. Вот такой вот я корыстной выросла: и училась, и работу искала только ради денег в надежде маме хоть как-то помочь. В итоге и ее не спасла, и дело свое делаю просто хорошо — пусть и с результатами, но без огонька. Таких ведь не любят сейчас, да? У настоящего профессионала к работе душа лежать должна, глаза гореть и все такое, а я — прослойка между руководителем и миром, оказавшаяся в нужное время в нужном месте. Ну, знаешь, из этих, неэффективных, которые еще сотрудников за людей держат и отгулы на выступления у детей в школе дают. Ненастоящая, но тешу себя мыслью, что и не бесполезная.

Помолчав еще немного, Ромаш отставил бутылку.

— Прости еще раз, пожалуйста. Не подумал, что могу больно сделать таким тупым вопросом. Если легче станет от того, что злишься и ругаешься на меня, — то позлись и поругайся, твое право. Я дурак. Просто, как и сказал, не привык к таким, как ты, — хоть и не веришь.

— Так, может, я вру тебе нагло в глаза, а на самом деле содержанка какого-нибудь богатого папика, чья главная трагедия в жизни случилась, когда мелирование в тон не попа-

ло? — все-таки посмотрела прямо на него Катюха, опешив.

Да, она говорила правду — но нельзя же настолько верить словам первой встречной.

Ромаш грустно улыбнулся:

— Тогда мне, наверное, и вправду было бы легче. Даже жалко, что не врешь, — большей сволочью себя чувствую. Сижу и думаю — а если бы у меня кто так болел?.. Не знаю, вряд ли бы смог как ты, хоп — и вперед, за нелюбимое, но нужное. Ну, может, заказы брал бы с меньшим разбором — да и все, пожалуй. А ты вон какая боевая молодец.

— Я уже говорила, чаевых ты лестью не добьешься.

— Нужны они мне больно, — хмыкнул таксист. — С тобой поговорить всяко стоит дороже — что бы ты там сама по этому поводу ни думала.

Сознание снова во всю мочь завопило: «Беги!», но Екатерина успела поймать страх за хвост и пропустила его сквозь себя, стараясь сосредоточиться на текущем моменте. Шуршит прибой. Звезды. Ромаш смотрит чуть хмурясь — заметил, что ей снова нехорошо? Сидит на песке, словно вообще грязи не боится, лезущую в глаза челку изредка рукой с кольцом поправляет — той самой, за которую она держалась. А на шее внезапно цепочка, уползающая под рубашку. Кажется, с кулоном, но каким — разобрать не получалось, как и вспомнить, давно ли та на нем появилась. Главное — ее интерес к этому мелкому изменению в имидже таксиста вполне справился с задачей и на какое-то время вытеснил

первобытный ужас. Интересно, надолго ли? Поняв, что молчит уже довольно продолжительное время, Катюха, помявшись, решила все-таки не дать Ромашу совсем-то уж себя принижать.

— Насчет «как бы поступил в такой ситуации я», знаешь... Часто люди вообще не представляют, на что способны, пока их к стенке не припрет. По твоим словам, с родственниками у вас не ладится, а вот мы с мамой всегда, и до болезни тоже, были одной командой — и во все это я смело пошла просто потому, что знала: меня примут и поймут. В других семьях, какие видела, выглядело не так — родители и дети обычно спорили, обижались, диктовали друг другу условия, а я с самого рождения жила с тем, которому ничегошеньки не надо доказывать, — и знала это каждую минуту своей жизни. Она меня просто любила и сразу считала человеком, а не заготовкой под него. Мы вместе планировали бюджет, вместе читали, кино смотрели, обсуждали — все на равных, ну, без идиотизма, конечно, но никаких «Я так сказала, и точка!»... И с болезнью ее мы тоже боролись вместе. Но... — ком все-таки подступил к горлу, и договорить получилось с трудом. — Но проиграла она одна.

Ромаш взволнованно посмотрел и снова взял ее руки в свои, принявшись растирать. Забавный он, когда волнуется. Было бы еще из-за чего...

— Хочешь поделиться или пока больно?

— Да, думаю, всегда будет больно, — грустно ухмыльну-

лась Екатерина. — Просто, как сказал один комик, однажды я научусь с этим жить. У нас все вышло будто в мыльной опере из разряда слезодавилок: когда я училась в старших классах, у нее нашли рак. Сейчас-то это не приговор, ну, ты, наверное, слышал: чаще умирают с ним, а не от него, и поначалу мы были довольно оптимистичны, тем более что обнаружили на ранней стадии. Но потом пошло-поехало: классические схемы лечения вообще не работали, постоянные операции, химиотерапия, инновационные препараты — и сплошное ни фига, лез снова и снова, в итоге метастазы ее и докончили. Чего мы только ни перепробовали за эти годы: и по всем топовым клиникам доказательной медицины прошли, как нашим, так и зарубежным, а по ее просьбе — еще и по бабкам с прочими народными целителями, кого насоветуют. Не хмурься, эта часть была не в ущерб нормальному лечению — мы ж в одной команде, понимаешь? Просто мама очень хотела хеджировать риски и искала помощи даже у шаманов и бабюшек, иногда те сменялись в палате чуть ли не как «пост сдал — пост принял»... Да только никто и ничто не помогло.

— Понимаю. В таких случаях тетя Юля говорит, мол, бог забрал.

— Не бог, — с неожиданной даже для себя злостью возразила Катюха. — Мама была абсолютно, стопроцентно уверена, что ее сглазили.

— А ты? — спросил таксист, и Екатерина честно ответила:

— Я — нет, но по одной единственной причине: если такой человек существует, он должен понимать: вскройся правда — и я его найду, хоть из-под земли достану, и тогда придется очень быстро и капитально пожалеть о содеянном.

— Опаньки! Тимур, глянь, знакомые все лица!

Скорость, с которой Катюха повернула голову в сторону голоса, сделала бы честь любой сове. Не показалось: от палатки к ним шли два уже знакомых мотоциклиста, те самые, приставшие в день первой поездки с Ромашем. Сознание мгновенно затопил ужас, тело как будто завибрировало: «Беги!», причем громче и мощнее, чем в любой из разов до этого, — но Екатерина сумела подавить порыв, не двинувшись с места и слыша только громкий стук собственного сердца. Ромаш поднялся, примиряюще вскинул руки и, смеясь, начал что-то объяснять, те отвечали явно агрессивно, а в висках стучало: «Спасайся! Спасайся! СПАСАЙСЯ!» Во рту вновь пересохло, ледяные ладони вспотели, она почувствовала себя кроликом в свете фар на всех парах несущейся на него фуры — и не без труда перевела взгляд на таксиста. Нужно бежать. Немедленно.

Но Ромаш этого не понимает.

Можно ли ему доверять? Конечно, нельзя! Подсознание вопило, кричало об опасности, выкручивая все приборы и дергая рубильники судного дня, пытаясь заставить Екатерину вскочить и броситься прочь, но взгляд застыл где-то промеж лопаток таксиста. Рука, которая держала ее руку. Улыб-

ка, которая, будем честны, удерживала кукуху. Мягкая доброта, которую Ромаш излучал, будто переносное загорелое солнышко...

НАДО БЕЖАТЬ!

Неизвестная сила добила своего, вздернув Катюху вверх и заставив встать на, казалось бы, давно онемевшие ноги, но не учла одного — когда ты очень много лет питбуль Аллы Эдуардовны, даже первобытному страху придется подвигаться и уступить место характеру.

А еще — что граница между «бей» и «беги» пролегает всего в одном миге.

— ...ка?

Она моргнула. С ней говорили. Ее кто-то звал.

— Катенька?

Ромаш? Почему испуган? А, да, появились те парни...

— Катенька, если ты меня слышишь, опусти, пожалуйста, эту штуку на землю, хорошо?

Какую еще штуку? Заточку? Нет, заточка в кармашке, она ее...

Обомлев, Екатерина уставилась на огромную ветку в своих руках. Тяжеленную — это она поняла буквально через секунду после того, как разжала пальцы и бросила. Снизу раз-

далось невнятное оханье, и она перевела взгляд под ноги.

Оба мотоциклиста в каком-то полубессознательном состоянии, у обоих кровь на лице. Между ней и ними Ромаш. Вскинул руки в успокаивающем жесте, и вряд ли это он их так. Получается...

— Глазам своим не верю, — шокированно протянул таксист. — Ты реально просто взяла и загасила их корягой...

— Уж лучше корягой, чем заточкой, — мрачно буркнула Екатерина.

Господи, что она натворила? Это же ненормально!

— У тебя и заточка есть? — уставился на нее Ромаш.

— Сам посуди: я каждый день таскаюсь по незнакомым местам с неизвестным мне мужиком, конечно у меня, как у всякой порядочной девушки в такой ситуации, есть заточка, — не стала отрицать она, все еще судорожно анализируя произошедшее.

Самое пугающее — Катюха не помнила ни как напала, ни почему. Наверняка мотоциклисты что-то сделали, начали драку, потому что иначе...

— Нужно вызвать скорую, — пробормотала она дрожащими губами.

Ромаш быстро глянул на нее и по очереди наклонился к обоим парням. Проверил дыхание, положил руку на головы, что-то пошептал и решительно встал.

— Так, слушай. С ними все в порядке, выглядят хуже, чем есть на самом деле. Минут через пятнадцать оба очнутся и

ничего не вспомнят — но без последствий, даже сотрясения не будет, рассеченные бровь с ухом не в счет. Наверняка решат, что по пьяни оступились, — может, даже повнимательнее будут. А мы с тобой сейчас сядем в машину и быстро поедем отсюда, поняла?

— Ты не врач, — покачала она головой. — Нельзя оставлять людей в беде без медицинской помощи.

— Я не врач, но сейчас придется поверить, правда. И мы со всем разберемся, но сначала нужно уехать как можно дальше, хорошо?

— Если с ними все в порядке, почему ты хочешь уехать? — продолжала давить на логику Екатерина.

— Потому что дело не в них, — странно глянул на нее Ромаш, протягивая руку, — а в тебе. Тебя надо увезти от... — тут в голове вместо слова щелчки прозвучали, — настолько далеко, насколько смогу.

Единственное, что понимала Катюха, — из состояния аффекта перешла в шоковое, и желание расслабиться, довериться и хоть с чем-то разбираться не самой на секундочку победило. Она кивнула, взяла таксиста за руку и оглянуться не успела, как оказалась в бодро отъезжающем с места происхождения «фольксвагене» — и тут же принялась корить себя за слабость. Надо было сразу сбежать — тогда бы она никого не покалечила. Или остаться и принять наказание. А так едет с преступником — попытался скрыться, значит, преступник! — и сама становится...

— Да уж, после такого я по доброй воле с москвичами в одну машину не сяду, — пробурчал Ромаш на очередном повороте.

— Не нравится — высади у полицейского участка и проявляй сознательность хоть до конца жизни, — парировала Екатерина.

Он опять как-то странно на нее глянул и выдал совершенно дикое:

— Что ты чувствуешь?

— При чем тут это?

— Мне важно. Почему ты на них бросилась — помнишь?

Она не помнила, совершенно — и в то же время казалось, что знает причину: какая-то темная, злая, недовольная тем, что она не побежала, волна поднималась из глубин сознания и снова пыталась захватить управление ее жизнью.

— Потому что ты стоял и уши развесил!

— Но не так же было, — снова мельком глянул он на нее. — Да, я с ними говорил — и ждал, пока расслабятся. С пьяными не впервые общаюсь, есть опыт, как решать такие проблемы, и в целом бы справился — и совершенно не ожидал, что разбираться ринешься ты.

— Ну извини, со стороны выглядело, что еще немного, и они начнут тебя бить, — закипала Катюха.

— Даже если так — согласись, насилие не выход, — поучающе выдал он.

Екатерина была согласна. Более чем согласна. Проблема

крылась в том, что согласна она была ровно всю свою жизнь, кроме одного-единственного разговора в ночном крымском такси, где буквально ощущала, как ее накрывает тенью безумия.

— А что выход? Ну вот что, а? Давай, научи меня жить, расскажи женщине, как ей себя вести.

— Я же не про это...

— А про что? Я недостаточно сказала им «нет»? Неправильно оделась? Вела себя не так? Давай, найди мою ошибку, в чем ты меня обвиняешь?

— Не обвиняю. Я хочу понять, почему ты на них напала, хотя мы просто разговаривали. Мне кажется, они успокаивались.

— А если нет — то что? Пусть тебя бьют, меня насилуют, зато никакого превышения самообороны, все молодцы?!

— Катенька, здесь же не Дикий Запад...

— А что у вас? Что? Я ни хрена не вижу, уже частично не слышу, меня держат за поехавшую, а ты ждешь понимания к мужикам, которые до этого приставали, несмотря на все мои протесты? Я здесь чужая, все вокруг пытается навредить — это страшно, можешь себе представить? Знаешь вообще чувство такое?

Ромаш помолчал немного, обдумывая ее слова.

— Но это не объясняет, почему ты так легко в драку лезешь.

— Легко?! — Екатерина готова была ему глаза выцара-

пать. — Да я до этого в жизни никого и пальцем не тронула!

В салоне воцарилась тишина.

— Как же тебя у нас к стенке-то приперло.

На глазах навернулись слезы.

— Идиота кусок! Думаешь, я ради себя это сделала? Да я тебе помочь хотела! Внутри все орало «беги, беги», а ты стоял как дурак и ни с места, так бы там и остался! Легко говорить «насилие не выход», когда драться пришлось не тебе! Что меня тут обидит? Да все, просто все! Куда ни сунусь — везде чувствую чистейший ужас, и как бы ни кричала, никто этого даже не заметит! Я одна тут, понимаешь? Одна! Еще более одна, чем вообще хоть когда-нибудь: никто не поможет, никто не услышит! Мать три недели назад похоронила, приехала искать отца — ты думаешь, все это от нормальной жизни?! Потому что я одна, совсем одна, понял?! Одна! Все против меня, а я... одна...

И она разревелась. Абсолютно отвратительно, гадко разревелась — с моментально потекшими соплями, стремным воем и ором. Ромаш быстро свернул на обочину, а затормозив, в момент поставил «фольксваген» на ручник и тут же ее обнял, прижав к себе как есть — чумазой и жалкой. В этом не было ни намека на романтику: какая романтика, когда реवेशь белугой, морда красная и всхлипы похожи то ли на судорожное всхрюкивание, то ли на задыхающегося слона? Его плечо немного заглушало крики, но проезжай кто мимо, наверняка бы решил, что ее режут. Таксист оставался спокоен:

аккуратно гладил по голове, мягко прижимая к себе, и приговаривал, тихо, но не вкрадчиво, не пытаясь притупить ее чувства, чтоб больше не взрывалась, а будто и вправду понимал:

— Извини, Катенька. Я как лучше пытался, по-взрослому поговорить, а в итоге только довел — и вправду дурак. Понял, ты одна, тебе страшно, и у нас ты словно снова маленькая. Для тебя тут нет ничего привычного, только старый-старый страх, и пока он сильнее. Но ты тоже сильная, ты от него не убегаешь — кричишь, боишься, машешь чем под руку подвернется, но прешь прямо на него. Прости, я не очень это понимал. Мне здесь комфортно, я свой. Да, не слишком лажу с семьей, но всегда был и останусь своим, знаю всех и, самое главное, — знаю, кто я. А ты хочешь знать, но не получается, да? Всю жизнь служила маме опорой, ее не стало — и теперь не знаешь, кто ты, где и зачем?

— Все я знаю, — побулькала она сквозь сопли ему в плечо.

— Знаешь, конечно, — не стал спорить Ромаш. — Просто иногда не помнишь. Так тоже случается.

— А с ними честно все будет хорошо?

— Клянусь чем хочешь, Катенька. Не могу объяснить, но поклясться могу. Ты не сделала ничего непоправимого, да и соломку я где надо подстелил. И... понимаю, ты меня пошлешь, но не сказать не могу.

— М?

— Ты не одна. Я с тобой.

Рыдания нахлынули с новой силой. «С тобой», как же! Просто она платит, вот он и помогает. Это вообще, ни разу не то «с тобой», которое «вместе». Ей нужно... Ей важно... Она хочет...

Рев усилился, она вцепилась в Ромаша как безумная, вжимаясь, пытаясь заглушить все то бессвязное, что рвалось изнутри, — и не получалось. Катюха кричала, орала, плакала, и с каждым звуком темная волна злости, страха и странной, будто чужой агрессии светлела и истончалась, медленно вымываясь из нее и оставляя после себя ставшую уже непривычной безмятежность и пугающую пустоту. Наконец-то выплюнуть накопившееся и вправду оказалось приятно — нервы успокоились, а в голове прояснилось. Когда она в последний раз вообще плакала? Кажется, даже после смерти мамы не смогла. Как всегда собралась, продумала план и пошла делать то, что должно... А на плече Ромаша — теплом, внезапно пахнущем лугом; надо спросить, чем стирает, ее запах пота никакие дезодоранты перебить так и не смогли — рыдать казалось естественно и совсем не стыдно: Катюха словно попала в руки заботливому мишке из мультика в детстве, который нежно гладил по голове, пока она уродливо сопела. Наплакавшись вволю и затихнув, Екатерина отстранилась — и кроме мокрых пятен от слез увидела на его рубашке желтые потеки от крема. Теперь и вправду стало стыдно.

— Я оплачу химчистку.

— Что? Блин, даже внимания не обращай. Сама-то как? Стало полегче?

Екатерина кивнула. Тьма в ней кончилась — ушла вся, с концами, но неожиданно вместе с ней ушли и силы. Издав странный звук, Катюха почему-то обмякла, чудом не скатившись вниз.

— Лес меня забери, да как я даже вопросами-то на каждом шагу все портить умудряюсь?.. Так, держись. Сидеть можешь?

Она помотала головой, не способная и слова сказать. Тепло ощущалось ватным, губы не слушались, не слушалась она вся. Мягкая теплая ладонь накрыла ее лоб, металлическое кольцо показалось горячим — но таксист быстро отнял руку.

— Ты как за пять минут из фурии до истощения дошла? — он обеспокоенно погладил ее по щеке и заглянул в глаза. — Катенька, слышишь меня?

Сил кивать уже не нашлось, и она просто медленно моргнула.

— Мне страшно тебя оставлять. Да, я не медик, но кое-что могу и умею — и судя по тому, что вижу, как раз сейчас тот редкий случай, когда это не бесполезно. Понимаю, у тебя были другие планы — но давай сегодня переночуешь у меня, хорошо?

Честно? Наверное, и вправду звучало хорошо — увидеть, где и как живет Ромаш. Или наоборот, страшно — поехать к незнакомцу домой, да еще и абсолютно без сил. Проблема

крылась именно в «без сил»: Екатерина поняла, что сейчас ей полностью и абсолютно плевать на все: и свою жизнь, и дальнейшую судьбу. Пусть делает, что хочет.

Она снова медленно моргнула.

Таксист вышел, практически перенес ее на заднее сиденье и помог поудобнее устроиться там — не наврал, кондей и вправду не добивал, но ночью с открытыми окнами оказалось терпимо, — после чего принялся долго кому-то названивать. Сначала трубку не брали, но вот в тишине салона раздался голос собеседника — будто она сама с ним говорила:

— Ромаш, матушку твою — мир праху ее — за ногу! Час ночи! Если у тебя опять Катенька головного мозга...

— Теть Юль, ей плохо, — перебил таксист тихим голосом. — Она за меня вступилась, и ей резко стало нехорошо. Хочу к себе отвезти. Разрешите?

— С чего это? — кажется, на том конце трубки прищурились.

— Ну... Ей явно одной пока лучше не оставаться, а вы вряд ли с ней всю ночь сидеть сможете — и меня в ее номер не пустите.

— И поэтому удумал к себе везти? Нормальный вообще?! — возмутилась собеседница.

— Катеньке правда лучше пока с присмотром. Я серьезно. В трубке помолчали.

— Вези уж, дурень. И помни — шаг влево, шаг вправо —

заругаю.

— Спасибо, тетя Юль.

Гудки.

Забавный он все-таки маньяк. Ответственный и против насилия...

Дальнейший путь она помнила плохо, поскольку засыпала и просыпалась буквально по щелчку. Мотор завелся, и они поехали. Мотор заглушили. Хлопали дверцы, Ромаш пытался о чем-то с ней поговорить, но сдался и просто понес на руках. Кажется, уронил ключи и чертыхнулся. Легко присел за ними и встал, словно и не держал взрослую женщину. Занес ее, уложил на что-то мягкое, не включая свет. Погладил по голове, куда-то отошел. Следующее воспоминание — она снова плачет, уткнувшись ему в ногу, а он сидит рядом и нежно приобнимает, как мама в детстве, — и снова даже Катина мнительность не смогла счесть эти объятия романтическими. Рядом с ней был друг, не пойми откуда и почему данный. Хороший человек, пусть и подозрительный по самые ушки. И добрый. Такой никогда сам драку не начнет.

Большие теплые руки все гладили и гладили по голове, успокаивая, и, всхлипывая все реже, Катенька постепенно проваливалась в сон, пытаясь уловить последнюю, самую важную мысль, спрятавшуюся где-то в глубине сознания.

Да, драку такой не начнет. Но и ее в ней не бросит.

Глава 5: (Ка)тень(ка)

Ладно, зря она на сны при высокой температуре гнала — все-таки поехавшая реальность до них недотягивала. Причем каждый день недотягивала, но прежде Катенька этого не помнила, а вот сейчас осознала.

Она очнулась посреди мертвой пустыни, которая одновременно — сознание, ау? причинно-следственные связи — не, не слышали? — была густым лесом. Темно, холодно, страшно. Вокруг все словно выжжено, валяются кости каких-то фантазмагорических существ, небо затянуто плотными свинцовыми тучами. В руке очередной куриный божок — господи, даже во сне от них не избавиться? Вдалеке — странное, изогнутое, иссохшее дерево, в корнях которого что-то блестит. Она пошла к нему просто потому, что надо было куда-то идти, и, добравшись, с удивлением обнаружила маленькую птичку, которая сидела там в подобии растительной клетки. Та жалобно посмотрела на Катеньку, чирикнув очень по-человечьи, и блеснула умными глазками. Дерево, будто почувствовав надежду своей пленницы, сжало корни сильнее, и та пискнула.

Сволочь растительная.

Катенька попыталась птичку высвободить, но дерево упорствовало, лишь ту же обвивая бедняжку, и внезапно девушка вспомнила — а ведь это повторялось каждую ночь.

Она тут руки дерет, разрывая корни, а они сжимаются крепче — и все. А нет, не все. Щас заголосит.

— Глупая девка! А ну не тронь!

Во. Как по нотам.

Она повернулась — ну да, «мама». Нечто, принявшее ее облик и уверенное, будто обмануть настолько легко: ну серьезно, подобные мимика и интонации настоящей матери свойственны не были никогда. Еще одна сволочь. Кажется, раньше Катенька поворачивалась к подделке и начинала спорить. Интересно зачем? Задачи переспорить сволочь нет, цель — помочь птичке.

— Не трогай, кому сказано!

Вариантов, кому сказано, конечно, не много, но обоснование так себе.

— Идиотка, только хуже сделаешь!

Ну сделаю и сделаю, че бухтеть-то?

— Тебя нигде не ждут!

Это да, стоит во время аврала в курилку зайти — и лица у всех перекашивает...

— Ты наша ошибка!

О, гляньте: как ошибка, так наша, общая. Удобно.

— Тебя никто не любит!

А это уже гадание на кофейной гуще пошло или еще нет?

— Я тебя ненавижу!

В целом в эмоцию вполне верилось, хоть подача и отдавала сериалами с регионального телеканала.

— Слушай меня, дура!

Ну да, ведь если на кого-то орать, он тебя сразу слушать начнет, а то как же.

— Тебе давно стоило просто исчезнуть и перестать трепать всем нервы!

Вот опять: психоз личный, а нервы общественные. Кое-кому неплохо бы над размытыми границами со специалистом поработать.

— Ты всю жизнь будешь одна!

Неприятно цепануло по сердцу, но ветерок — и откуда только взялся в затхлом подобии пустыни? — донес запах луга, напомнив о...

— Врет ведь, Ромаш?

— *Брешет как дышит*, — чирикнула птичка.

Уставившись на нее, Катенька вдруг поняла что-то очень важное, но совершенно необъяснимое. Она — птичка, но Ромаш — тоже. Она — снаружи и внутри, а он — везде. Она — может, а он — будет. И только сволочь на самом деле одна.

Кстати да.

Сволочь.

Перестав бороться с корнями, Катенька просунула в щель меж ними куриного бога, которого, оказывается, все это время сжимала в руке, и, выпрямившись, подошла к надрывающейся псевдоматери:

— Всем было бы лучше, если бы ты не родилась!

— В жопу иди, да? — спокойно буркнула девушка и по-

хлопала подделку по плечу. — И поскорее — сегодня в моих планах выпасться.

И так и сделала — а рухнувшее за ее спиной дерево и взмывшая ввысь птица если кому и помешали, то только сволочи.

Глаза, по ощущениям слипшиеся намертво, открылись с трудом. Было ярко, поэтому Катенька почти сразу снова зажмурилась и повторила свой подвиг только чуть погодя — и в разы медленнее. Она лежала на кровати в незнакомой светлой комнате, на боку, щекой на чем-то... м-м-м, непонятной конструкции, как будто подушка, но жестковатая и длинная, вытянутая, а рядом вторая, почему-то заканчивающаяся пальцами. А, так это ж нога! Чья нога? Не ее.

Гениально, Катенька. Холмс посрамлен.

Она судорожно сглотнула и поняла еще две вещи. Первая — что рот все это время был приоткрыт и на импровизированную «подушку» прилично натекло слюней. Вторая — что это нога Ромаша. Заметив ее шевеление, таксист отложил книжку, которую читал, и осторожно погладил по голове:

— Катенька, ты поспи еще, если хочется. А если страшно — скажи, сразу к тете Юле отвезу.

Она закрыла заплаканные глаза и открыла снова. Поспать — это хорошо. Но недостаточно.

— Воду принес, запечатанная, все как просила, дать? Еще поесть бы надо, но критерии безопасности у тебя очень уж жесткие, поэтому ягод набрал. Паковали их, конечно, без тебя, но промыть ведь лишний раз не проблема, да? Вот крыжовника три вида, актинидия, малина, смородина всякая, клубника, земляника, жимолость, барбарис, облепиха, виноград как вчера — будешь или за другими сбегать? Или, хочешь, при тебе что-нибудь приготовлю? Еще можем в ресторан сходить. Правда, только называется рестораном, так-то забегаловка забегаловкой, зато почти рядом.

Не без труда Катенька сфокусировала взгляд на столике неподалеку, буквально воплощавшем в себе голубую мечту любой варенье-закатывательной бабки: сплошные полулитровые стаканчики с ягодами разного цвета и формы. Интересно, где он их столько закупил и как донес? И что вообще такое «актинидия»?..

— Спасибо, — еле прошептала она сухими губами.

Да, поесть было бы неплохо, но на это ее пока не хватало. По ощущениям сейчас Катенька могла только лежать и смотреть в одну точку. Надо пересобратся. Еда, конечно, важна, но важнее...

— На ручки? — робко спросил Ромаш, раскрывая объятия.

Она кивнула, и буквально через минуту уже засыпала на

его плечо под медитативное поглаживание по голове. Подумать только, попала в постель самого красивого мужика на свете, а использует его в качестве подушки-обнимашки. Да уж, что бы сказала сейчас Алла Эдуардовна?.. И вдруг Катенька поняла что. Наверняка: «Поспи, Катеринушка, просто поспи счастливой», — и от этого опять захотелось плакать. Конечно, начальница маму не заменит — ее никто никогда не заменит, но и чужой Алла Эдуардовна быть перестала и, положив руку на сердце, довольно давно.

А Ромаш? Ромаш свой?

«Ну по крайней мере парень он хороший, — выдало сознание. — Пусть и жестковатый», — после чего Катенька опять отключилась — на этот раз без снов.

В следующее пробуждение кое-что изменилось. Определенно стало светлее, но что важнее — интереснее, и интересовало Екатерину многое: сколько сейчас времени? Когда она в последний раз мылась? С фи́га ли позволяет себе спать на таксисте? Какого черта вообще происходит — и, кстати, что там было насчет еды? Зашевелившись, резко села и чуть не свалилась с кровати — та оказалась довольно узкой, явно одноместная. Не ожидавший такой прыти Ромаш успел подхватить буквально в последний момент:

— Катенька, ты как?

— Будто фура сбила, — пробурчала та, пытаясь размять отекавшее лицо. — Блин, все липкое. И сволочь еще эта...

— Какая сволочь?

Легко ему говорить — пролез в чужие мысли, взбаламутил душу и типа не при делах. Ох уж эти сердечные зазнобы, им только дай волю, вообще из снов не выгонишь...

«Сплю на новом месте, приснишь жених невесте» — мгновенно всплыла в памяти присказка, которую мама, смеясь, повторяла, пока Катюха была маленькой. А потом всплыло кое-что более неожиданное.

— Судак! Блин блинский, ну конечно! Судак-раз-его-туда! Телефон! Телефон мой где?

— Не знаю, в сумочке, наверное?..

— А сумочка?

Ромаш быстро принес ту с кресла неподалеку, и, покопавшись в ней, Екатерина победоносно достала смартфон, открыла карты и разве что не рассмеялась от облегчения, оседая обратно на кровать:

— Вижу! Я вижу улицы, прикинь! И помню! И ресторан этот на чертовой набережной, у меня их ризотто уже поперек горла. Далеко мы от моего отеля?

— Меньше десяти километров, — радостно заулыбался Ромаш.

— И я как вменяемая, ничего себе. Что ты сделал?

— Дал тебе поспать? — развел тот руками.

— А говорил, врать не умеешь, — прищурилась Катюха.

— Дал поспать и позволил себе немного о тебе позаботиться, — поправился таксист, по-прежнему не вдаваясь в подробности. — А сейчас — очень хотел бы, чтоб ты еще и поела, Катенька. Сможешь?

Выгнув бровь — глупости какие, зачем есть, если можно немедленно стартовать на поиски, — Екатерина все-таки скосила взгляд на часы в углу экрана смартфона. Полпятого. Нормально так выпалась... То ли прочитав, то ли угадав ее мысли, Ромаш принялся уговаривать:

— Даже если мы прямо сейчас выедем, все равно до темноты времени почти не останется. Может, лучше восстановишься до конца, и завтра со свежими силами в путь?

Звучало разумно, но по традиции хотелось перечить. Попытавшись гордо вскочить на ноги, Катюха пошатнулась и в очередной раз была аккуратно подхвачена и осторожно усажена обратно. Ладно, возможно, сегодня и вправду стоит чуть-чуть притормозить.

— Тогда завтра в девять? А сейчас отвезешь меня к Юлии?

— Если хочешь — отвезу, конечно, но, может, ты сначала хотя бы поешь и чуть в себя придешь? Прости, пожалуйста, но в таком состоянии лестницу на второй этаж вряд ли осилишь. Понимаю, не любишь, но, может, все-таки потихоньку?..

В этих словах правда тоже имелась: покуда дух Екатери-

ны рвался на подвиги, тело в ультимативной форме требовало полежать еще хотя бы пять годиков. Проблема крылась в том, что...

— Я голодная.

— Есть ягоды, могу приготовить что-то при тебе, если позволишь, или доведу до ресторанчика — выбирай, — кивнул Ромаш.

— И помыться. Мне очень надо помыться.

— Ванная, бойлер, полотенца — все к твоим услугам. Шампунь с гелем разве что без изысков, но в остальном — полный набор.

Поскольку сама Катюха, понадеявшись на забронированный ранее отель, наивно не прихватила с собой никаких гигиенических средств и довольствовалась ныне чем-то глубоко паленым за сто пятьдесят рублей — не хозяйственное мыло, и то хлеб, — звучало скорее как повышение люксовости.

— Но сменной одежды по понятным причинам у меня с собой нет.

— Так я что-нибудь из своего дам, а твою мы пока в машинке простирнем. Что скажешь?

— Сосиски.

— Что, прости?

— Сосиски с яйцом пожарить можешь? От ягод не отказываюсь, но сперва хочется чего-нибудь жареного, вредного и...

— Поскорее?

— ДА!

Ромаш расцвел, словно в лотерею выиграл. Видимо, накормить ее было чем-то принципиальным.

— Так, я в магаз, а ты, пожалуйста, пока не вставай, хорошо? Буквально две минуточки подожди, а то еще навернешься... — он вскинул руки будто укротитель тигров, пытающийся успокоить разбушевавшегося подопечного.

Кажется, некую репутацию она уже заработала.

— Может, наоборот, ополоснусь, пока ты ходишь?

— Давай сначала хотя бы стоять сама начнешь? Я правда очень быстро, обещаю.

Звучало до обидного здраво, и Катюха кивнула. Ромаш не наврал — пулей метнулся к двери, ойкнул, кинул ей ключи и, не заперев, побежал наружу. Спасибо, конечно, но, кажется, пришла пора все-таки ослабить гайки: довела парня, добровольно ей ключи от собственной квартиры отдал, лишь бы не подумала, будто он ее с какими-то дурными намерениями удерживает. Спокойно ждать шло в противовес внутренней готовности на подвиги, и стремление срочно броситься делать хоть что-то Екатерина попыталась заглушить внимательным изучением комнаты. Постельное белье — обычное белое, после номера у Юлии она и забыла, что такое бывает. Обстановка скромная и староватая, как из позднего СССР — допотопный квадратный телевизор заботливо накрыт ажурной салфеточкой, к нему через кучу переходников подключен дивиди-проигрыватель, все это установлено в гарниту-

ре, буквально всем своим видом кричащем, с каким трудом его в свое время доставали. На полках — потрепанные пыльные книги с пожелтевшими страницами, повсюду расставлена куча цветов в горшках, в углу — кадка с пальмой. Чисто, просто, бедновато, но мило. Если честно, ожидала другого. Ну, такой парень — а комната как у героини корейско-советской драмы об отношениях. О, в серванте среди хрусталя фоточка чья-то...

В полном соответствии с прогнозом Ромаша привстать с кровати оказалось непросто, но на выручку пришел умница-смартфон: наведя камеру и приблизив увеличением, Катюха уставилась на результат. Какой-то мужик, фото черно-белое, явно старое — отец, дед, еще какой родственник? На самого таксиста, правда, не особо похож, но мало ли... Кстати, может, тот вообще снимает и это — вещи хозяев, а она уже губу раскатала и к построению скоропостижных эмоциональных портретов приступила?

У двери послышались торопливые шаги, небольшая заминка — и неуверенный стук. Ромаш сейчас на полном серьезе просит у нее разрешения войти в собственный дом? Крикнув — хрипло, но уж как вышло, — Екатерина в очередной раз оценила его старательность: для просто сосисок с яйцами два набитых пакета выглядели перебором. Перехватив ее недоуменный взгляд, таксист пояснил:

— Просто у меня в холодильнике обычно шаром покати, а тебе хорошенько покушать надо... Вот, лимонада «Крым-

ского» заодно взял, будешь?

— Потом — буду, — кивнула она и, опомнившись, добавила: — Спасибо.

— Да мне только в радость, — опять не пойми с чего расцвел Ромаш. — Пойдешь на кухню следить, как готовлю?

Катюха вздохнула:

— Полагаю, с этого момента мы можем чуть снизить градус паранойи: пока я тут в отключке валялась, ты меня уже раз шесть на органы продать мог.

— А че, много дадут? — ляпнул он и упреждающе вскинул руки. — Катенька, да я же просто шучу! Положи подушку на место, она тяжелая!

Хмыкнув, Екатерина сдалась и откинулась обратно, а таксист деловито прошел на кухню и принялся там возиться, издавая естественные, но чрезмерно пробуждающие аппетит звуки: позвякивание посуды, шипение масла на сковородке, хруст скорлупы... Запахло яичницей, и Катюха поняла — сиди она рядом с Ромашем, уже бы с вилкой и ножом на того накинута. С кухни донеслось:

— Чайку заварить?

— Ага. Будет супер.

Слушая, как шкварчат сосиски и как закипает вода, Екатерина чувствовала страстное желание расширить список запрещенных конвенцией ООН пыток. Но вот активная фаза готовки завершилась, и Ромаш внес в комнату жестяной советский поднос — черненький такой, с росписью по дну. На

нем — тарелка залитых яйцом мелко нарезанных на кругляши сосисок, кружка с чаем, приборы, сахарница, салфетки... Почти завтрак в постель, ну или, учитывая время, полдник. Катюха попыталась сесть поудобнее, и таксист ненадолго освободил руки, помог ей устроиться, затолкав под спину подушку, а после, положив на колени еще одну, разместил поднос уже там — оказалось довольно удобно. На еду она накинулась жадно, обжигаясь и забывая хотя бы подуть, и Ромаш снова забеспокоился:

— Катенька, ешь помедленней, я ж еще сделаю...

— Нофмавно, — прочавкала та в ответ. — Хвба неф?

— Купил! Секунду! — метнулся обратно на кухню таксист и вернулся с нарезанным на тонкие ломти свежим батоном.

Ну, это он молодец, конечно: самой Катюхе концепт умеренности в данный момент оказался несвойственен, и смолола она все подчистую, после чего Ромаш быстренько унес поднос и выжидающе присел на краешек кровати. Потихоньку становилось лучше — надо было закрепить.

— Стиралка у тебя есть, супер. А сушилка?

— Если ты о своей одежде, то я ее на веревки во дворе повешу, к утру высохнет, — охотно пояснил таксист.

О как, к утру.

— А в чем тогда я...

— Могу, как и обещал, тебя в своей одежде к тете Юле вернуть, а с утра все завезу, — поспешно отпрапортовал тот,

кажется, продумав и этот момент. — А можешь на ночь остаться, тогда завтра на поиски сразу отсюда поедem — тоже без проблем.

Идея провести у Ромаша вторую ночь подряд звучала чертовски приятно, а потому Екатерина чуть было на автомате от нее не отказалась, но поймала себя на этой мысли и буквально зависла. А, собственно, почему нет? Потому что он красивый? Потому что тут нет муравьев, ей готовят и о ней заботятся? Потому что бездонные голубые глаза так жадно ловят каждый жест, будто от нее зависит судьба вселенной? Даже если все это не по-настоящему — зачем обязательно страдать?

«О тебе никто никогда не будет просто так заботиться!» — завопило в голове, и Катюха на автомате ответила:

— Захлопнись, сволочь.

Таксист ничего не понял, но рот закрыл, а Екатерина поспешно бросилась извиняться:

— Прости, я не тебе. В смысле, не кому-то другому, а... Просто забей, хорошо? У меня была тяжелая ночь и слишком много мыслей после.

— Ага, понял. Так бывает, — мягко улыбнулся Ромаш. — В итоге как поступим — к тете Юле тебя вечером или у меня останешься?

«У него одна-единственная узкая кровать», — напомнило сознание.

«Зато пола — завались», — мысленно парировала Катюха

и, прищурившись, задала более насущный вопрос:
— Слушай, а фен найдется?

Фен нашелся — тоже старенький, но рабочий, и именно им после ванны с пеной — ничего себе «без изысков», в ее номере только душевая кабинка имелась! — Екатерина высушила сначала волосы, а после — быстро постиранное в раковине нижнее белье. Перекус помог: по крайней мере больше не шатало, и с задачей попасть ногами в выданные Ромашем шорты она справилась, пусть и не без пит-стопа: хоть и казались мешковатыми, а в бедрах пролезла еле-еле — что ж, гендерные различия, будем знакомы. Зато футболка, напротив, была достаточно большой, чтобы прикрыть те части, которые шорты пытались подчеркнуть. Убедившись, что сесть в них сможет, а в зеркале отражается если не отдохнувшая, то уже хотя бы в разы менее грязная версия, Екатерина щелкнула задвижкой в ванной и открыла дверь. На кухне жужжало и стучало — либо Ромаш пытался снести одну из несущих стен, либо стиральная машинка была не сильно новее остальной техники. Сам таксист нашелся в спальне, она же гостиная, она же единственная жилая комната, — за перестиланием постели.

— Подумал освежить — в чистом тебе и спать лучше

будет, так ведь?

Катюха безмерно обрадовалась перспективе снова лечь на нормальную кровать с однотонным бельем без безумных цветочков, а потому главная мысль добралась до ее сознания только спустя какое-то время:

— А ты куда?

— Возьму запасное одеяло и на пол, не волнуйся, — радостно поделился Ромаш, кивнув на кресло со скрученным на нем свертком. — Читал, для спины полезно. Ты, главное, сегодня прям хорошенько выпишься, лады? Явно идет на пользу.

— Ничто так не идет на пользу, как НДФЛ в 22%, — хмыкнув, пошутила Катюха, но фраза предсказуемо ушла в молоко, и продолжила она уже серьезнее: — Спасибо, попробую. Но, если честно, пока вообще не хочется.

— Оно и понятно, ты ж, считай, только встала. Кстати, — кивнул таксист на стол с ягодами, — не забудь. А еще, — теперь он взглядом указал на небольшой предмет, лежащий около ее сумочки. — Это было во внутреннем кармане юбки.

О, а вот и заточка. Хорошо, что Ромаш ее нашел, а то стиралке сейчас было бы весело...

Тот продолжил:

— Знал, конечно, что ты не шутишь, но, если честно, правда не ожидал.

— Я... не всегда такая, — только и смогла выдавить из себя Екатерина.

— Как будто это что-то плохое, — пожал таксист плечами, натягивая простынь на резинке. — Ты, если страшно, сама на страх прешь, а я в сторонку отхожу. Бывает, это помогает, но чаще — смотрю на таких, как ты, с завистью. Я так не умею. Поддержать — да, легко, а самому...

— Ты просто не туда боишься.

— Это как?

— Ты боишься страха. А я боюсь бояться, только и всего. Заправлявший пододеяльник Ромаш завис, и Катюха попыталась объяснить:

— Сам факт страха еще не означает, что ты в опасности, понимаешь? Как и опасность не значит, что ты уязвим. Я очень много боюсь, но не позволяю страху управлять моей жизнью, — тут она осеклась. — Обычно не позволяю, но иногда эта сволочь отлично маскируется. К примеру, я думала, будто больше всего не хочу оказаться, ну... ребенком курортного романа, которого никто не ждал и не хотел. Мама, конечно, меня оставила, но вдруг пыталась этим вернуть отца, а тот ни в какую? А на самом деле мне, как выяснилось, на это плевать, а по-настоящему пугает быть одной — настолько, что даже мысль об этом страхе отбрасывалась, и он реально сделал меня одинокой — пока не появился ты. Непросто все это, в общем, понимаю как никто.

Покивав, таксист застелил наконец постель, накинул сверху покрывало и, сев на кровать, похлопал место по соседству. После того, как она плюхнулась рядом, спросил:

— Предположим, я чего-то очень боюсь. Что ты бы посоветовала?

— Тебе не понравится.

— А все же?

— Ну... Каждое действие в нужном направлении будет уменьшать страх, но для этого придется пусть и понемногу, но двигаться в пугающую сторону. Это как с прививками — бывает одна на всю жизнь, какие-то поставил пару раз и больше не паришься, а некоторые надо обновлять каждый год — иначе защита исчезнет.

— Глаза боятся, а руки делают?

— Оно самое, — кивнула она, но не смогла удержаться и добавила: — Правда, про себя я чаще говорю «глаза боятся, а руки — крюки», потому что от страха получается обычно не ахти. Но ведь сделать и пожалеть лучше, чем не сделать и пожалеть, да?

Ромаш задумчиво кивнул и внимательно на нее уставился. Екатерина уставилась в ответ, решив насмотреться на его красоту, пока дают. Таксист, видимо, интерпретировал это по-своему, поскольку после продолжительных гляделок нагнулся к ней с закрытыми глазами и приоткрытым ртом. Катюха-Холмс и здесь не подвела:

— Что-то случилось?

— Да. Я хотел бы тебя поцеловать, — мягко отозвался тот, не отстраняясь и глаз не открывая.

— Ого. А зачем?

А вот тут все-таки сдался и выпрямился обратно.

— А какая, по-твоему, может быть причина?

— Вообще ни одной придумать не могу — потому и спрашиваю, — к собственному шоку на голубом глазу выдавала Екатерина.

Раньше она в лучшем случае бы нагрубила, максимально оттолкнув и еще сверху добавив, чтоб даже не пытался, — ведь если нравящийся тебе человек проявляет знаки внимания, значит, ты уязвима. Но теперь какая-то часть в ней то ли изменилась, то ли наконец-то заткнулась, и вперед вылезло новое и доселе Катюхе не свойственное — желание понять человека прежде, чем в ужасе бить его по голове.

— Тебе не хочется?

— Еще как хочется! — опять без заминки выпалила та слова, по первоначальному плану уносимые с собой в могилу, после чего, видимо, решила себя же и добить: — Только я тебя пока боюсь.

Судя по лицу Ромаша, его это тоже добило.

— Но сегодня мы буквально спали вместе...

— Да, и это было супер — ну, мне супер, тебе, возможно, не очень, — но тогда от меня почти ничего не оставалось, а здесь и сейчас я снова есть и теперь боюсь по новой, вот, — как могла пояснила она и, чуть подумав, добавила: — Только это другое «боюсь». Раньше боялась, что причинишь мне вред, а сейчас — что усядусь на твою шею быстрее, чем вспомню, как ходить, и в итоге окончательно разучусь это

делать. В общем, если я по-настоящему хочу быть с кем-то, мне сначала надо убедиться, что и без кого-то я тоже могу быть. Думаю, тут как с кислородной маской: сперва отношения нужно построить с собой и только потом — с окружающими.

Молчание все-таки повисло, но не злобещее, а принимающее, после чего Ромаш робко улыбнулся:

— Спасибо, что объяснила. Кажется, понимаю: тетя Юлия меня часто ругает, мол, лезу к людям вообще без раздумий и этим их пугаю, а ты прямо говоришь — нужно помедленнее. Хорошо, давай помедленнее. Могу я остаться рядом и подождать твоего решения?

— А ты только поцеловать меня боялся или чего-то другого?

Екатерина и сама не поняла, как всплыл этот вопрос, но внезапно он показался максимально уместным. Зачем-то же Ромаш все это делает?

— Как ты и советовала, решил начать с малого. А боюсь... Что в любой момент отстранишься и дальше, как и сказала, все сама — и только сама, — отвел взгляд таксист. — Не, за тебя порадуюсь, конечно, — сильная, умная, как не радоваться? — но мне будет одиноко и горько. Понимаешь, я, наверно, очень легко привязываюсь, а вот отвязываюсь уже не очень. Все уезжают, а я остаюсь — как-то так.

«Деньги сосет, а в руки не дается», да? А ведь это с первого дня не слишком-то походило на Ромаша.

— Поэтому Юлия пытается от тебя девушек отпугивать? Бережет твои чувства?

— Может быть. Если она тебе чего наговорила, ты на нее не злишь, пожалуйста: тетя Юля часто другим помогает, а помощь ведь, ну... порой как лекарство горькое. Сам пару раз на нее дулся, а потом дошло. Она хорошая, просто своеобразная.

— Ага, понимаю. Ты тоже хороший, Ромаш, — настолько, что в это не верится.

— Но поцелуй все равно потом, да? — хитро улыбнулся тот.

— Считай, я наконец-то сдалась и перешла в лагерь «потихоньку», — хмыкнула она. — Но ты мне правда очень-очень нравишься. Осталось только к такой себе привыкнуть.

— Ты мне тоже, Катенька. И знаешь, ведь верно сказала — даже если решишь, что я совсем не тот, кто тебе нужен, это и вправду и вполтину не так страшно, как вообще не попытаться об этом узнать.

Сердце сделало радостный «бреньк», и мысленно Катюха на него шикнула: не смей портить момент и не мешай любоваться Ромашем. Тот продолжил уже по-деловому, вставая:

— Значит, побуду твоим водителем еще немного — пока не скажешь обратное, да?

— Надеюсь, и другом тоже.

— Ну от этого тебе точно не сбежать, — заулыбался он. — Насчет ягод как, не надумала?

— А давай! — мгновенно включилась Екатерина, почувствовав внезапный приступ голода: видимо в пылу влюбленности поздний завтрак сгорел без остатка. — И, если можно, начнем с актинидии — чем бы это ни было...

Актинидия оказалась мягкой зеленой ягодой, похожей на смесь лысого киви и винограда, очень вкусной, но точно не попадавшей ей раньше даже на полках «Азбуки вкуса». Пока Екатерина по-деловому наяривала ее из стаканчика и присматривалась к малине, Ромаш успел и часы с телефоном на зарядку поставить, и лимонада в стакан со льдом налить и принести, и расположиться на полу перед ней, по чуть-чуть подъедая крыжовник. После малины предложил посмотреть что-нибудь и вытащил из-под кровати целую коробку старых, явно самопальных дивидишек, среди которых Катюха не без ликования обнаружила «Гордость и предубеждение» в формате сериала BBC и немедленно настояла посмотреть его залпом. Так и поступили, и последующие пять часов Екатерина провела на кровати в полуобнимку с Ромашем — все-таки узковато для двоих, — но ее все более чем устраивало: она сидела в его футболке, пила холодный лимонад, счастливо трепалась о каких-то глупостях и ей было хо-ро-шо. Целоваться или тем более лапать ее таксист после откровенного разговора не пытался, но что-то неуловимое все равно изменилось — и в лучшую сторону: они с Ромашем будто перестали бояться лишний раз прикоснуться друг к другу, и часть времени Катюха провела то на его коленях, а то и во-

все на плече под ненавязчивое поглаживание, словно шепчущее: «Я рядом; что бы ни случилось, — с тобой, тут». После одиннадцати снова начало клонить в сон и последние полчаса Екатерина досматривала на кровати уже в одиночку — таксист заметил усталость гостьи и настоял ее уложить, а сам по-пуритански сел на пол. К моменту, когда все положенные сюжетом парочки радостно переженились, Катюха могла думать только о том, что недостаточно лежит, а потому вопрос выключившего проигрыватель и убравшего дивиди на место Ромаша застал ее врасплох:

— А в лоб можно?

— М-м-м?

— Целовать в губы пока рано, я понял. А в лоб на ночь — тоже нельзя? Это вроде в разы невинней. Даже почти по-дружески, нет? — покосился он на нее.

— Не могу сказать. Я не то что с друзьями, и с мамой-то такого не делала, — оторопела Екатерина.

— Понимаю. Если честно, идея пришла в голову недавно, вот и решил, как положено представителю столь нелюбимого тобой крымского сервиса, поторговаться. Попробуем маленькую прививку перед настоящим поцелуем?

Она хмыкнула:

— А ты хитер. Ну хорошо, ляжешь — чмокну, устроит?

Ромаш улыбнулся шире:

— Вообще-то я сам хотел: собираюсь еще почитать, а ты, кажется, вот-вот уснешь.

Тут он был прав — судя по ощущениям, сознание вовсю мчало на экспрессе в царство Морфея, так что Катюхе оставалось только кивнуть:

— Хорошо. Правда, я уже выключаюсь, так что романтики не жди.

— И не думал: помню все, что ты сказала, не волнуйся. Спасибо — и сладких снов, — мягко улыбнулся он, подойдя к занятой гостьей кровати и легонько коснувшись губами лба Екатерины.

Врать не станем: тут ее сердце ненадолго сбойнуло, но даже всевидящий автор затрудняется сказать, стал ли причиной тому сам поцелуй или же выбившаяся из-под рубашки таксиста цепочка, на которой буднично и в то же время красноречиво болтался подобранный на пляже и подаренный ему куриный бог.

Глава 6: (Пред)история

Теперь она хоть и проснулась по будильнику, но не первому: часы жалобно вибрировали, намекая, что на второй и далее по Данте круги их уже не раз отправляли, и просили пощады. Показывали при этом почти девять — ого, давненько такого не было. Екатерина попыталась вспомнить сны и удовлетворенно кивнула: никакой сволочи, даже рабочие эксельки не почтили визитом, в сознании только обрывки грез о пикнике с Ромашем на теплой солнечной полянке. К сожалению, даже в фантазиях обошлось без пошлостей — мило пощебетали о чем-то, поулыбались друг другу и все, эх. Видимо, сначала придется сделать первый шаг в реальной жизни... Самого таксиста в комнате не обнаружилось, зато на прикроватной тумбочке, по виду прибывшей сюда, как и вся остальная мебель, из глубокого СССР, ее ждал термостакан с кофе.

Ладно, вот это уже пахнет чаевыми.

Отхлебнув, Катюха расплылась было в уюте, но быстро опомнилась и постаралась вернуться к стандартному распорядку: время зарядки, а то и так вчера пропустила. К счастью, за сутки недомогание полностью покинуло, больше не шатало и не вело, но, как водится по закону подлости, закончить упражнения до возвращения Ромаша она не успела — во время последнего дверь тихонько открылась, и таксист

застыл прямо перед ней, явно заинтригованный. В голове Екатерины, уставившейся на его ноги в привычных шлепках, мелькнула только одна мысль: господи, ну стопы-то, стопы как могут быть красивыми?

— Мелочь закатилась? — участливо поинтересовался Ромаш откуда-то сверху.

— Отжимаюсь, — выдавила через зубы Катюха, заканчивая подход, и, вспомнив его рельефный пресс, виденный на пляже, не могла не спросить: — Сам-то для поддержания формы разве не качаешься?

— Да нет. А надо?

«М-да уж, нельзя тебе в модельный бизнес, — мрачно подумала она. — Придушат». Вслух же сказала:

— Могу только позавидовать. Тогда сейчас умоюсь — и в путь? Кстати, спасибо за кофе. Сколько с меня?

И тут до Екатерины Тавровны дошло: а когда она вообще в последний раз ему платила?

— Так, Ромаш, стоп. Что насчет денег?

— Ну, с ними да, крутиться придется, — глухо буркнул тот. — Пока у меня без шанса зарабатывать так, чтоб тебе хоть немного соответствовать.

— Что? О боже, нет. Я про поездки. Ты давно не упоминал, а я несколько выпала из реальности, сам видел... В общем, сколько я должна?

Таксист хмыкнул и — она аж опешила от неожиданности — легонько щелкнул ее по носу!

— В жизни не возьму ни копейки за то, что любимая женщина позволяет быть с ней рядом.

— Ты совсем того? — уставилась на него Катюха.

— Да, — улыбка вышла немного грустной, но глаза блистали упертостью. — Категорически и абсолютно именно того, без вариантов.

Повисло довольно неловкое молчание.

— Ромаш, я...

— Пока ничего не решила — помню, все хорошо, Катенька. Для тебя я сейчас просто водитель, правила озвучены, готов под ними подписаться, — кивнул тот, после чего взял ее руку в свои и прижал к груди. — Но и себя-то совсем выкорчевать не могу, понимаешь? Я тоже живой — и тоже с принципами.

— Послушай, мне неуютно брать, когда не знаю, смогу ли отдать... — начала было та и осеклась, но Ромаш продолжил:

— ...и захочешь ли? Тогда если сильно противно — скажи, постараюсь себя пересилить. Но если терпимо — буду благодарен, если позволишь о тебе позаботиться. Знаешь, как будто у меня надежда есть...

— Конечно, есть! — выпалила Екатерина. — Но в любом случае вот так вот пользоваться чьей-то благосклонностью нехорошо.

— А тут не любой случай, а наш — только твой и мой. Катенька, я все еще таксист из села — и помню об этом: в нормальной ситуации ты бы на меня даже не посмотрела, о том,

что здесь в последние два дня происходило, вообще молчу. Поэтому благодарен, безумно — и не хочу отходить ни на шаг, пока позволяешь быть рядом. Но и воспользоваться моментом твоей слабости тоже не хочу. Что угодно, лишь бы ты потом не жалела: этого я себе не прощу.

Внутри шевельнулась догадка — странная и дикая:

— Мне кажется или ты боишься, что для меня все это — лишь приключение?

— Хуже, Катенька, гораздо хуже — почти уверен, что так оно и есть.

Он продолжал улыбаться, держа ее руку возле сердца, но голубые глаза чуть покраснели, и пару секунд спустя внезапно обнял, вцепившись, будто прощаясь, и фальши она не почувствовала — только горе, какую-то необъятную тоску, будто у него и вправду вот-вот заберут единственное имевшее значение в жизни. Господи, ну что за дурачок, право слово... Они простояли обнявшись какое-то время, а Екатерина все гадала, мог ли и вправду настолько влюбиться в нее такой преданный человек — и откуда ему вообще взяться в месте, где курортные романы разгораются по щелчку? Через несколько минут, успокоившись, Ромаш отстранился — глаза все еще красноватые, но вид сосредоточенный.

— Прости, больше не повторится.

— Все хорошо, — настал и ее черед успокаивать. — Я живая, ты живой — сойдемся на этом, да?

— Договорились.

— А когда найдем моего отца и разберемся с ним — сядем разбираться уже друг с другом, обещаю.

— Спасибо, — снова грустно улыбнулся он, словно...

— Почему ты так уверен, что в итоге я тебя покину?

Таксист помолчал немного, потом нежно коснулся ее руки губами — и отпустил.

— Потому что иное практически невозможно — но я изо всех сил стараюсь это игнорировать.

Сегодняшняя поездка отличалась от предыдущих примерно как полет в частном джете от плацкарта Москва — Воркута. Умывшись и быстро перекусив в ресторане неподалеку от дома Ромаша — не наврал, реально выглядел как забегаловка, они даже сидели на каких-то ящиках, зато морепродукты оказались свежими и вкусными, а владелец либо страдал нервным тиком, либо поставил целью жизни ей обподмигиваться, — наглядно иллюстрирующая статус в отношениях «все сложно» компания выехала в Судак, и на этот раз Екатерина оставалась в сознании не только во время пути, но и после того, как миновала заветную табличку на въезде. Все буквы — названия улиц, остановок, вывески — располагались на положенных им местах и были читаемы, а окружающая обстановка, к глубочайшему шоку Катюхи, в

кои-то веки узнавалась. Вот автостанция — сюда они с мамой стабильно приезжали по пути к отцу, но уезжали к нему точно не на рейсовом автобусе, нет — попутки ловили. Вот набережная — да, много гуляли, но искать надо не здесь. О, развалины крепости — помнит; ничего себе, какие дорогие нынче билеты, слава богу, им не сюда!

Ромаш шел за ней, тихонько улыбаясь чему-то своему, и в целом прогулка даже самую малость смахивала на свидание, разве что за руки они из-за жары не держались, хоть таксист и предлагал. Правда, иногда, когда того требовали обстоятельства — помочь ей перелезть через очередные дорожные работы или выдернуть из-под колес внезапно выскочившего на пути лихача, — все-таки брались, и в такие моменты сердце Екатерины делало странные кульбиты, а сама парочка, неловко краснея, ходила так еще пару минут, прежде чем разжать руки. И несмотря на это Ромаш упорно не верит, что по итогу она выберет его? Серьезно? То есть как самому влюбиться, так плевать, что Катюха потеет как в бане и ноги с подмышками уже пару недель не брила, а как поверить, что в него — дудки? Да почему? Что вообще в Ромаше способно отвлечь?

«То, о чем ты пока не знаешь, — всплыло внезапно в голове. — Но парень он честный и обязательно все расскажет до того, как придется делать выбор». Бр-р-р, ну и мысли. Однако, мельком глянув на таксиста, Екатерина не стала так уж легко от них отмахиваться — его определенно что-то тяго-

тило. Ладно, а кто без скелетов в шкафу? У самой вон, то ли батя, а то ли виденье...

Тут она остановилась как вкопанная и уставилась на уходящую вверх дорогу.

— Катенька? — заволновался Ромаш.

«Он всегда так мило беспокоится», — отметила Катюха какой-то малой толикой сознания, пока большая часть личности буравила взглядом улицу. Наверное, сейчас она наводила жути, но озарение пришло так внезапно и ярко, что на поддержание нейтрального выражения лица сил уже не осталось.

— Здесь, — объяснила она как могла, но не встретив понимания, попыталась подробнее. — Вроде вспомнила. Вот отсюда — налево. Точно, налево. Что там?

— Пара смотровых площадок, горы и несколько деревень... — задумчиво перечислил таксист.

— Машина проедет?

— Вполне — в этом сезоне даже возил пару раз.

— Тогда давай попробуем туда сунуться. Кажется, я наконец что-то нащупала.

Он опять улыбнулся, и они побрели обратно в сторону брошенной на парковке у Кипарисовой аллеи машины. Шли не спеша, словно растягивая время, и в какой-то момент Ромаш взял ее за руку уже просто так, без острой на то необходимости. Екатерина покосилась — влюбленный взгляд был ей ответом. Неморгающий и долгий, такой, что аж сердце

сжалось.

— Хочешь что-то сказать?

— Ничего особенного, — спокойно отозвался таксист, но глаз не отвел. — Просто в очередной раз подумал, какая ты замечательная. Собранная, четкая — прям камень из рогатки.

— Если это был подкат, то над ним стоит еще поработать, — хмыкнула Катюха.

— Не могу, — он полушутя развел руками, после чего указал на цепочку с куриным богом. — Ведь камушек уже попал в мое сердце и разбил его на тысячу осколков.

— Главное не сбейся при пересчете, — парировала она, садясь в машину.

Несмотря на работающий кондей, она продолжала зверски потеть: уже знакомые желтые разводы то тут, то там проступали на футболке и явно планировали отпечататься и на обивке сиденья.

— Если что, мойку салона оплачу, не вопрос, — попыталась перевести тему Екатерина, но таксист лишь плечами пожал, поглядывая в зеркала и выруливая на трассу:

— Можно подумать, я дам кому-то сделать вид, будто тебя тут не было.

— Ромаш, речь о пятнах.

— Катенька, для меня — о памяти.

Она нахмурилась. Нет, серьезно, что происходит? Вчера вроде во всем разобрались, почему он их отношения так

упорно хоронит? В манипуляцию не верилось — слишком уж не в стиле Ромаша, походу и вправду почему-то готовится расстаться. Обдумал все еще раз и понял, что овчинка выделки не стоит? Ага, то-то так преданно смотрит в глаза и старается быть как можно ближе. Успел чем-то загнаться? Вот уж точно.

— Мне кажется или твой страх усилился?

Таксист вздохнул — и кивнул.

— До безумия, Катенька. Пока ты ночью спала, я много думал — и не смог представить расклад, при котором у нас получится остаться вместе. И так вертел, и этак, но все равно выходит, мол, еще с недельку у нас погостишь — и домой, а я тебе ни к селу ни к городу... В итоге и хотел бы, но не могу из головы прогнать. Очень не хочу прощаться.

— И поэтому делаешь это сильно заранее?

— Скорее, пытаюсь с этим чувством смириться, пройти его до конца, чтобы в нужный момент отпустить. Пока не выходит, совсем. Как представляю, что ты уезжаешь, — душу выворачивает, аж кричать хочется.

В чем-то она его понимала — удивительное ощущение, будто нашла наконец того самого человека, засело глубоко в душе, нашептывая, что счастье-то вот оно, надо брать. На Ромаша хотелось не просто смотреть, вместе с ним хотелось жить. Готовить яичницу — чуть более ЗОЖную и обязательно с использованием дурацких формочек с «АлиЭкспресса». Чмокать в щеку, уходя на работу, слоняться вдвоем по тор-

говому центру в ожидании киносеанса, смеясь, выбирать из дурацких имен для ребенка самое нелепое, тянуть короткую спичку, кто в этот раз попрется на родительское собрание... Банальная похоть тут и рядом не стояла: с Ромашем мир наконец-то превратился в место, где можно не превозмогать, а быть — временами даже счастливой.

Если не сегодня-завтра, так в ближайшие пару дней они наконец найдут ее отца, а потом... Потом она включит Екатерину Тавровну: выпытает у таксиста подробности работы и жизни, предложит варианты переезда, если откажется — вместе сядут и проговорят, когда и на сколько она сможет к нему приезжать, может быть, график сменит на гибридный — тут хоть вне отелей и перебои со связью, но домашний-то интернет работает, разберутся. Не обязательно ведь именно ему все бросать, мчаться черт знает куда и зависеть от чужих прихотей, они смогут — она верила, смогут — найти способ наладить быт так, чтобы обоим было комфортно и хорошо. В конце концов, он не единственный, кто готов позаботиться о своей второй половинке. А жара, насекомые и сервис... Пожалуй, к ним проще привыкнуть, чем к отсутствию поцелуя в лоб на ночь. Нет, конечно, она ничего пока не решила, но твердо поняла главное — любое «ничего» дальше будет с Ромашем и с ним одним. Надо только сперва с отцом разобраться. Даже не так — просто узнать о себе пропущенные главы и понять, во что втягивает другого...

— Тут направо же, да?

Катюха вынырнула из мыслей о будущем и уставилась на дорогу — знакомая до боли развилка, разве что деревья стали повыше, а трава пониже. Им налево — вспомнила, будто только вчера с мамой проезжали. Потом пара минут по прямой и через несколько поворотов по безлюдным улочкам к самому дальнему домику у леса — до отца оставался буквально шаг.

А еще, по ощущениям, до Ромаша — будто целая вечность.

Машин сзади не было, но, на всякий случай проверив, Екатерина глухо сказала:

— Давай сначала на обочину. Кажется, меня накрыло.

— Опять страшно? — обеспокоенно глянул на нее таксист.

— Да, но по-другому. И мне срочно нужно тебя обнять.

Просить дважды не пришлось — и вот она уже отстегнулась и всю вжимается в Ромаша, который снова ее гладит и нашептывает что-то ласковое. Страх — тот самый, сволочной, старый — попытался промямлить о грядущих предательстве и одиночестве, но был послан далеко и надолго. Запах луга. Теплые руки. Такой красивый и добрый Ромаш — она не обязана со всем этим прощаться, кем бы там ни оказался ее родитель или даже она сама.

Точнее, не так.

Да, она Екатерина Тавровна — всегда ей была и навсегда останется.

Но еще она Катенька.

— Глупый вопрос — и я понимаю, насколько своевременный, но... Ромаш — это же от «Роман», да?

— Нет, — тихо отозвался таксист, легонько целуя ее в висок. — Я по всем документам «Ромаш».

— Это что, получается, наши дети будут Ромашевичи? Вот уж свезет так свезет спиногрызам...

Он замер — а после снова опасно приблизился и заглянул ей в глаза, но ничего делать не стал — просто был рядом, почти прижавшись лбом, но не касаясь, всем видом показывая — я тут, с тобой. Она понимала, что и вправду именно сама определяет границы, а еще — что он готов слоняться вдоль оных хоть целые сутки, лишь бы она заметила. Странный все-таки парень. Как говорится, кому тут еще надо на психа провериться...

— Хотя да, уж чья бы корова мычала. В конце концов, Тавровна — тоже тот еще подарочек...

— Чего? — мгновенно изменился в лице Ромаш.

— Отчество у меня такое редкое: папа Тавр, вот и я — Тавровна. А что?

Тот помолчал. Потом помолчал красноречивей. Затем вкрадчивым голосом уточнил:

— Катенька, ты мне одно скажи — при заселении же паспорт показывают, да? Тетя Юля твои ФИО видела?

— Конечно.

— Удушю ее, — словно само собой разумеющееся поды-

тожил таксист с таким видом, будто это еще из гуманных соображений. — Вот честно — собственными руками удушу. А я-то уши развесил: психологическая защита, ничего опасного — ай да тетя Юль, ай да помогла человеку, слов нет...

— Ромаш, что случилось? Ты его знаешь? — забеспокоилась Екатерина.

— Еще как знаю, — мгновенно помрачнел таксист. — И она знает, зараза этакая. А как подальше отъедем — ты тоже узнаешь, обещаю. Только сначала найдем место, где такое обсуждать вообще можно, — и немного подумав, добавил: — Найдем — и сначала я там хорошенько проорусь.

— Все так плохо?

Выруливая на обратный путь, Ромаш загадочно пояснил:

— Скажем так, нет худа без добра. С одной стороны — только что половину моих страхов как рукой сняло, поскольку да, при таком раскладе мы определенно сможем быть вместе. Проблема в том, что сразу всплыл другой насущный вопрос — а как долго?..

Его поведение тоже изменилось — Ромаш, еще недавно мягкий и нежный, сейчас был до пугающего собран и то и дело быстро поглядывал в зеркало заднего вида, будто ждал погони.

— Представляю, как это выглядит. Хотя нет, не представляю, наверняка жутко, но крыша у меня не поехала, и я правда смогу все объяснить, главное для начала — убраться подальше. Из плюсов — зато стало ясно, почему твоя мать об

отце старалась говорить поменьше.

— Он что... преступник?

Таксист опять ненадолго задумался — явно подбирал слова.

— Знаешь, тут сложно: смотря для кого. Скорее у него довольно сомнительный правовой статус, и некоторые могут попытаться использовать тебя, чтобы это исправить. Подробнее расскажу позже, и ты сама примешь решение, что делать дальше, — понимаю, для этого нужно знать, как все обстоит сейчас. Просто поверь: если мы как есть к нему завалимся — проблем не оберемся.

— Ситуация настолько серьезна?

Заглядевшись на нее и тут же очнувшись, Ромаш вернул взгляд на дорогу и загадочно ответил:

— Честно? Я безумно рад, что ты его дочь. Но это пипец как все усложняет для тебя самой.

К вящему удивлению Екатерины, в качестве безопасного места Ромаш почему-то выбрал ее отель. Настолько рано — и пяти не пробило! — она сюда еще ни разу не возвращалась и не была уверена, на месте ли вообще Юлия, но вот таксист в этом не сомневался. Стоило запарковаться и выйти из машины, как Ромаш схватил Катюху за руку, словно боялся,

что она исчезнет, и целенаправленно зашагал к сторожке.

— Теть Юль, — влетел он в подобие офиса и, обличаяюще ткнув в Екатерину пальцем, выразил всю глубину своего возмущения одним-единственным словом: — Тавровна!

— Че, наконец-то додумался узнать свою зазнобу получше? — ехидно отозвалась женщина без малейшей тени раскаяния.

— Ты это спланировала! — хлопнул Ромаш рукой по стойке так, что аж стеклянный шкафчик неподалеку жалобно зазвенел, однако Юлию это не впечатлило:

— Ага, держи карман шире — с вами закупку туалетной бумаги и ту хрен спланируешь. Я, слава богу, не из тех, кто ярко горит да миры меняет: максимум могу подсказать, если герой заблудился, и все.

— Ты знала! — не унимался таксист.

— Отчество, и только! Признаю, смекнула, в какую сторону копать, — но на этом все. Вот сам скажи, кто мог предсказать, что будто мальчишка по самые пятки втрескаешься, а? Ты глянь, аж вломился отношения выяснять...

Тут она задумалась и внимательно уставилась на Екатерину:

— А кстати... Давно ли наш обормот за вами ухлестывает?

— Дня два, наверное... — начала было Катюха, но Ромаш ее перебил:

— С самой первой встречи!

Она уставилась на таксиста во все глаза, и он, чуть смущенно,

тившись, пояснил:

— Это правда, как увидел — все, пиши пропало. Я тебя в первый вечер даже поцеловать пытался, но ты меня отшила.

— В смысле «отшила»? Когда? — обомлела Екатерина, прокручивая события того дня, и ее внезапно осенило: — Стоп, в машине, когда сюда привез? Серьезно? Я вообще не поняла!

— Интересно-интересно, — хитро прищурилась Юлия, глядя на обоих. — Ну, Ромаша, положим, и раньше пере-клинивало, больно уж к людям тянется, но чтоб вот так — с разбегу да в прорубь? Уж не с первого ли взгляда ты в нее втрескался, милоч?

Таксист молча отвернулся, в гневе сжимая кулаки. Да что тут вообще творится?

— Ага, вижу, и сам понял. Катюша, не в обиду, но вряд ли такое на каждом шагу происходит, да?

— Вы о чем? — перестала улавливать тему беседы Екатерина.

— Часто в вас с первого взгляда влюбляются?

— Да никогда, считайте...

— Теть Юль, она в этом плане довольно неискушенная, могла и не замечать... — попытался вмешаться Ромаш, но та только отмахнулась:

— Мне-то не заливай: я если верную тропку вижу, то с нее уж не сойду, дудки. И нечего глаза закатывать, сама понимаю — первовзглядная любовь тебе не по статусу: заморыш

заморышем, на таких она не разменивается. Но знаешь, чего думаю? Ученые — не шарлатаны британские, а нормальные, ну насколько такое о них вообще сказать можно — со своими квантовыми теориями додоказывались до того, что не только прошлое на будущее влиять может, но и в обратную сторону связка работает. А вдруг для, кхем, некоторых материй время скорее конструктор, чем константа? Удивительное ведь дело, согласишься, Ромаш, — зазноба первовзглядная есть, а силенок нет. Надолго ли?

— Вы сейчас о чем? — жалобно взмолилась Катюха.

— Да так: чую, кое-кто уже выкопал себе могилку, осталось только понять, сам туда прыгнет или вы спихнете, — подозрительно заулыбалась женщина.

— Теть Юль, вы только хуже делаете, — мрачно буркнул таксист, осторожно взяв руку Екатерины в свою.

— Зато, дурья твоя башка, сюжет двигаю, — закатила глаза Юлия. — Ладно уж, Ромео, иди в ее комнату, раз надо, иди! Но я этого не видела.

— И извиняться не будете? — обернулся Ромаш.

— За шо? Что вы теперь друг у друга есть? — недоуменно посмотрела на него женщина.

— Катенька ведь и умереть могла!

— Ой, удивил так удивил. Так и я, и ты, и она — все мы помереть можем, и каждый день так мочь и будем, пока, собственно, не помрем. Это жизнью и называется, — хмыкнула та.

— Какая ж вы все-таки... — покачал головой таксист и потянул Екатерину прочь из сторожки.

— Вот давай без ярлыков, — прокричала Юлия им вслед.
— Помогла чем смогла, а если не понравилось — тут уж извиняйте: авторский произвол. Зато бесплатно!

В комнату Катюхи вошли в молчании — после разговора с Юлией Ромаш, казалось, погрузился в свои мысли даже сильнее, чем утром. Какое-то время постояв посреди помещения, спохватился и, внимательно оглядев собственную руку, выдал:

— Прежде чем начну, давай на всякий случай проговорим: никаких подозрительных веществ тебе сегодня подмешать не могли, и все, что случится дальше, не следствие галлюцинаций.

— Вообще-то могли: понятия не имею, кто и из чего делал кофе, который ты оставил мне утром, — спокойно напомнила Катюха.

— Лес меня раздери, точно... Но я ж не знал, что так обернется! — моментально растерялся таксист. — Тогда лучше на завтра разговор перенесем — чтоб наверняка?

— Нет уж, давай сейчас. Не волнуйся, я скорее из спортивного интереса подловила: даже подмешай ты чего, вряд

ли оно шандарахнуло бы только восемь часов спустя и ни минутой позже.

— Утешает, конечно, пусть и не сильно... Присядешь, пожалуйста? — он указал на кровать. — Мне так спокойней будет.

Пожав плечами и привычным движением смахнув муравьев, Екатерина села и приготовилась к худшему: вряд ли Ромашу пришло бы в голову упоминать психотропы перед тем, как сказать: «Поздравляю, ты единственная наследница миллиардера».

— Короче, я... — он огляделся по сторонам, убедился, что жалюзи плотно закрыты, скинул шлепку и резко топнул. Катюха ахнула. — Вот.

Она уставилась во все глаза. Штука, стоявшая на месте Ромаша, была... ну, светленькая — как он. А еще — частично словно деревянная, местами — с шерстью, причем так сразу и не поймешь, шкура то висит или свое, как у животного, нос — похож на кошачий, а над ушами...

— У тебя из головы рядом с рогами ромашки торчат.

— Ага. Потому и Ромаш, — отозвалось нечто знакомым голосом и, помолчав, продолжило: — Как ты уже, наверное, поняла, такси — это так, для души, а на самом деле я лисун.

— Кто?

— Леший.

Екатерина вовсю пялилась, а существо просто стояло, не торопя, — и, кажется, было еще и на голову выше привыч-

ного ей Ромаша. Она протянула руку, чтобы дотронуться до *этого* — Ромаш, он — Ромаш, надо постараться осознать, — и нечто до боли знакомо плюхнулось на пол перед ней. Забавно: одежда превратилась в кору и шкуры, а цепочка с куриным богом так и висит себе на шее. Осторожно коснувшись шерсти — теплая, мягкая, как у зверька, — Катюха переложила руку на деревянное предплечье — ого, тоже теплое. Лицо в целом даже узнаваемо. А нос...

— Жми уж, — спокойно разрешило нечто, заметив, куда она потянулась.

Дважды просить не пришлось. Бупнула — нежный, кожаный и смешной, как у котенка. Продолжая рассматривать Ромаша, она не стала спрашивать, какой из его обликов настоящий, поскольку не могла ответить и на встречный вопрос: а какая — настоящая она? Катюха? Екатерина Тавровна? Катенька? Нет, только все вместе — и не иначе. Видимо, и тут так.

— Леший значит, да?

— Как видишь.

— Можешь тогда муравьев прогнать? И пауков из ванной, если не затруднит. Ничего личного, но плачу одна, а живем вместе — некрасиво с их стороны.

Да, иногда она была разной, но собой — всегда.

Существо — Ромаш, это — Ромаш, давай, Катюха, ты сможешь! — несколько удивилось, но пошевелило рукой — и муравьиная вереница, деловито топтавшая кровать, засты-

ла, развернулась и бодренько ринулась под дверь. Вау.

— А Юлия, она?..

— Нет. Вообще не из наших. Скорее, типа тебя — вроде и человек, но с повышенной чуждинкой. Порой, не скрою, переходящей в засранство.

Екатерина на автомате кивнула, замороженно слушая речь существа, и оно... Ромаш уточнил:

— Ты как?

— Пока не знаю.

— Мне обратно превратиться?

Катюха старательно поразмыслила и над этим вопросом.

— А самому как больше нравится?

Он задумался, смешно наморщив нос.

— Честно? В человеческой форме мне тебя хотя бы обнять не страшно — меньше шансов задавить ненароком.

— Тогда давай обратно, но если я вдруг верить в происходящее перестану — а судя по прелюдии, могу, — снова таким обернешься, хорошо?

На этот раз обошлось без топота ногой — одна форма плавно сменила другую, огромный леший аки ртутный терминатор просто перетек в привычного ей Ромаша на полу — абсолютно в той же позе, что и чудище до него, но без рогов, шкур или ромашек, хоть и с бессменным куриным богом на шее. Таксист смотрел на нее очень внимательно и несколько настороженно. Переживал, что она теперь о нем думает?

— Хочешь обнять? — ляпнула Екатерина первое, что

пришло в голову.

— Всегда хочу.

Возможно стоило пригласить его на кровать, но вместо этого Катюха, напротив, сама плюхнулась на пол, прижалась к плечу и уставилась на лицо. Обычный нос, не кошачий, но нажать все равно захотелось.

— С чего начать: про твоего отца или себя? — вывел Ромаш ее из задумчивости.

— Давай о тебе.

— Ну, в данный момент я до глубины души поражен, что ты не вылетела отсюда с криками.

Она смирила его воспитательным взглядом:

— Вообще-то это мой номер, и если кто отсюда с криками и вылетит, то только ты.

— Узнаю настрой, — улыбнулся он и, отведя взгляд, продолжил: — На самом деле про меня не шибко интересно. Родился, считай, в конце позапрошлого века, и тридцати не исполнилось — по нашим меркам сущий ребенок, — как из-за Первой мировой родителей лишился. Времена были тяжелые, остальной семье не до меня вечно, вот и начал к людям бегать: то бабуле какой дров наколю, то еще кому помогу — тогда многие без родни остались. Ну вот жил себе, рос, одна нога тут, другая там, а при Советах уже к деду Тише — Тихону по-вашему — прибился. Он шофером работал в колхозе: вроде как коллектив есть, но почти всегда один, а со мной хоть компания какая, в пути не так скучно. Он

же впервые за руль и пустил — и на этом все, перемкнуло намертво, понял: мое. Хлебом не корми, солнцем не свети, только посадите за баранку. И если наши меня и раньше-то не шибко жаловали — у леших с людьми дела вести не принято, табу, — то тут и вовсе, считай, открестились, будто и знать не знают. Так с тех пор и живу: вроде как нелегал, но поскольку власть часто меняется и каждый раз на месте пытаются подольше удержаться, обычно ей не до мелких сошек. В итоге дед Тиша меня сыном оформил, а как его не стало, я начал среди ваших потихоньку один жить и со своими почти не знаюсь — ну, тетя Юля не в счет. Та меня как увидела, с порога вычислила, отчитала и давай гонять в хвост и в гриву — мол, принял место, соответствуй.

— Место?

— Да, за дедом Тишей. Он... ну, не простой человек был, сама понимаешь, раз лешака без вопросов приютил. Тоже с чудинкой, какой — не знаю, но много лет назад, опять же, при Советах, его самый старший по всему Союзу лешак за что-то проводником сделал, кто простых людей при нужде к нему доставить мог. Жизнь продлил, защиту дал, все такое — да только Советы-то распались, а у нас условлено строго по людским границам иерархию строить. И вроде как получилось, будто у деда Тиши силы-то есть, да от иностранного владыки, и на родной земле он словно чужой. Ну, поначалу они с местным князем — мы самых главных своих так зовем — уживались, но потом дед Тиша воли его послушался, а тот

возьми да Тихона и прихлопни, заодно и должность упразд-
нив. Я тогда, считай, опять родителя лишился, а тетя Юля
давай на мозги капать: нужно дело продолжить, теперь про-
водник — ты... И здравствуйте, приехали. Ты.

— А что я?

Ромаш помолчал, потом вздохнул, взял ее руку в свою,
поцеловал и, прижав к щеке, грустно подытожил:

— А вот давай подумаем. Деда Тиши уже двадцать три
года как нет — и осерчали на него, когда он помог бежать
кому-то, кого наш главный отпускать не хотел. Когда, гово-
ришь, вы с мамой тут последний раз были?

По спине пробежал холодок.

— Но это же еще не значит...

— В одиночку — просто совпадение; вот только оно не
одно. Со сколько раз угадаешь, как нашего князя бессмен-
ного зовут?

Катюха уставилась на него во все глаза:

— Шутишь?

— Хотел бы, да язык не повернется.

— Ну вдруг и это совпадение? Мало ли на свете?..

— Если и есть у нас другие Тавры, то так уж вышло — ни
одного не знаю, — грустно отозвался Ромаш. — К тому же
и почерк слишком знакомый.

— Почерк?

— Ага. Не утверждаю, будто это обязательно отец тебе
навредить пытался, — тут не поймешь, на самом деле, я не

того полета птица, чтоб наложившего чары влет определять, — но то, что ты плутала и путалась, абсолютно точно вина сильного лешего. Это не твоя психика взбесилась, Катенька: кто-то пытался тебя со следа сбить и... — тут Ромаш осекся и замолчал.

— Говори как есть. У тебя только что половина тела была деревянной, я готова к неожиданным открытиям.

— ...и со свету сжить, — он явно хотел ее обнять и не решился, и Екатерина сама чуть сдвинулась, прижавшись сильнее, — кажется, немного успокоила. — Прости, но выглядело именно так: паранойя, потерянности, ожидание опасности из-за каждого куста — отсюда до полной потери себя рукой подать.

— В каком смысле?

— Иногда людям становится так страшно, что они... ну... — таксист — или как его теперь называть, леший? — мялся. — Пропадают, становятся в лучшем случае теньями-ски-тальцами.

— А в худшем?

— Безымянными костями, — на этих словах лицо Ромаша ожесточилось, будто готовился к драке. — Вести дела с людьми — табу, но покушаться на них — еще большее. Кто бы это ни был, он либо совсем страх потерял, либо отлично осведомлен о твоём статусе и к тому же знает, как оный подтвердить: промеж своих мы вольны чего угодно творить, но если человека хоть пальцем тронем — беды не оберемся.

Звучало зловеще, но уж кто-кто, а Екатерина Тавровна отлично помнила старую поговорку «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения».

— И у тебя нет идей, кому и зачем могло понадобиться так со мной поступить?

Ромаш жалобно на нее посмотрел:

— Если честно, об этом даже думать гадко: наставший чары должен точно знать, кто ты, — и мне трудно представить рискнувшего покуситься на дочь Тавра на его же территории.

Получалась не очень оптимистичная картинка.

— Если я верно уловила, обо мне у вас не особо слышали...

— Катенька, так-то это так, но сам Тавр ведь в курсе, помнишь? Я в такие совпадения не верю, совсем. Тем более что ты явно не нашей крови по итогу оказалась...

Тут она перестала понимать даже ту малость, которую получалось до этого:

— В плане? То говоришь, что дочь вашего князя, — а теперь «не нашей крови»? Это как?

— Вот чтоб я знал, — опять грустно протянул Ромаш, честно на нее глядя. — Но куриные боги, Катенька. Не знаю, почему и зачем они тебя любят, но это явно не самый человеческий признак, и уж точно не лешачий.

— Тогда кто я?

Помолчав немного, он прижался к ней лбом:

— Не знаю, но готов узнать это вместе. И кто ты, и поче-

му Тавр вас с мамой отпускать не хотел, и как вышло, что обратно примчалась. А еще — какая мразина решила к тебе свои лапы тянуть и зачем. Может, конечно, именно в этом и дело — очередные игрища за власть на верхах устроить решились, а нас предупредить не удосужились.

— А к этому-то я каким боком могу быть причастна?

— Сама посуди: наследница возвращается к князю спустя столько лет. Мало ли кто мог это за попытку переворота принять?

— Какого еще переворота? — опешила Катюха.

— Военного, — спокойно отозвался Ромаш и, заметив выражение на ее лице, попытался объяснить: — Иерархия у нас идет строго по людским законам, понимаешь? А теперь подумай, где ты. О, поняла, да? Тавр, как бы выразиться... с хитрецей: из-под старого подчинения вроде как вышел, а под новое переходить не спешит и время тянет, мол, вопрос спорный, сперва люди определиться должны. Ну а ты ж ему семя от семени, вдруг вызов бросить собралась?

— Кому? Князю леших? Я? — еще больше удивилась она.

— Да кто ж тебя с твоей заточкой знает...

Он замолчал, словно ждал чего-то. Ага, решение. Расскажет все, что знает, но решает она и только она. Ладно, это было правильно и даже в какой-то степени мило — но вот когда все закончится, дудки: станут парой и пушай мучается с совещательным голосом как миленький.

— Можно тупой вопрос?

— Конечно, Катенька. Я не сказать, чтоб привык наши порядки другим объяснять, — понимаю, получается не очень.

— Вот ты уже несколько раз повторил а-ля «вести дела с людьми запрещено», но постоянные попытки меня поцеловать не особо с этим вяжутся.

— Просто поверь: я пытался не каждый раз, когда хотелось, а только когда башню окончательно сносило, — преданно глядя в глаза, пояснил леший без тени раскаяния.

— А при чем тут сколько раз в меня влюблялись? Ну или что Юлия в виду имела?

— О. Хм. Ну... — Ромаш потупился, вздохнул и выдал как на духу: — Я храбрюсь, мол, вместе разберемся, но тетя Юля права абсолютно — сам слабый, очень и очень слабый. Сила лешего от размера вверенной в заботу земли зависит, объяснить сложно — мы, считай, навроде феодалов, если еще помнишь, кто это такие. Например, тот, кто с тобой все это учудил, надел во много раз больше моего иметь должен, такому любой морок навести легко: запугать, ну или приворожить там. В сравнении с ним мой максимум — на ромашке погадать, и отсюда как раз и лезет непонятка. У вас, насколько знаю, про любовь с первого взгляда шутят в основном, а для нас это данность и, если честно, пугающая: ну сама представь, увидел кого-то — и все, полюбил намертво, и не важно, что тобою увиденный обо всем этом думает. К счастью, такая дрянь только сильных, очень сильных наших косит, а я — местечковый даже не середнячок, так, с краю

сидевши. Не может у меня подобной любви быть, а тетя Юля вбила себе в голову, будто она, родимая. Да, не спорю, ты мне сразу понравилась. Но разве просто так, само по себе такого не бывает?

— А вдруг на самом деле ты сильный леший? — и тут до Екатерины дошло. — Тех мотоциклистов же, получается, заколдовал?

— Память чуть подровнял да раны залечил, с подобным и подпасок справится, — поморщился Ромаш. — Нет, Катенька, настоящую силу ни от других, ни от себя утаить нельзя. Вот твой отец — да, ему такая любовь по статусу, а я в сравнении с ним — что трава перед газонокосилкой, плюнуть и растереть. Ты тетю Юлю не слушай, она иногда, конечно, дело говорит, но больно уж свои книжки любит, а там куда ни глянь — всюду зараза первовзглядная. В настоящей жизни все-таки немного иначе дела обстоят. Ты, к примеру, хоть и моментально в сердце запала, но если бы, как остальные люди, врала что дышала, я б и часу не продержался: мы, лешие, ложь слышим — словно асфальтоукладочный каток по стеклу буксует, а ваши врут часто, с фантазией и нагло, причем что в большом, что в малом. Ты же за все это время только один раз попыталась — ну тогда с линзами, и все. Блин, а может, и вправду лешачиха?..

— И, прожив столько лет, о том ни сном ни духом? Не, все проще: ложь слишком энергозатратна и требует идеальной памяти, — поморщилась Катюха. — А правда в разы удобнее

и зависит только от подачи.

— Поэтому мне с тобой и хорошо, — улыбнулся таксист.

— Это довольно странная причина влюбиться, серьезно.

— У тебя еще заточка за пазухой, — мечтательно напомнил Ромаш.

— Сдаюсь, вот эта — реально самая странная.

— Просто ты не представляешь, какое это счастье — тебя встретить.

Екатерина Тавровна могла представить многое — особенно хорошо справлялась с геенной огненной для тех, кто не соблюдает условия договоров, но здесь ее воображение забуксовало и жалобно попросилось обратно к карам господним. Итак, она — наполовину человек, наполовину черт-те кто, и прямо сейчас в нее без памяти влюблен нелегально таксующий леший. Вот тебе и возвращение к истокам, Катенька, смотри, не обляпайся.

— Так, с парнями выяснили. А со мной ты тогда что сделал?

— Покормил, — выдал Ромаш, будто и это было само собой разумеющееся, но, заметив возмущение, пояснил: — И не надо так смотреть, тут как с аккумулятором: если сел, самый простой способ его реанимировать — от другого запитать. Вот я тебя и запитал.

— От чего? — нахмурилась Екатерина.

— От себя, — пожал он плечами. — Тебя тогда чарами мощно пробрало, даже не представляю, сколько сил понадо-

билось и их скинуть, и меня защищать ринуться — не мудро, что в ноль ушла. К счастью, даже в слабом лешем жизни много, вот я ей и поделился, пока в тебе своя чуть теплилась.

У Катюхи все еще не складывалось.

— Но ты ведь тогда не знал, кто я.

— Ага.

— И про чары не знал, но все равно решил не просто спасти человека, а аж собственной жизнью? Тебе за такое разве от ваших прилететь не могло?

— Могло и должно было, угумс. Табу на табу и табу погоняет, — нагло заулыбался тот, абсолютно собою довольный.

Екатерина вздохнула:

— Ромаш, как говорилось, не в обиду — но ты и сам ведь реально дурной.

— Полагаю, это заразно. Правда, пока, к сожалению, передается исключительно воздушно-капельным путем.

«Расцелую засранца, — внезапно поняла Катюха. — Дай только с отцом разобраться — и ты у меня за все получишь...»

— Ладно, раз ничего не понятно, но все очень интересно — надо думать, что дальше. Вот ты — чего бы мне посоветовал?

— Честно? Бежать без оглядки, пока можешь, никогда больше не возвращаться и знакомств с местными не иметь, — и глазом не моргнув, отчеканил леший.

— Стоп, а с тобой?

— Со мной особенно, поскольку я уже достаточно взбешен, чтобы полезть искать виновного. А с учетом разницы в весовых категориях ничего путного из этого не выйдет, только зазря тебя подставляю.

Ну вот опять — как ее добрый и мягкий Ромаш за секунду из сладкой булочки до берсерка разгоняется?

— Звучит разумно, но разве не ровно этого наш неизвестный леший с первых дней моего пребывания в Крыму и добивается? По моим ощущениям, кто-то очень не хочет, чтобы я встречалась с отцом. Да и потом... Если все так, как ты говоришь, то гадание на кофейной гуще меня не устроит: я хочу знать правду.

— Понимаю, — кивнул Ромаш.

Подумав, Екатерина решилась:

— Скажи, раз ты ну этот, проводник — получается, можешь меня прямо к отцу отвезти?

— Ну проводник я не сказать, чтоб кем-то кроме теть Юли назначенный, но да, конечно, могу.

— А реально провернуть это так, чтобы тебе самому в конфликт, если он возникнет, не вляпаться?

— Теоретически — да. Практически — ни за что, — спокойно ответил таксист.

— Послушай, это мое дело, и тебе вовсе не обязательно...

— Обязательно, Катенька — и это не обсуждается. Пойди что не так, защитить смогу только я, пусть пока и не придумал способ. И раз уж я знаю, куда тебе, и берусь туда доста-

вить — меньшее, что могу и должен пообещать, что не только привезу тебя к отцу, но и без тебя оттуда не уеду.

— Звучит довольно фаталистично.

— И я, в свою очередь, рад, что ты это понимаешь и можно не врать, — смиренно кивнул Ромаш и легонько коснулся губами ее виска. Вроде и не поцелуй, но чувства захлестнули через край. Интересно, а он...

— Тебе сегодня обязательно домой возвращаться?

— Как скажешь. Если спросишь мое мнение, я бы не хотел оставлять тебя ночью одну.

Помолчав еще немного, Катюха попросила:

— Можешь снова показаться?

Дважды повторять не пришлось — и вот она все так же уютно сидит, но теперь рядом со странной, будто неземной штуковиной с ромашками около рожек. Странной, но не страшной.

— Тогда план предлагаю такой: ужинаем в местной кафешке — надо, кстати, глянуть, до сколько они, — потом, видимо, возвращаемся обратно и в ужасе трындим обо всем на свете, пока не срубимся, а завтра — к отцу. Подойдет?

— Да, — полуприкрыв глаза, смиренно кивнул леший. — С одним небольшим уточнением: я не сплю.

— Ой, — охнула Екатерина. — Получается, по ночам тебе скучно?

— Конкретно этой надеюсь найти наконец время и хорошенько подумать, а то в последние дни не покидает ощущение

ние, что этому занятию я посвящаю оскорбительно мало времени.

Так и поступили — принявший обратно человеческий вид Ромаш словно полностью откатился к версии себя из прошлого без малейших намеков на леших и прочую чертовщину. Сперва они, перекидываясь шутейками и влюбленными взглядами, поели, затем вернулись в номер и расположились уже на кровати — без единого муравья — болтать о глупостях и переваривать каждый свою часть сегодняшних открытий. Перед сном Екатерина, как обычно, приняла душ и улеглась уже одна: таксист по традиции целомудренно отправился на пол, но в этот раз хотя бы не делая вид, будто собирается спать. Когда веки потяжелели, ее снова поцеловали в лоб: перед лицом скользнул знакомый куриный бог на цепочке, а ставший родным голос мягко произнес:

— Спи, Катенька: перед такими делами лучше выспаться.

Последнее, что она запомнила, как Ромаш смотрит на нее, кусая губы, а сам задумчиво теребит свое кольцо на пальце. Какой же все-таки красивый, а. И вообще, почему чуть что — сразу он? Разве сама она с первого взгляда не могла влюбиться?..

Глава 7: С(в)оло(чь)

Судя по всему, план хорошенько подумать Ромаш реализовал на все сто, ибо с самого утра был непривычно молчалив, серьезен и сосредоточен, хоть и пытался изображать напускную легкость. Даже улыбка — обычно солнечная и яркая — казалась будто резче и суше, а теревить кольцо он так и не перестал, разве что надел на другую руку — видимо, прежняя от постоянных прикосновений распухла и жать начало. Интересно, а лешие отекают? Решив не задаваться философскими вопросами раньше времени — повезет, узнает все из первых уст, а еще лучше — из личной жизни, — Катюха четко отработала утренние рутины и утянула Ромаша завтракать и в путь. Оплатить ее счет он, к счастью, даже не пытался, но и брать деньги за свои услуги по-прежнему категорически отказывался. После еды заглянули к тете Юле. Ромаш настоял, что надо, но зачем — Екатерина так и не поняла: покрутились там немного, обменялись банальными фразочками вроде «Таки решили ехать?» — «Ага», и все. После — привычный синий «фольксваген», еле слышная музыка из магнитолы — и загадочно притихший таксист, периодически поглядывающий на Екатерину с довольно странным выражением лица — ну явно чем-то загнался. Может, наконец решился не сопровождать ее в суицидальной миссии, но не знает, как об этом сказать? Было бы неплохо: и вечером, и

утром перед выездом она опять попробовала уговорить его просто отвезти к отцу и не лезть на рожон, но Ромаш остался непреклонен: слишком опасно, только вместе, согласиться на иное он не может. Катюха и сама честно пыталась передумать — ну отступи, женщина, чего тебе стоит? — но тоже не сумела, а потому вполне его понимала. Да, с учетом предыдущих событий рассчитывать на теплый прием не с чего, но плюнуть и уехать мешали недосказанность, зыбкость своего места в мире и, чего греха таить, мама. Если отец и вправду настолько сильный леший, то, прости господи, как, просто КАК она, Катенька, появилась? Что случилось тридцать пять лет назад, что происходило последующие двенадцать — и в оставшиеся двадцать три, если уж на то пошло?

Вся прошлая жизнь казалась теперь завешенным простыней нагромождением странностей, но ту вот-вот сдернут — и ответы последуют: на хрупком льду тайн и недосказанностей будущее не построить, придется рискнуть. Выводы Ромаша, который одновременно и не готов был обвинить ее отца в покушении, но и не мог придумать никого иного в качестве злоумышленника, у самой Катюхи внутреннего отторжения не вызвали, скорее напротив, пробудили внезапное понимание: а, собственно, что она сама об отце помнит? Крупный мужчина, довольно заросший, с густыми бровями — если рядом с ее лешим поставить, то с первого взгляда и не скажешь, будто один вид, — но кроме внешности почти ничего в голову и не шло. Они с мамой к нему приезжали, что-то

происходило — и уезжали. Он с дочерью хотя бы играл? Читал ей книжки на ночь? Обнимал? Ну что-нибудь? В голове — полная тишина и перекасти-поле. Как там Ромаш сказал: память подровнять и подпасок справится? Но если Тихон, который его пригрел, и вправду их с мамой от отца вопреки прямому запрету вывез, значит...

— Слушай, а вы способны чистить память на расстоянии? Таксист мельком на нее глянул:

— Я — нет. Сильные, наверное, могут, но тут еще и от типа воспоминаний зависит: мелочи вроде мимолетной встречи, ну как у тех ребят, которым не повезло с твоей корягой познакомиться, — легко, а что-то более значимое уже с трудом. Ну и чем длиннее событие по времени, тем сложнее, конечно.

— Понятно. А, к примеру, дней по десять каждый год на протяжении двенадцати лет? Ну, первые пять, наверное, можно не брать в расчет...

Ромаш задумался.

— Честно? Даже для сильного лешего перебор, все-таки не наш профиль. Проще уж сразу жертву в морок погрузить, а снял его — оп, заодно и память улетучилась, ну как с тобой во время твоих «прогулок» было. Только с ребенком-то такое кому в голову может прийти провернуть — и для чего?..

Да уж, вопрос. И другой, вытекающий следом — а как дела обстояли у матери? Вдруг та не рассказывала Катюхе подробности семейных перипетий не из упертости, а из-за

банального ужаса: понимала, что происходила чертовщина, но не знала, как этим поделиться? «Дорогая, мы каждый год ездили к твоему биологическому отцу — вот только я ничегошеньки об этом не помню и как так вышло, тоже не знаю». Ну не, бред. Не может быть. Хотя... Если сейчас Катюхе тридцать пять, сколько, получается, было маме, когда все это с ней случилось? Двадцать с небольшим, почти девочка...

— Слушай, как считаешь, моя мать точно человек? Не могла оказаться кем-то вроде Юлии или того же Тихона?

— Они-то как раз люди чистой воды, пусть и со странностями, — покачал головой Ромаш, — такие порой появляются, Лес его знает, с чего и почему. Иметь чудинку — могла, тут обычно с первого взгляда и не поймешь, но вот быть кем-то из нас — речь идет не только о леших, а вообще о нелюдях — вряд ли. Вам обеим в таком случае пришлось бы по сказовым законам жить и с сородичами пусть и против воли, но общаться — от такого не убежишь.

— Но у тебя ведь получилось?

— Мой случай редкий и, честно говоря, чертовски удачный — и то исключительно до первого прищуря со стороны заинтересованных лиц.

М-да, яснее не становилось. В очередной раз задумчиво глянув в окно, Екатерина обратила внимание на странноватого рыжего парня на обочине, провожавшего их машину вежливой улыбкой в сочетании с ледяным взглядом. Все б

ничего, паяться не запрещено, но, во-первых, одет он был довольно неуместно — и проблема крылась не столько в камзоле по жаре, сколько в самом факте наличия камзола. А во-вторых...

— Ромаш, мне кажется, или мимо того типа мы уже третий раз проезжаем?

Леший вздохнул.

— К сожалению, не кажется.

— Опять чары? — обеспокоенно уточнила она.

— Хуже — помощь, — ляпнул тот что-то уж совсем несуразное, но под хмурым взглядом сдался и пояснил: — Я кольцом деда Тиши воспользовался, ну тем самым, которое ему бывший лисун всяя Советы оставил: если с руки на руку перебросить, помощь придет. Как видишь, явилась не запылилась.

Учитывая время, проведенное так называемой помощью на обочине, с последним утверждением Катюха могла бы и поспорить, но сильнее смущало другое — только сейчас она заметила, что в руль ее леший практически вцепился.

— Все в порядке?

— Помнишь, я говорил, мол, в сравнении с твоим отцом — как трава перед газонокосилкой?

— Ага.

— Нами заинтересовался зерноуборочный комбайн, — Ромаш глянул в зеркала и начал тормозить. — Ладно, самое главное — что бы сейчас ни происходило, пожалуйста, не

вмешивайся, хорошо? Так надо.

Успокоило ли ее это? Вот уж дудки, и, тайком проверив, на месте ли заточка, Екатерина принялась выжидательно оглядываться. Вот машина остановилась, и таксист опустил боковое стекло. Вокруг ни души, рыжего не видно ни спереди, ни сзади...

— Александр Витольдович?

Она обернулась: чудаковатый тип, все так же холодно улыбаясь, стоял около дверцы водителя — и совершенно непонятно, откуда там взялся.

— Собственной персоной. Разрешите составить вам компанию?

Ромаш сухо кивнул и махнул рукой в сторону салона, загадочный парень открыл дверцу и сел. Глядя на то, насколько явно ее лешему неуютно в обществе гостя, Екатерина не без злорадства вспомнила, что кондиционер до заднего сиденья не добивает, но, к сожалению, рыжему на это оказалось совершенно плевать. И вот этот — помощь? Выглядит даже моложе Ромаша, еще и одежда, будто со съемок «Бриджертонов» сбежал...

— Можете продолжать путь, а на мой счет не беспокойтесь, — смиростивился дозволить тот. — Не имею склонности к показательным расправам с утра пораньше.

— А с утра попозже? — угрюмо уточнил таксист, заводя машину и выруливая обратно на трассу.

— Если ставить вопрос подобным образом — пожалуй, не

имею вовсе. Скорее напротив: поскольку по велению сердца вынужден был смириться с в разы более агрессивным стилем вождения, не могу не отметить ваш очевидный профессионализм, Ромаш Георгинович.

— Георгинович? — уставилась на таксиста Катюха.

— Профессионализм? — не меньше удивился Ромаш, мельком глянув на пассажира.

— Просто поверьте: чуть ли не впервые в жизни я не мечтаю выпрыгнуть из автомобиля в самом начале пути — удивительное чувство! Не рассматривали подработку инструктором? Честно признаюсь, моей подопечной бы пригодилось...

— Вообще-то я все слышу, — внезапно прозвучал в салоне незнакомый женский голос; от неожиданности Ромаш дернулся, Екатерина чуть не взвизгнула, зато сам рыжий и ухом не повел. — И кстати, кого просила не исчезать молча?

На заднем сиденье возник еще один пассажир, точнее, пассажирка: молодая девица с двумя стаканами кофе в бумажной подставке и косами настолько огромными, что бедняжку моментально стало жаль — с местной водой шевелюре грозили кранты. Еще и в акуле-кигуруми: одновременно и не по погоде, и не по возрасту, а уж на фоне щеголя особенно эпично.

— Сию просьбу я выполнил, оставив записку. Вам не передали? — с самым невинным видом парировал типчик, но вот взгляд его неожиданно потеплел.

Она выгнула бровь:

— Ту самую, цитирую: «Сожалею, отбыл в надежде предотвратить войну и успеть к ужину, с любовью, ваш Александр»? По-твоему, это — нормальная коммуникация?

— Неужто правила орфографии вновь изменились, и я по незнанию совершил некоторое количество ошибок? — все так же наигранно отозвался тот.

Девушка поджала губы, смирившись его взглядом и повернувшись к Екатерине с Ромашем:

— Если лезет не в свое дело — только скажите.

— Эм, нет — я сам его позвал, — растерялся таксист.

— Ага, и теперь от радости мрачнее тучи, — посмотрела она на него скептически. — Ладно, давайте по порядку: что случилось, куда едем, как вы его в машину заманили?

— А вы, собственно говоря, кто? — вмешалась Катюха.

В салоне повисла неловкая пауза.

— Просто прохожая.

— Из ниоткуда возникшая на нашем заднем сиденье?

— Именно так. И что важнее — желающая вам добра, по крайней мере пока. Кофе, кстати, не хотите?

— Спасибо, уже пили.

— А придется.

Она протянула капхолдер. Ромаш с Екатериной, переглянувшись, нехотя взяли по стаканчику с довольно неожиданной эмблемой и, попробовав, как по команде скривились. Удовлетворившись, девушка продолжила:

— Сразу условимся: про вкус я в курсе, но допить надо. Договорились?

— Зачем? — с трудом прохрипела Катюха, в ужасе взирая на напиток: из чего бы *это* ни варили, составом вполне успешно можно было отучать не только от кофемании, но и в принципе от самой идеи вливать в организм любую жидкость.

— Как выражается один мой знакомый — чертовски полезный напиток.

Тут рыжий снова подал голос:

— Пандора Кирилловна, — о, нашлась хоть одна с нормальным отчеством! — Ваше вмешательство совершенно не требуется...

— Врешь ведь: тогда бы никаких записок не оставлял и смотался бы себе втихую, — бросила она на него осуждающий взгляд.

— Вру. Но вы об этом знаете, поэтому не считается, — расплылся тот в самодовольной улыбке.

Нестерпимо захотелось оставить их вдвоем — но блин, не в чужой же машине! Ромаш, видимо, заметив признаки постепенного закипания на лице Екатерины, прошептал:

— Прости. Я хотел как лучше.

— Все хорошо: ты позвал на помощь — помощь пришла. Осталось только понять, что это нам дает, — ободряюще хлопала она его по ноге.

— Предлагаю начать с начала, — вновь напомнила о себе

девица с косами. — Ну или хотя бы с главного: какая еще война?

— Не имею ни малейшего понятия, — отозвалась Катюха и покосилась на таксиста.

Ага, судя по всему, тот был в курсе, но пояснять все равно взялся рыжий:

— Пандора Кирилловна, простите за несоблюдение приличий и позвольте представить — Ромаш Георгинович, нелегально проживающий под человеческой личиной леший, не менее нелегально оказывающий услуги извоза опять же преимущественно людям. Родился и вырос на сей земле, пребывает в подданстве у Тавра Херсонесовича, местного генерала, после известных событий получившего своеобразную автономию и ставшего самопровозглашенным князем.

— Хочешь сказать, у твоего приятеля возникли проблемы с законом, прямой начальник вмешиваться не дурак, и понадобится помощь моих друзей? — нахмурилась Пандора.

— Боюсь, пока вы слышали только зачин истории, но я почти дошел до сути, — спокойно ответил франт, расправив зубик на капюшоне ее кигуруми. Кажется, Катюха начинала улавливать иерархию в этой странной парочке. — Его спутница — Екатерина Тавровна, дочь уже упомянутого Тавра Херсонесовича от неафишируемой связи с человеческой женщиной, гражданкой Российской Федерации, ныне почившей. Сама Екатерина Тавровна родилась и выросла в Москве и, хоть и гостила в этих местах каждый год

первые двенадцать лет жизни, памяти об отце не сохранила, зато страстно желает его разыскать — и в качестве сопутствующего отягощения к сим планам получила смертельное проклятье, впоследствии развеянное ею вполне самостоятельно, но не без посильной поддержки Ромаша Георгиновича, конечно. На данный момент главным претендентом на роль актора чар считается непосредственно Тавр Херсонесович, к которому они, хоть и осознают риски, держат путь. Ромаш Георгинович, в свою очередь, из пусть и юридически порицаемого, но вполне понятного желания защитить даму воспользовался переданным его предшественником артефактом и обратился за помощью к Зеленому Князю: кем бы ни был злоумышленник, рука все-таки поднята на гражданку Российской Федерации. Полагаю, Ромаш Георгинович ожидал скорее кого-то из генералов Витольда Родовича — пусть и с показательной расправой персонально над ним, зато с надеждой на гарантированную защиту своей спутницы. Однако, как вы могли догадаться, с учетом статуса подозреваемого мы получили довольно неприятную дилемму: вмешаемся сейчас — быть войне. Вмешаемся после — Екатерина Тавровна, скорее всего, пострадает, если не хуже, и опять же результатом станет война. Не вмешаемся — опять война, но уже гражданская: защищать территории и подданных от посягательств со стороны чужих сил — первейший долг Зеленого Князя. Исходя из этого Витольд Родович счел сложившуюся ситуацию достаточно деликатной и отправил ме-

ня ее разрешить.

— А предыдущие лет пять он пропустил, что ли? Ты и деликатные ситуации — чисто ментос и кола, — угрюмо буркнула девушка, явно привыкшая продираться через весь этот официоз: даже Екатерина, много лет проработавшая при Алле Эдуардовне, впервые слышала, чтобы кто-то на полном серьезе разговаривал подобными конструкциями.

— Полагаю, Витольд Родович по-отечески желает дать мне возможность набраться опыта.

— Не рассматривали идею сначала, не знаю, на «Цивилизации» там или «Симсах» потренироваться?.. — пробормотала Пандора, а Катюха наконец-то получила шанс задать более актуальный вопрос:

— Александр — прошу прощения, боюсь неверно произнести отчество, — о какой расправе речь?

— Витольдович, — о, вот и ледяные глаза вернулись. Видимо, теплота выдавалась исключительно по талонам — и только дамам с косами. — А под расправой понимается будничное правосудие. Судите сами: незаконное проживание по человеческим документам, незаконная предпринимательская деятельность среди людей без регистрации и сдачи квалификационного экзамена по мимикрии, подозрительное сближение с представителем не сказочных видов — все это крупные нарушения и сами по себе, в совокупности гарантирующие старую добрую смертную казнь.

— У леших и прочих сказов — ну, подобных им ребят —

чертовски мизантропный свод законов, а фантазия довольно однообразна, — мрачно встряла его спутница. — Моя знакомая пытается это исправить, но дело не сказать, что быстрое.

Глубоко вдохнув и старательно досчитав на выдохе до десяти, Екатерина в свою очередь скомандовала:

— Ромаш, будь добр — останови машину и выйди со мной на минуточку.

Со стороны так называемой помощи возражений не последовало, и стоило таксисту в очередной раз припарковаться на обочине, как Катюха пулей вылетела из «фольксвагена» и ломанулась подальше вглубь рядов винограда. Фигур, конечно, кустики не скроют, но устраивать сцену перед пассажирами — а в том, что оба не люди, Екатерина даже не сомневалась — не тянуло совершенно. Почувявший неладное Ромаш быстро ее догнал и взял за руку, но шел рядом молча, покуда она не остановилась и, вперив в него недобрый взгляд, не поинтересовалась:

— Если я правильно поняла, того рыжего выпендреника...

— Катенька, о нем лучше либо хорошо, либо никак: тебе же еще домой возвращаться, — попытался утихомирить ее таксист, но с мысли она не сбилась:

— ...ты позвал мне на помощь, не исключая, что тебя самого же с ходу и прихлопнут?

Вопреки ожиданиям взгляда Ромаш не отвел.

— Раз уж я оказался не способен защитить тебя сам, готов

хотя бы заплатить необходимую для этого цену.

К счастью таксиста, коряг поблизости не наблюдалось, за-точка не обладала нужным эффектом, а потому ему доста-лись только череда глухих ударов кулаками в грудь и полу-воплъ-полустон:

— Я ведь даже «да» тебе еще не сказала!

— Боюсь, я не поступил бы иначе, даже скажи ты «нет». Прости.

Ну идиот же? Полный идиот!

— Ромаш, не нужна мне защита такой ценой!

Леший грустно покачал головой:

— Без нее шансов ноль у обоих, а так хотя бы ты в целости и сохранности будешь, Катенька. Сама ведь предлагала мне почаще головой пользоваться.

— Знала бы, к чему это приведет, — молчала бы в тря-почку, — вздохнула она. — И что теперь — бежать еще и от этих?

Он задумчиво глянул назад, на «фольксваген».

— Честно? Сам не понимаю. Слыхал, конечно, мол, у Зе-леного Князя сын... специфический, так скажем, — тут Ро-маш на всякий случай стрельнул глазами по сторонам. — Но точно не рассчитывал, что он лично заявится, а уж заодно и ведьму на хвосте тем более не ждал...

Екатерина выгнула бровь:

— У вас еще и ведьмы есть?

— Не-не, ведьм нет! — активно замотал головой таксист.

— Мы, ну, лешие, успешно истребили их еще пару веков назад. Просто не так давно одна внезапно нашлась, причем сразу на попечительстве у сына Зеленого Князя, — и сейчас преспокойненько чилит на моем заднем сиденье.

Мозг Катюхи закипал.

— А еще ты говорил, будто лешие не врут.

— Некоторые и не такое могут себе позволить, — мрачно кивнул Ромаш. — Укрывательство ведьм, кстати, тоже карается.

— Дай угадаю чем, — хмыкнула Екатерина. — Кстати, что по этим вашим законам страшнее — отношения с человеком или ведьмой? Или его нафталиншеству просто нравится чиркать спичками на складе фейерверков?

Леший на всякий случай огляделся и возмущенно зашептал:

— Катенька, с ума сошла? Она же подопечная Александра Витольдовича...

— Ромаш, он на нее смотрит как бобик на поводок перед прогулкой. Если б нам на фотках хоть одна модель такую химию с партнером выдавала, мы б уже озолотились.

Таксист оторопел. Оглянулся на машину, на Екатерину — и снова на машину.

— А ведь твоя правда! Блин, да за одно только подозрение...

— Если я правильно уловила тенденцию — верная смерть? М-да, не наврала девица, никакой фантазии у ваше-

го брата... Стоп, она что, идет сюда?

Теперь в сторону «фольксвагена» устались оба. Катюха не ошиблась: непрошеные пассажиры вылезли из салона, рыжий остался стоять у машины, а вот ведьма бодрым шагом направилась прямо к ним. Ишь, кигуруми от жары расстегнула, подставив солнцу открытые майкой с тонкими лямками плечи, — обгореть не боится, что ли? С ее плетоядика станется радостно ожоги сметанкой намазать со всеми вытекающими... Станные они все-таки. Он ей выкает, она ему тыкает, при этом оба явно друг с другом флиртуют, но стоит одному порушить кирпичик в стенке между ними, как второй поспешно на освободившееся место два ставит... И тут до Екатерины дошло: рыжий явно был не из тех, кому знакомо смирение, — если, конечно, речь не о его ведьме.

— Ромаш, кажется, я поняла, что происходит.

— М-м-м?

— Походу они за нас болеют.

Ответить сбитый с толку леший не успел — Пандора подошла слишком близко:

— Можно теперь мы с Екатериной немного с глазу на глаз пообщаемся?

Парочка обменялась настороженными взглядами.

— Не волнуйтесь, мой спутник не причинит вашему никакого вреда. Он вообще на многое готов, лишь бы никого не убивать, — как видите, даже на дешевый спектакль.

Ромаша с Катюхой этот спич не слишком вдохновил, но,

переглянувшись, они слегка кивнули друг другу, и таксист обреченно потопал к машине, а Екатерина осталась в обществе ведьмы, не сводя взгляда с его силуэта. Вот леший дошел до «фольксвагена», замер поодаль от рыжего, уставился в одну точку — как тот его окликнул, и буквально через минуту Ромаш уже внимательно слушал гостя, максимально к нему приблизившись и наклонившись.

— Кажется, мальчики поладили, — констатировала Пандора. — Саша правда хотел как лучше. Подозреваю, не успеешь откликнуться на призыв первым — результат вам бы точно не понравился.

— Ты про других генералов этого вашего самого главного?

— Угу.

— Честно? Понакручено так, что без пол-литра не разберешься.

Та спорить не стала, просто смирила Катюху взглядом еще раз и выдала:

— Как ты уже слышала, наши лешие могут за тебя вступиться — но выйдет так себе. Меня, позволю себе прямую цитату одного рыжего комбинатора: «Ни в коем случае не заманили — нет-нет, как можно», — передразнила она, — взглянуть на ситуацию и попытаться найти иной выход.

— И?

— Взглянула. Мой вывод: лезть нам незачем, сами разберетесь.

Екатерина опешила:

— И это ваша хваленая помощь?

— А ее кто-то еще и похвалить успел? — скептически покосилась на нее девица. — Давай честно: ты сама хоть раз смогла окружающих против воли заставить к советам прислушаться? Вот и я о чем. Пытаюсь ли? Постоянно. Получается ли? Пф, вы вон даже кофе выпить не осилили — а я просила.

— Если верить Ромашу, мой отец очень силен...

— ...но ты все равно хочешь с ним встретиться, хоть и не исключаяешь, будто он же тебя и заколдовал, так? А просто развернуться и уйти прочь не можешь, что ли? Только честно.

— Могу, — признала Катюха. — Могу, но не буду.

— О чем и речь, — развела руками Пандора. — Ты сама выбрала путь, твой леший — сам увязался, поэтому, помяни мои слова, дальше тоже сами разберетесь. Без нас.

— То есть, получается, вы появились, потрепали нервы и ушли?

Девушка перевела взгляд на «фольксваген».

— Честно? Очень на то похоже, но лично я понятия не имею, о чем они там говорят.

Теперь уже активно жестикулировавший Ромаш затирал что-то Александру Витольдовичу, а тот внимательно его слушал, сунув руки в карманы брюк и задумчиво перекатываясь с пятки на носок и обратно. Для таксиста, еще недавно все-

рьез опасавшегося второго лешего, разгон был шустроват.

— Но кофе все-таки допейте, — напомнила напоследок девица, двинувшись обратно к машине.

— На вкус как помой.

— Можно не врать: знаю, что хуже.

— Он-то чем поможет?

Ведьма остановилась и обвела округу руками:

— Мы сейчас посреди виноградника. Виноград — растение. Все, что они слышат, практически сразу становится известно их господину. Поэтому просто допейте кофе, естественным образом сделайте лица попечальнее, а дальнейшие шаги обсуждайте уже в машине.

Так вот для кого дешевый спектакль? И правильно, нефиг тратить.

Заметив приближение дам, оба леших как по команде смолкли и приняли вид невинный и честный, разве что на-свистывать не начали, и сразу стало очевидно — сговорились. Катюха на всякий случай глянула по сторонам — пусть и не кусты, но жухлая трава то тут, то там виднелась. Получается, рыжий сумел убедить местную флору не передавать их разговор вышестоящему начальству — или, наоборот, лешие общались настолько тихо, что не боялись прослушки? В любом случае, дойдя до «фольксвагена», Пандора обратилась сразу ко всем:

— Поскольку тайным наше общение ни для кого не осталось, развязка скоро наступит. Если передумали и готовы по-

вернуть обратно — это последний шанс, а мы уходим.

— Куда? — удивление рыжего было абсолютно искренним. Забавно, он и вправду не знал, что удумала его ведьма?

— Да примерно куда угодно: ребятам надо побыть наедине.

Интрига возросла настолько, что Екатерина даже «ребят» от девицы явно ее младше проглотила: теперь незваный гость и Ромаш еще и недоуменно переглянулись.

— А помочь?.. — попытался ненавязчиво напомнить сын Зеленого Князя.

— Чем смогли — помогли: я кофе вон принесла; знаешь, сколько за него сейчас ломают? Саш, они и вправду сами разберутся, а нам пора — э, нет, никаких корней, уж лучше я! — на этих словах оба просто исчезли, словно и не было, а Екатерина с Ромашем остались одни.

Недолго подождав снаружи — с «помощи» случилось бы и столь же внезапно вернуться, — оба сели обратно в машину и влили в себя остатки отвратного кофе. Не ощутив никакого эффекта, леший вздохнул.

— Получается, за нас никто не вступится, так?

— Сам видел: ведьма заявила, что без них разберемся, и просто исчезла, прихватив с собой твой зерноуборочный комбайн.

Ромаш задумчиво побарабанил пальцами по рулю.

— Да, видел, но упорно не понимаю: он ведь сам сказал, ему нельзя не вмешаться!

— Честно? Вот пусть и останется его личной проблемой. Важнее другое: раз уж сейчас последний шанс повернуть назад, предлагаю дальше идти одной, без тебя.

Впервые за все время их знакомства леший уставился на нее как на умалишенную:

— Сдурела? У тебя против Тавра никаких шансов!

— А у тебя самого этих шансов до фига, что ли?

— Нет, но... Для тебя это путь в один конец!

— Отлично, спасибо за предупреждение. А для тебя?

Он чуть помялся.

— Тоже. Но ты не понимаешь, тут другое: я просто не могу иначе.

— А я, по-твоему, могу? Типа окей, отец в прямом смысле убьет единственного дорогого мне человека — ну лешего, не суть, — а я должна радостно это принять, типа «таков и был план»? Да, я хочу знать правду, но и одна жертва — уже более чем перебор.

Таксист молчал.

— Нет, серьезно. Ты как это представляешь? Что мне настолько плевать?

— Катенька, смерть — это очень больно, непоправимо и отвратительно, — тихо проговорил он.

— Как и половина говна, с которым я тут столкнулась.

— Я не шучу.

— Я тоже! Ну вот как, как ты себе это представляешь? Если бы не я, таксовал бы себе спокойно дальше и в ус не

дул. Ромаш, ты мне и так уже очень помог — и огромное за это спасибо, — но неужели считаешь, будто я и глазом не моргнув просто прихватчу тебя с собой в могилу? По-твоему, я такой человек?

— Идти к нему в одиночку — верная смерть, — покачал головой леший.

— Так в том и дело: вместе — все то же самое, просто в двойном размере. Я не хочу для тебя такого исхода, понимаешь? Расплачиваться за упертость должна сама — и тут у тебя в долг не возьму.

— Катенька, послушай, я... — тема явно давалась Ромашу нелегко. — Скажем так, сильно сомневаюсь, что Тавр смилостивится на «быстро и безболезненно». Деду Тише с этим явно не повезло — и, судя по наложенным на тебя чарам, вряд ли наш князь так уж склонен к гуманизму.

Но и она осталась непреклонна:

— Ромаш, я в курсе, на что подписалась. Если ты с чего-то решил, будто от рака люди умирают в чистеньких постельках со счастливыми улыбками на лицах, то тебе пора завязывать с сериалами: смерть — это говно. Отвратительное и стремное говно.

— Именно поэтому я одну тебя в нем не оставлю.

Они замолчали, буравя друг друга взглядами. Внутри Катюхи все кричало: вдвоем нельзя, ты не имеешь права утягивать за собой в бездну другого, и в целом с этим она соглашалась. Проблемы начинались в частностях. Да, нельзя

обречать близких на смерть, но можно ли ради этого лишать их выбора? Перефразируя виденные ею в Москве билборды: даже если человека нельзя спасти, разве ему нельзя помочь? По логике Ромаш ведь должен иметь право решать сам, да? Что для него хуже? И окажись она на его месте — смогла бы в такой ситуации просто развернуться и уйти?..

Громко завыл ветер — услышали аж в машине. Екатерина посмотрела вперед и обомлела — на них ползла, поскверкивая молниями, огромная, темная, точь-в-точь как в ее сне, туча, и скорость приближения выглядела крайне неестественно.

— Видимо, последний шанс упущен?

— Мы оба ступили на путь к Тавру, и оба отказались с него сойти, — глянув туда же, кивнул леший, но внезапно повернулся к ней и выдал: — Давай потом поженимся?

Следя за наступающей тьмой, оба прекрасно понимали, что никакого «потом» и уж тем более «поженимся» не случится, но этот росток надежды, поднявший вдруг голову, оказался слишком в духе Ромаша. И вообще, любимый в очередной раз был прав: черт с ней, философией, но хотя бы в конце их знакомства стоило прямо сказать, что все-таки Катенька выбрала его.

— Обязательно, — спокойно ответила она, будто речь шла о маршруте поездки. — Закончим тут — и напрямик в ЗАГС, даю слово. Считаю, уже женаты — осталось только документы подать и дожидаться, когда у ваших с их «потти-

хоньку» руки обработать дойдут.

Леший улыбнулся — совсем как раньше, счастливо и солнечно, а после наклонился и легонько коснулся ее щеки губами. Катюха моментально покраснела, но и Ромаш выглядел смущенным: несмотря на всю дикость ситуации и внезапную радость, они явно стеснялись. Однако Екатерина Тавровна оставалась Екатериной Тавровной:

— Вы деревянные, это я уяснила. Но заточкой по яйцам — все равно же больно?

— Не так, как людям, но неприятно, да, — несколько обалдел Ромаш от вопроса.

— Супер. В таком случае постараюсь хотя бы немного намекнуть отцу, что он неправ.

Туча приближалась, а пейзаж за окном мельтешил, словно и они двигались навстречу туче. Стоило выйти из машины, как «фольксваген» с дорогой исчезли, а общий флер местности принялся отдавать знакомыми Катюхиными кошмарами. Ей кажется? Или наоборот, больше не кажется?

— Ромаш, это по-настоящему?

— Как сказать... Вокруг нас морок, но морок этот реален. Ну зашибись вообще.

Леший осторожно взял ее руку в свою и замер, к чему-то прислушиваясь. Истерично выл ветер, ветви из ниоткуда возникших деревьев пытались хлестать по лицу, темнота и холод настали жуткие — и у всего этого чувствовалась одна сила, один источник. Оглядевшись, Екатерина прокри-

чала в сторону уже знакомого дерева:

— Покажись!

И он показался — возник на месте искореженного ствола, ровно такой, каким она отца помнила: косматый мужчина с густыми темными бровями, высокий и будто ни на день за все это время не постаревший. И вправду на ее лешего вообще не похож. Интересно, а улыбаться умеет? Оглядев их и остановив взгляд на сцепленных руках, Тавр сплюнул:

— Мерзость.

— Вот уж кого спросить забыла. Кстати, и не смогла бы, ведь тебя в моей жизни вообще не наблюдалось. Не подсказешь заодно почему?

Тот скривился, угрожающе поднял руку — и Ромаш поспешно выпалил:

— Тавр Херсонесович, это вы насылали чары на собственную дочь? Как вассал я призываю к ответу — и ответить вы теперь обязаны.

Помолчав, тот усмехнулся:

— Че, с врагом якшался, тот и надоумил, сученыш? А что я тебя за такое прибыю, твой рыжий дружок не сказал?

— В этом я и раньше не сомневался — а так хотя бы ответы получим, — выдвинулся чуть вперед, прикрывая собой Катюху, таксист.

Тавр склонил голову вправо:

— Смотрю на тебя и прям вижу, в какое сопливое говно неприрученная любовь превращает. Нормальный же был:

пусть и туповатый, но хотя бы верный...

— Это все ты? — перебила его Екатерина, и тот ответил просто — и очевидное:

— Я.

— Но зачем?

— Потому что ты — дрянь несусветная и быть тебя не должно.

— Речь о вашей дочери, — напомнил Ромаш.

— Это не дочь, так, ошибка, — а ошибки нужно исправлять.

Тавр не спешил, и она понимала почему — незачем, они на его территории, в его власти. Мог уничтожить в один момент? Легко, но тогда эмоционального удовлетворения не получил бы, ага. История тяготила отца ничуть не меньше, чем ее саму, и он явно хотел выпустить накипевшее, смутно кого-то напоминая. А, стоп, не смутно.

— Так вот ты какая, сволочь.

Ромаш, однако, не понимал:

— Но это ведь ваш собственный ребенок! Катенька ж не ради себя, а ради вас приехала и мучилась: искала, ругалась под нос, но искала, боясь, что вам ее помощь нужна.

— Ни сама она, ни помощь никакая мне от выродка не нужны. А зачем да почему... Сам подумай: чего я за князь такой выйду, если всплывет, будто человеческая девка мои чары играючи развеивает? Позорище.

— Но вы ведь заколдовали ее до того, как... — и внезапно

таксист замолчал, в шоке уставившись на Тавра.

— Ага, смекнул, — удовлетворенно кивнул отец. Видимо, история и вправду жгла ему душу. — Начал-то с матери. Баба была яркая, хохотливая, в теле — и без того глаз цепляла, аж с первого взгляда пробрало, сразу понял — моей будет. Ну и решил умыкнуть да лешачихой обратить, все как заведено: чтоб и шею не подставить, и желанное получить. Ребеночка, вон, сразу заделал — думал, нашей породы выйдет, заякорит ее тут, чары остальное докрутят — да шиш там, человечка получилась чистой воды. И мамаша, зараза, так и не умыкалась нормально: вроде и под мороком, но чуть родню вспомнит — моргнуть не успеешь, уже на станции с билетами. Двенадцать лет ее к себе тащил, обратить пытался, да без толку: все равно обратно рвалась, будто ей там медом намазано, а чары мои лопались, не выдерживали. Шутка ли, князю за столько лет двух человечек в нашу кровь не переделать? Под конец не выдержал уже я: после очередного побега плюнул, посадил мамке гнильцу и более к себе не вел, вот гнильца ее в итоге и заморила: дело, считай, шито-крыто. Так эта дрянь возьми и уже сама на мои поиски отправься, паскуда!

— Ну сбежала ваша супруга домой, но проклинать-то вслед зачем? Судя по всему, по доброй воле она бы и без того не вернулась... — оторопело переспросил Ромаш.

— Ага, и жила б доказательством слабости? Не, парень, нельзя недругам давать шанс припомнить твои ошибки, за-

тирать их надо. Но грохны я неудачную жертву приворота на своей земле — богатыри б с рук не спустили, и дело международными терками запахло бы, а так сгнила себе тихо-мирно на родине — и вопросов нет. Правда, зараза и в этом с чарами поспорить умудрилась, вместо пяти лет все двадцать, считай, прожила...

— Приворота? — покосилась на своего лешего Екатерина.

— Это когда любить заставляют искусственно: чарами там, травами или заговорами. На меня не смотри, и хотел бы, не смог — я так не умею.

— То есть эта сволочь влюбился, попытался мою маму украсть, и поскольку в леших нас превратить так и не смог, все это с ней вытворил, а после еще и меня убить решил? — не верила своим ушам Катюха.

— Одно дело жену из людей взять и своей породы сделать, такое мы привечаем, но вот якшаться с вами, пока вы еще мясные, — мерзость, — снова сплюнул Тавр, глядя на их с Ромашем сжатые руки.

— А вариант не лезть к ней, пока чары не сработают, в голову тебе не приходил?

— Они должны были сработать! Что мне, по-твоему, во-все ее не драть было, если хотелось?

Катюха старательно принялась глубоко дышать, гоня прочь мысли о заточке, но отец расценил это по-своему:

— Ишь, пыжится. Вся в мать: уж сколько водил, с дороги

сбивал — и гляди, все равно приперлась.

— Ты мог просто сказать, что я тебе не нужна, — и я бы остановилась, — несколько отстраненно произнесла Екатерина.

— Не, так дела не делаются, — покачал Тавр головой. — Про тебя и знать никому не надо, а уж как с равной говорить, тем более много чести. Ты ошибка, быть тебя не должно, и сегодня мы с этой ошибкой разберемся раз и навсегда.

Он недобро усмехнулся, резко взмахнул рукой — и в сторону Ромаша метнулась зловещая тень, но столь же мгновенно отскочила, и волоска на голове не тронув. Тавр уставился на свою руку, потом на лешего, потом обратно.

— Не понял.

— Я тоже, — ошарашенно оглядев себя, отозвался таксист.

Тень метнулась снова — опять без последствий. И еще. И опять. Тавр, поначалу отмахивавшийся от Ромаша, словно от мухи, начал прилагать очевидные усилия, но тщетно — леший стоял как был, даже не морщась. Отец, явно взбесившись, кинул быстрый взгляд на нее, завел руку — и Ромаш моментально сгреб Катюху в охапку, успев прикрыть собой быстрее, чем перед лицом просвистела тень, чем-то неуловимым напомнившая огромный корень с шипами, — и опять исчезла раньше, чем коснулась.

— Что происходит? — прохрипела Екатерина куда-то в плечо своего лешего.

— Он пытается ударить — и у него не получается.

— Это же хорошо?

— Очень. Плохо только, что не понимаю почему...

Она тоже не понимала и судорожно пыталась нащупать в памяти хоть какую-нибудь зацепку о том, благодаря чему они с мамой сбегали от отца, но сколько ни перебирала воспоминания, не помогало. По ощущениям все было как всегда, настолько привычно и буднично, что до этого дня Катюха даже не осознавала ужаса ситуации: они просто шли вперед, а мать держала ее за руку... Внезапно Катеньку пробил холодный пот: держала или держалась? Ведь тут как во сне: чтобы победить сволочь, не обязательно сражаться — достаточно освободиться. Найти в сгустившемся вокруг них морозе просвет, а затем расширить эту брешь.

Брешь.

Отверстие.

Дырку.

И пусть она не знает, как именно это сделать, но ведь один аккумулятор можно запитать от другого, да?

Екатерина будто очнулась, наконец-то осознав, кто она и где. Ромаш крепко прижимал к себе, внимательно следя за окружением, пытаясь защитить в меру сил и непонятных возможностей — бедняга, вот и подвози девиц в беде. Такой хороший. Она не умеет, но может. Он не может, но сделает. И кстати, страдать в процессе не обязательно.

— Целовать меня еще не передумал?

— А? — мгновенно растерялся леший, уставившись на нее во все глаза.

— Я так, скорее для галочки уточняю — вдруг после знакомства с папенькой расхотелось?

— Что? Нет, конечно. Но сейчас не самый подходящий момент...

— Самый, — она приблизилась к его лицу и, заглянув в глаза, хитро улыбнулась. — По крайней мере я собираюсь постараться, чтобы вышел именно он.

Ромаш определенно не понимал, что происходит, но спорить не стал — только обнял крепче, прижал сильнее, будто пытаясь спрятать от всего мира, и, прикрыв глаза, осторожно коснулся своими губами ее. Какие мы вежливые, даже перед лицом смерти пытаемся помнить о личных границах, да? А ну иди сюда и открой ротик пошире...

Тавр завопил, уже не одна, а десяток теней метнулись к ним, темнота вокруг сжалась, наползая, а Ромаш на секунду остановился в изумлении.

— Понял? А теперь будь хорошим мальчиком и получи камушком в сердечко — и чтоб на тысячу осколков, как обещал...

Целоваться, когда губы сами по себе расползаются в счастливых улыбках, сложно. Под истерический ор родителя одного из вас — еще труднее, а уж когда вокруг мечутся бешеные корни и тьма... Пожалуй, эротизма получившейся версии первого поцелуя явно не доставало, но он вполне ком-

пенсировал это нежностью, радостью и каким-то невыразимым единением, когда говорить не надо, достаточно просто быть — друг у друга и друг для друга. И Ромаш был — крепко обнимая, принимая и понимая ее всю, пропуская через себя и направляя вовне. Вот такой образчик лешего ей достался: раз уж его Катеньке везет на куриных богов, вполне готов стать им и сам. Дурилка. Самый любимый дурилка.

А потом вдруг резко посветлело — и все. Ни следа Тавра или его чар, ничего: та же дорога, обычный солнечный и, к вечному недовольству Екатерины, жаркий день — и две уже знакомые фигуры, ждущие их у синего «фольксвагена» неподалеку. Рыжий сверлил Пандору довольно интересным взглядом — смесью возмущения и восторга, та, насупившись, обмахивалась большим черным пером, и тут Катюху озарило снова — на этот раз совсем уж неожиданной мыслью:

— Вы что, устроили весь этот цирк, лишь бы предупредить... Тавра?

Ведьма разочарованно развела руками.

— Попытаться определенно стоило, но, как я и говорила, полезные советы никто не слушает.

Мозг Екатерины продолжал буксовать.

— И ты взаправду верила, будто мы сами справимся?

Девушка выгнула бровь:

— Не думали же вы, что я вас просто бросила? — и, переведя взгляд на своего спутника, ткнула того локтем в бок.

— Саш, пора что-то делать с твоей репутацией — окружающие автоматически переносят ее и на меня. И хватит так воспитательно смотреть! Я трижды громко и четко повторила: «сами разберутся», если этот глухой тетеря не понял — это его и только его проблемы.

Все еще обнимавшая Ромаша и оттого безмерно счастливая Катенька оценила получившуюся картину со своего резко повысившегося уровня экспертности в амурных делах и пришла к однозначному выводу: крошить сердца леших в труху определенно становилось трендом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.